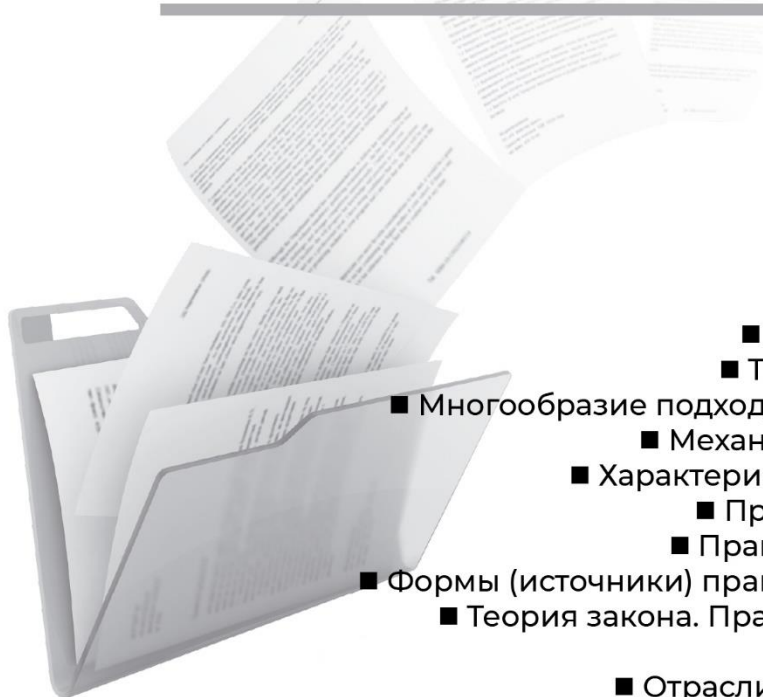

ISSN 2500-3674

ЮРИДИЧЕСКАЯ ГНОСЕОЛОГИЯ

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

- Онтология и гносеология права
- Теория обычая и обычного права
- Многообразие подходов к вопросам правопонимания
- Механизмы правового регулирования
- Характеристика моделей правовых систем
- Право в системе социальных норм
- Правосознание и правовая культура
- Формы (источники) права. Нормативные правовые акты
- Теория закона. Права человека как источник права
- Система и структура права
- Отрасли, подотрасли и институты права
- Правотворчество и законодательный процесс
- Применение правовых норм

№7-2024

Журнал «ЮРИДИЧЕСКАЯ ГНОСЕОЛОГИЯ» издается с 2016 года.

В журнале публикуются результаты научных исследований, суть которых состоит в глубоком познании права, государства и других юридических или экономических явлений. Среди авторов журнала российские и зарубежные исследователи (доктора и кандидаты наук, аспиранты и соискатели, студенты), и специалисты-практики (судьи, работники прокуратуры, адвокаты, нотариусы, экономисты, банковские служащие, государственные и муниципальные служащие, историки, философы). Широкая специализация журнала позволяет публиковать на его страницах статьи, обзоры, отзывы, рецензии и другие материалы, содержащие в себе новые теории познания всех отраслей юридической науки, экономической, а также материалы, содержащие результаты междисциплинарных исследований.

Тексты статей, поступающие в редакцию от авторов, проходят научное рецензирование и в обязательном порядке проверяются на наличие недобросовестного научного цитирования, а также самоцитирования в программной среде «Антиплагиат».

Приоритетные задачи издания:

- популяризация научной деятельности в российской высшей школе;
- ознакомление научного сообщества с передовыми результатами исследовательской активности в профильных областях знаний и обмен опытом с зарубежными коллегами и учеными из стран СНГ;
- актуализация современных научных воззрений на проблематику в сфере прикладной и фундаментальной науки, применительно к тематической специализации издания – теория государства и права, правоприменение и правотворчество;
- продвижение перспективных и научно-исследовательских разработок, связанных с предметной областью издания.

Разделы и рубрики журнала:

- теория и история права;
- конституционное право, конституционный судебный процесс;
- муниципальное право;
- актуальные вопросы частного права;
- уголовное право и процесс, уголовно-исполнительное право;
- судебно-экспертная деятельность;

- оперативно-розыскная деятельность и криминалистика;
- административное право, административный процесс;
- адвокатская дело;
- теория и история философии права;
- социальная и политическая философия;
- философия культуры;
- философия науки и техники;
- экономика и управление народным хозяйством;
- основы экономической безопасности;
- экономические преступления и методы их профилактики и противодействия;
- вопросы обеспечения национальной безопасности.

Язык издания: русский, английский.

Количество статей в выпуске: до 25.

Периодичность выхода: 6 выпусков в год.

Международный стандартный сериальный номер (ISSN):
2500-3674.

Настоящее издание включено в Перечень ведущих научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденными приказом Минобрнауки России (дата включения в перечень ВАК – 19.12.2023г.), журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ЖУРНАЛА

Кудинов Владимир Владимирович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (Москва)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Винокуров Александр Юрьевич, доктор юридических наук, профессор, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации», профессор кафедры международного сотрудничества в сфере прокурорской деятельности, обеспечения представительства и защиты интересов Российской Федерации в межгосударственных органах, иностранных и международных (межгосударственных) судах, иностранных и международных третейских судах (арбитражах) (Москва)

Денисова Анна Васильевна, доктор юридических наук, доцент, профессор департамента систем судопроизводства и уголовного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва)

Исаенкова Оксана Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» (Саратов)

Калюжный Юрий Николаевич, доктор юридических наук, профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений, Академия управления МВД России (Москва)

Киреев Михаил Павлович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, профессор кафедры управления ОВД в особых условиях ЦКШУ Академии управления М В Д России (Москва)

Ключко Ольга Ивановна, доктор философских наук, профессор общеинститутской кафедры психологии образования

Института педагогики и психологии образования, Московского городского педагогического университета. (Москва)

Либанова Светлана Эдуардовна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного права Уральский государственный юридический университет (Екатеринбург)

Лукьянчикова Людмила Владимировна, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, доцент, Профессор кафедры государственно-правовых дисциплин отделения «Высшая школа правоведения» факультета государственного и муниципального управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва)

Мухина Елена Геннадьевна, доктор экономических наук, доцент, эксперт в области экономической безопасности и региональной экономики, почетный работник сферы образования Российской Федерации (Москва)

Назипова Гульчачак Рахимзяновна, профессор кафедры музеологии, культурологии и искусствоведения, доктор исторических наук, член ИКОМ (Международного Совета музеев) России, член Правления Совета музеев ПФО, член НП АДИТ («Автоматизация деятельности музеев и информационные технологии»), член НП «Национальный Союз Экспертов», эксперт по культурным ценностям, Заслуженный работник культуры Республики Татарстан, ФГБОУ ВО «Казанский государственный институт культуры (Казань)

Редкоус Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук (Москва)

Рудаков Анатолий Валерьевич, доктор политических наук, Главный эксперт научно-исследовательского центра изучения проблем национальной и международной безопасности Института международных отношений и мировой истории (ИМОМИ) Нижегородского государственного университета им Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород)

Синицын Олег Владимирович, Доктор исторических наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет, профессор кафедры исторического и обществоведческого образования (на базе Института всеобщей истории РАН), Заслуженный профессор Казанского университета, Заслуженный работник высшей школы Республики Татарстан, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Казань)

Спектор Асия Ахметовна, доктор юридических наук, профессор, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования, Российский университет транспорта (МИИТ) (Москва)

Субетто Александр Иванович, профессор, кафедры Общественных наук, Северо-Западный институт управления СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ, профессор кафедры Истории религии и теологии РГПУ им. А.И. Герцена, доктор философских наук, доктор экономических наук, Заслуженный деятель науки РФ

Ульянов Олег Германович, доктор исторических наук, Профессор, Академик Российской Академии Естествознания, Историк, искусствовед, археолог. (Москва)

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права, Краснодарский университет МВД России (Краснодар)

Храмцова Флюра Ибрагимовна, дважды доктор политических наук – России, Белоруссии, профессор политологии, кандидат педагогических наук, профессор Академии управления при Президенте Республики Беларусь, Института государственной службы, главный научный сотрудник НИИ Теории и практики государственного управления той Академии управления

EDITOR-IN-CHIEF OF THE JOURNAL

Kudinov Vladimir Vladimirovich, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Organization of Judicial and Prosecutorial Investigative Activities Department of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (Moscow)

EDITORIAL BOARD

Vinokurov Alexander Yuryevich, Doctor of Law, Professor, University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of International Cooperation in the Field of Prosecutorial Activity, ensuring representation and protection of the interests of the Russian Federation in interstate bodies, foreign and international (interstate) courts, foreign and International arbitration courts (arbitrations) (Moscow)

Denisova Anna Vasilyevna, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Judicial Systems and Criminal Law Department at the National Research University Higher School of Economics (Moscow)

Isaenkova Oksana Vladimirovna, Doctor of Law, Professor, Head of the Civil Procedure Department, Saratov State Law Academy (Saratov)

Kalyuzhny Yuri Nikolaevich, Doctor of Law, Professor of the Management Department of Public Order Units of the Center for Command and Staff Exercises, Management Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow)

Kireev Mikhail Pavlovich, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Russia, Professor of the Internal Affairs Management in Special Conditions Department of the Central Research School of the Management Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow)

Klyuchko Olga Ivanovna, Doctor of Philosophy, Professor of the General Institute Department of Educational Psychology, Institute of Pedagogy and Psychology of Education, Moscow City Pedagogical University. (Moscow)

Libanova Svetlana Eduardovna, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Constitutional Law Department, Ural State Law University (Yekaterinburg)

Lukyanchikova Lyudmila Vladimirovna, Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the State and Legal Disciplines Department of the Higher School of Jurisprudence Department of the Faculty of Public and Municipal Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow)

Mukhina Elena Gennadievna, Doctor of Economics, Associate Professor, expert in the field of economic security and regional economics, Honorary Worker of education of the Russian Federation (Moscow)

Nazipova Gulchachak Rahimzyanovna, Professor of the Museology Department, Cultural Studies and Art History, Doctor of Historical Sciences, member of the ICOM (International Council of Museums) of Russia, member of the Board of the Council of Museums of the Volga Federal District, member of Automation of Museum Activities and Information Technologies, member of National Union of Experts, expert on cultural values, Honored Worker Culture of the Republic of Tatarstan, Kazan State Institute of Culture (Kazan)

Redkous Vladimir Mikhailovich, Doctor of Law, Professor, Leading Researcher in the Sector of Administrative Law and Administrative Process at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

Rudakov Anatoly Valerievich, Doctor of Political Sciences, Chief Expert of the Research Center for the Study of National and International Security Problems at the Institute of International Relations and World History, Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky (Nizhny Novgorod)

Sinitsyn Oleg Vladimirovich, Doctor of Historical Sciences, Kazan (Volga Region) Federal University, Professor of the Department of Historical and Social Studies Education (based on the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences), Honored Professor of Kazan University, Honored Worker of Higher Education of the Republic of Tatarstan, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Kazan)

Spector Asia Akhmetovna, Doctor of Law, Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education, Russian University of Transport (Moscow)

Subetto Alexander Ivanovich, Professor, Department of Social Sciences, Northwestern Institute of Management of the Russian Academy of Sciences under the President of the Russian Federation, Professor of the Department of History of Religion and Theology of the A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, Doctor of Philosophy, Doctor of Economics, Honored Scientist of the Russian Federation

Ulyanov Oleg Germanovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Historian, art historian, archaeologist (Moscow)

Uporov Ivan Vladimirovich, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Law, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Krasnodar)

Khramtsova Flura Ibragimovna, twice Doctor of Political Sciences – Russia, Belarus, Professor of Political Science, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor at the Academy of Management under the President of the Republic of Belarus, Institute of Public Administration, Chief Researcher at the Research Institute of Theory and Practice of Public Administration of that Academy of Management

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Мустафаев Заур Рамис оглы. ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ И ИХ АНАЛОГОВ В ИСТОРИИ РОССИИ	14
Салфеткин Руслан Александрович. ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ МЕТОДИК: ОТ ЭМПИРИЧЕСКОГО К ТЕОРЕТИЧЕСКОМУ ЗНАНИЮ	26
Шепелев Владимир Иванович, Двойменный Анатолий Владимирович. ЦЕННОСТНО-ПРАВОВЫЕ И НРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ДОСТОЙНОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА	35
Шурухнов Николай Григорьевич. РОССИЙСКИЕ МИРНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТЫ И ДОКУМЕНТЫ КОНФЕРЕНЦИИ И КОНВЕНЦИИ 1899 Г. «О МИРНОМ РЕШЕНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТОЛКНОВЕНИЙ»	46

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Алехина Екатерина Сергеевна, Ковтун Надежда Анатольевна, Елизаров Игорь Владимирович. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА В ПРОЦЕССЕ ОБОСНОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА	54
Кочетова Светлана Михайловна. НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ КАК КОМПЛЕКСНЫЙ ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ	61
Кудинов Владимир Владимирович. НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ТЕРРИТОРИИ КАК ЭЛЕМЕНТ КОНСТИТУЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА (ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ)	73
Кухарев Юрий Станиславович, Степурина Анна Дмитриевна, Слепинина Маргарита Георгиевна. О МЕРАХ ПО ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ И УРЕГУЛИРОВАНИЮ КОНФЛИКТОВ СРЕДИ ДИАСПОР НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ	83
Титов Александр Николаевич, Мищенко Наталья Юрьевна, Игнаткин Юрий Иванович, Громов Виктор Александрович. ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ СТАНДАРТ В РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ВЫБОРА	90
Шевцов Александр Валерьевич. К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ, ПРИМЕНЯЕМЫХ В УСЛОВИЯХ ДЕЙСТВИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ	100

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Клепикова Ольга Геннадьевна, Климова Анна Николаевна. К ВОПРОСУ О ПОСЛЕДСТВИЯХ ВОЗМЕЩЕНИЯ ИМУЩЕСТВЕННОГО ВРЕДА КАЗНОЙ ДЛЯ УЧАСТНИКОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА И ДЕЛА О БАНКРОТСТВЕ 109

Климова Анна Николаевна, Клепикова Ольга Геннадьевна. К ВОПРОСУ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАКОНОПОЛОЖЕНИЙ О ПОРЯДКЕ ПРОВЕДЕНИЯ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ В НОВОСТРОЙКЕ 118

Коноваленко Ольга Леонидовна, Гуменюк Елена Валентиновна. КОНЦЕССИЯ КАК ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА 126

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Азимов Эльдар Мехтиярович, Колесник Иван Дмитриевич. АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРОФИЛАКТИКЕ РАДИКАЛИЗМА СРЕДИ МОЛОДЕЖИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕТОДИК ПРОФИЛАКТИКИ 133

Азимов Эльдар Мехтиярович, Козлов Алексей Владимирович. ИГРА КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОФИЛАКТИКИ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ОСОБЕННОСТИ И ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ 144

Лелик Наталия Борисовна. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ГОТОВНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ К ДЕЙСТВИЯМ ПРИ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ 155

Пантюхина Инга Владимировна, Кольцова Екатерина Юрьевна. ОСОБЕННОСТИ КОНФИСКАЦИИ ИМУЩЕСТВА В ЗАРУБЕЖНОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ 162

Сенокосов Александр Анатольевич. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОКАЗАНИЯ КВАЛИФИЦИРОВАННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ 169

Халилова Виктория Леонидовна. ПОДСУДНОСТЬ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ВОЕННЫМ СУДАМ В ОТНОШЕНИИ ГРАЖДАН, ПРИЗВАННЫХ НА ВОЕННУЮ СЛУЖБУ ПО МОБИЛИЗАЦИИ И ГРАЖДАН, ПРЕБЫВАЮЩИХ В ДОБРОВОЛЬЧЕСКИХ ФОРМИРОВАНИЯХ 179

CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

- Mustafayev Zaur Ramis oglu. THE EXPERIENCE OF FORCED LABOR AND ITS ANALOGUES IN THE HISTORY OF RUSSIA **14**
- Salfetkin Ruslan Alexandrovich. EPISTEMOLOGICAL ANALYSIS OF FORENSIC TECHNIQUES: FROM EMPIRICAL TO THEORETICAL KNOWLEDGE **26**
- Shepelev Vladimir Ivanovich, Dvoimenny Anatoly Vladimirovich. VALUE-LEGAL AND MORAL ASPECTS OF A DECENT WAY OF LIFE **35**
- Shurukhnov Nikolay Grigoryevich. RUSSIAN PEACE INITIATIVES: HISTORICAL FACTS AND DOCUMENTS OF THE CONFERENCE AND CONVENTION OF 1899 "ON THE PEACEFUL SOLUTION OF INTERNATIONAL CONFLICTS" **46**

PUBLIC LAW (PUBLIC LAW) SCIENCES

- Alyokhina Ekaterina Sergeevna, Kovtun Nadezhda Anatolyevna, Elizarov Igor Vladimirovich. CONCEPTUALIZATION OF MULTICULTURALISM IN THE PROCESS OF SUBSTANTIATION AND REALIZATION OF HUMAN RIGHTS **54**
- Kochetova Svetlana Mikhailovna. REGULATORY REGULATION OF DIGITALIZATION AS A COMPREHENSIVE LEGAL INSTITUTION **61**
- Kudinov Vladimir Vladimirovich. INVIOABILITY OF THE TERRITORY AS AN ELEMENT OF THE CONSTITUTIONAL VALUES OF THE RUSSIAN STATE (PECULIARITIES OF LEGAL REGULATION) **73**
- Kukharev Yuri Stanislavovich, Stepurina Anna Dmitrievna, Slepina Margarita Georgievna. ON MEASURES TO PREVENT AND RESOLVE CONFLICTS AMONG DIASPORAS IN RUSSIA **83**
- Titov Alexander Nikolaevich, Mishchenko Natalia Yuryevna, Ignatkin Yuri Ivanovich, Gromov Viktor Alexandrovich. THE FEDERAL EDUCATIONAL STANDARD IN THE IMPLEMENTATION OF THE RIGHTS OF CHOICE **90**
- Shevtsov Alexander Valerievich. ON THE ISSUE OF IMPROVING ADMINISTRATIVE AND LEGAL MEANS USED IN THE CONDITIONS OF SPECIAL ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGIMES **100**

PRIVATE LAW (CIVIL LAW) SCIENCES

- Klepikova Olga Gennadievna, Klimova Anna Nikolaevna. TO THE ISSUE OF THE CONSEQUENCES OF COMPENSATION FOR PROPERTY DAMAGE BY THE TREASURY FOR PARTICIPANTS IN ENFORCEMENT PROCEEDINGS AND BANKRUPTCY PROCEEDINGS **109**

Klimova Anna Nikolaevna, Klepikova Olga Gennadievna. ON THE ISSUE OF THE APPLICATION OF LEGAL PROVISIONS ON THE PROCEDURE FOR HOLDING A GENERAL MEETING IN A NEW BUILDING	118
Konovalenko Olga Leonidovna, Gumenyuk Elena Valentinovna. CONCESSION AS A FORM OF REALIZATION OF THE SOCIAL FUNCTION OF THE STATE	126
CRIMINAL LAW SCIENCES	
Azimov Eldar Mehdiyrovich, Kolesnik Ivan Dmitrievich. ANALYSIS OF LEGISLATION ON THE PREVENTION OF RADICALISM AMONG YOUNG PEOPLE THROUGH THE PRISM OF EVALUATING THE EFFECTIVENESS OF PREVENTION METHODS	133
Azimov Eldar Mehdiyrovich, Kozlov Alexey Vladimirovich. THE GAME AS A TOOL FOR THE PREVENTION OF EXTREMIST AND TERRORIST ACTIVITIES: FEATURES AND MANDATORY REQUIREMENTS	144
Lelik Natalia Borisovna. CURRENT ISSUES OF READINESS OF INSTITUTIONS AND BODIES OF THE PENAL ENFORCEMENT SYSTEM TO ACT IN EMERGENCY CIRCUMSTANCES	155
Pantuykhina Inga Vladimirovna, Koltsova Ekaterina Yurievna. FEATURES OF CONFISCATION OF PROPERTY IN FOREIGN CRIMINAL LEGISLATION	162
Senokosov Alexander Anatolyevich. IMPROVING THE PROVISION OF QUALIFIED LEGAL ASSISTANCE IN THE INVESTIGATION OF CRIMES IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF DIGITAL TECHNOLOGIES	169
Khalilova Victoria Leonidovna. JURISDICTION OF CRIMINAL CASES TO MILITARY COURTS IN RELATION TO CITIZENS CALLED UP FOR MILITARY SERVICE ON MOBILIZATION AND CITIZENS STAYING IN VOLUNTEER FORMATIONS	179

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 343.85

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ И ИХ АНАЛОГОВ В ИСТОРИИ РОССИИ

Мустафаев Заур Рамис оглы

Преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права
и организации воспитательной работы с осужденными
юридического факультета,
ВИПЭ ФСИН России

Старший преподаватель кафедры уголовного права и
криминологии Северо-Западного институт (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Вологда, Россия

E-mail: zaurmalim@mail.ru

В статье осуществлен исторический анализ применения и исполнения уголовных наказаний, связанных с привлечением осужденных к труду в истории России. На основе проведенного исследования делается вывод о том, что политика государства с начиная с XVIIвека была направлена на решение экономических проблем за счет труда осужденных. Уже в то время демонстрировалась мобильность системы организации труда осужденных: для ссылки в работы выбирались те регионы, в которых требовалось создание промышленной инфраструктуры и хозяйственное освоение их в целом. Напротив, компенсаторная функция наказания в отношении потерпевших от преступления, имевшая место в средние века, в дальнейшем сошла на нет. В работе исследуется утилитарная функция принудительных работ и ее реализация в возместительном (компенсаторном) механизме, положенном в их основу. Автор изучает специфику принудительных работ не только в контексте прямого их

применения, но и возможности включения в систему исправления аналогов данного вида наказания. Вместе с этим проводится сравнительный анализ различных методов исправительного воздействия на осужденных. В публикации осуществляется исторический анализ различных видов принудительных работ и их влияния на личность осужденного, а также детально исследуется отечественный опыт интеграции принудительных работ в практику исправления и вторичной профилактики.

Основной целью исследования автор определяет изучение опыта реализации различных видов исправительных наказаний в истории российского государства. При этом нами конкретизирован понятийный аппарат: объект-система исправительных наказаний в России и предмет-принудительные работы.

Ключевые слова: принудительные работы, наказаний, связанных с привлечением осужденных к труду, история развития уголовных наказаний в России, исправительная функция

В истории российского уголовного законодательства наказания, связанные с привлечением осужденных к труду занимают весьма важное место. С появлением и развитием централизованного государства, наказанию стало уделяться все больше внимания. Причем, оно рассматривалось уже не как средство возмездия за частную обиду, а как инструмент официальной государственной политики, в содержании и конструкции которого были переплетены уголовно-правовые, социальные и политические аспекты. В этом отношении показательно то, что труд в принципе стал средством кары в сочетании с его принудительным характером, а основной задачей была не месть за преступление, предупреждение новых преступлений и даже не восстановление социальной справедливости, а решение сугубо экономических задач за счет труда осужденных. Данный вывод следует из последовательной и целенаправленной политики Московского государства, более-менее четко оформившейся начиная с XVII века. С периода действия Соборного уложения 1649 г. наблюдается последовательная направленность политики государства на решение экономических проблем за счет труда осужденных. Это можно наглядно проследить на примере наказания в виде ссылки. Для ссылки в работы выбирались те регионы, в которых требовалось создание промышленной инфраструктуры и хозяйственное освоение их в целом. После освоения одного региона адреса ссылки менялись. Тем самым уже в то время демонстрировалась мобильность системы организации труда осужденных.

Основной целью исследования нами определено изучение опыта реализации различных видов исправительных наказаний в истории российского государства. При этом также конкретизирован понятийный аппарат: объект-система исправительных наказаний в России и предмет-принудительные работы.

Для того, чтобы цели были достигнуты, нам необходимо решить ряд задач:

1. Исследовать особенности исторического развития принудительных работ в России;

2. Конкретизировать исправительный аспект реализации принудительных работ в советский период.

Основным методом исследования нами определен сравнительно-исторический анализ трансформации принудительных работ в РФ в контексте исправления и становления ответственности у осужденных.

Особенно актуальными нам кажутся публикации, касающиеся истории развития правоохранительных органов в России (И.В. Дворянсков, В.А. Пертли, П. С. Ромашкин), посвященные исследованиям видов уголовных наказаний (И. Упоров, В. Чорный), а также конкретизации особенностей исправительных работ (Г. Н. Тоскина, И.Я. Фойницкий и пр.).

Особенности исторического развития принудительных работ в России.

Н.Д. Сергеевский писал, что «в них мы находим почти бесконечный список городов и мест, куда направлялись ссыльные: кроме Сибири и ее городов, ссыльные направляются в Архангельск, Холмогоры, Устюг, Чаронду, Пустозерск, Новгород, Казань, Симбирск, Самару, Уфу, Астрахань, Терки, Таганрог, Киев, Курск, Азов, Пермь и др. В последней четверти XVII века мы находим даже угрозу ссылкой из места жительства в Москву, за ложь на обыске по делу о кабацких и таможенных недоборах: *«за вину их взяты будут к Москве с женами и детьми на вечное житье в службу»*.[11] Таким образом, давая широкое развитие ссылке как источнику пользы для государства, правительство направляло ссыльных последовательно в те местности, где обнаруживался недостаток в рабочей силе для государственной службы или иного труда. Таким образом, уже в средние века наказание приобретало утилитарный характер. [1]

«Ссылка в работы» по своему содержанию вполне может рассматриваться как альтернатива лишению свободы. Сущность ссылки существенно отличается от концепции лишения свободы, по крайней мере, в его понимании с позиций XVII в. Лишение свободы в ту эпоху рассматривалось как чистая изоляция от общества (тюремное заключение), без привлечения осужденного к труду. Как отмечается в литературе, в XVIII в. в уголовно-исполнительной политике Российского государства появляются элементы исправительного воздействия на заключенных, следствием чего стало появление смиренных и работных домов. Данные организационные формы были явно заимствованы из пенитенциарной практики западноевропейских стран и не соответствовали социально-экономическим и культурным условиям российского общества, поэтому не могли удовлетворить потребностям отечественной уголовно-исполнительной политики. [2]

В первой четверти XVIII в. происходит окончательное соединение ссылки и принудительных работ. Ранее, в XVII в., ссыльные сами выбирали себе род занятий. Реформы Петра I породили

принудительный труд осужденных преступников – «*каторжные работы*», где ссыльные уже не имели права выбора рода занятий, они работали исключительно по назначению управляющих. Одновременно продолжает существовать и простая ссылка – для раскольников и иных нарушителей, хотя она в тот период приходит едва ли не к упадку в связи с тем, что «правительство, занятое коренными вопросами центра, меньше и меньше уделяет внимания окраинам». [11]

Ссылка на каторгу и другие работы подразделялась на вечную и временную. [10] Большинство санкций не содержало сроков ссылки. Они определялись лишь в некоторых нормативных актах. В частности, в указе от 15 июля 1700 г. говорилось о необходимости установления срока наказания: «*по сколько лет кому быть на каторгах, год или два или больше или вовсе*» [11], в указе от 15 июля 1700 г. называется трехлетний срок ссылки [9], указом от 14 января 1704 г. установлен срок ссылки 10 лет [9]. Такой же срок предусматривался указами от 17 ноября 1715 г. [9] и от 7 марта 1721 г. [17]

По словам И.Я. Фойницкого, преступников часто вместо каторги ссылали, а иногда переводили на другие работы, например, на постройку крепости, в порты, рудники, на заводы, в прядильный двор («*виноватые бабы и девки*») и т.п. Вначале такие работы были сосредоточены в Азове, затем в Балтийском порту Рогервике, куда для сооружения порта ежегодно отправлялось до 600 человек. [9] Приведенные факты свидетельствуют об утилитарном взгляде Петра I на наказание.

Большое значение при Петре I начинает придаваться «государевой пользе» в проведении политики по распределению ссыльных и уголовно-исполнительной политики в целом. В указе от 1732 г. говорится: «*велено осужденных... для умножения людей ссылать на житье в Охотск, по силе которого Вашего Величества указа, и отослано туда по ныне разных чинов 153 чел.; а понеже неизвестно есть, какая из тех людей будет там Государева польза, и не могут ли они при том месте напрасно пропасть...*» [10].

Места ссылки традиционно определялись в соответствии с экономическими потребностями. [17]

И. Упоров и В. Чорный отмечают, что в дальнейшем в России неоднократно предпринимались попытки устройства смирительных (рабочих, прядильных) домов (Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. УК РСФСР 1922 и 1926 годов) однако, они так и не увенчались какими-либо весомыми результатами и лишь в 70-е – 80-е годы в СССР удалось образовать институт ЛТП и ВТП, прообразом которых как раз и были петровские смирительные дома. [15]

Исправительный аспект реализации принудительных работ в советский период.

После революции октября 1917 г. советская власть полностью отказалась от сложившейся в российском уголовном праве системы наказаний, закрепленной в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми

судьями 1864 г., Уголовном уложении 1903 г. и ряде других законодательных актах.

На карательную политику стала активно влиять политико-философская (социалистическая) доктрина власти, основанная на учении К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина. [8] В этой связи большое значение отводится наказаниям, основанным на общественном порицании и труде для общественного блага. Основной задачей вместо ответа на посягательство, стала ресоциализация личности преступника. В это время возникло множество новых видов наказаний, не связанных с лишением свободы, которых не знали не только дореволюционная российская система наказаний, но также и системы наказаний многих капиталистических стран. Некоторые из них можно отнести к прообразам современных принудительных работ, в частности: общественные принудительные работы; принудительные работы на рудниках (для капиталистов-саботажников); перевод на тяжелые принудительные работы без лишения свободы в том же предприятии или вне такового на срок до 6 месяцев. [3]

Особое распространение получили *принудительные работы*. В законодательстве и судебной практике рассматриваемого периода встречаются две разновидности этого наказания: *принудительные работы без лишения свободы* и *работы, назначаемые дополнительно к лишению свободы*, следовательно, сопряженные с ним. В то же время первый вид подразделялся на два подвида: работы по специальности и по указанию органов, ведающих принудительными работами (неквалифицированные работы). Такое деление было проведено уже в первом Уголовном кодексе РСФСР редакции 1922 г., который установил, что принудительные работы могут быть работами по специальности и работами неквалифицированного, физического труда. При этом законодатель не считал возможным применение принудительных работ к лицам, совершившим наиболее тяжкие преступления.

В большинстве законодательных актов этого периода лишение свободы связывается с принудительными работами. Таким образом, с самого начала советская власть смотрела на лишение свободы как на меру наказания, сочетающую в себе и задачи подавления и воспитания трудовой дисциплины.

Принудительные работы, не сопряженные с лишением свободы, сразу нашли поддержку у Советского правительства, возглавляемого В.И. Лениным, и получили широкое распространение. Этому способствовали следующие свойства, которыми обладало новое наказание. [7]

В течение всего срока наказания осужденные находились под исправительно-трудовым воздействием государства и трудящихся, что положительно сказывалось на их перевоспитании.

Суть наказания заключалась в том, что осужденных принуждали выполнять только *общественно полезные работы*, и к тому же *самые тяжелые и неприятные для них*.

Преимуществом принудительных работ выступала оперативность их исполнения, которая заключалась в том, что в отличие от ссылки,

лишения свободы и других видов уголовных наказаний для них не нужно было строить специальные места, перемещать осужденных в другую местность и т.д. Буквально на следующий день после вынесения приговора осужденных направляли на общественные работы, и они приступали к отбыванию наказания. Государство и трудящиеся контролировали процесс исправления и перевоспитания правонарушителей непосредственно по их поведению и отношению к труду.

В.И. Ленин придавал этой мере большое значение. Уже 14 декабря 1917 года он внес на рассмотрение Высшего Совета Народного хозяйства проект декрета «О проведении в жизнь национализации банков и о необходимых в связи с этим мерах». Впервые в истории советского законодательства проект декрета предусматривал принудительные (исправительные) работы. [4]

В проекте декрета «О социализации народного хозяйства» он указывал на целесообразность их применения: «той же каре, а равно заключению в тюрьму или отправке на фронт и на принудительные работы, подвергаются все ослушники настоящего закона, саботажники и бастующие чиновники, а равно спекулянты. [8] В ряде случаев В.И. Ленин рекомендовал применять принудительные работы «тягчайшего вида» [8] и «наиболее тяжелые и неприятные общественные работы». [8]

В 1919 г. было создано в виде *Бюро принудительных (исправительно-трудовых) работ* при Московском Совете рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, который выработал специальное «Положение о бюро принудительных работ». Это положение, утвержденное 7 мая 1919 г. Центральным карательным отделом НКЮ РСФСР, было рекомендовано всем губернским карательным отделам в качестве основы для организации бюро принудительных (исправительно-трудовых) работ. [8] Именно этот орган явился прообразом современных уголовно-исполнительных инспекций, а дата его образования – 7 мая 1919 г. – считается праздничной. Приказом ФСИН России от 18 декабря 2006 года № 822 7 мая был официально объявлен Днем работников уголовно-исполнительных инспекций, а в связи с расширением видов наказаний, альтернативных лишению свободы, приказом ФСИН России от 13.11.2018 № 1062 7 мая объявлено Днем работников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, исполняющих наказания, не связанные с изоляцией осужденных от общества. В 2019 году отмечался *100-летний юбилей* создания учреждений УИС, исполняющих наказания, не связанные с изоляцией от общества.

С принятием Уголовного кодекса РСФСР 1926 года (УК РСФСР 1926 г.) был установлен новый порядок исполнения принудительных работ, согласно которому осужденные продолжали трудиться на прежней работе. Работа, выполняемая ими, перестала быть принудительной.

Следует отметить, что институт принудительных (в последствии – исправительных) работ в 20-е годы прошлого века был обеспечен более эффективными средствами воздействия, чем в последующий

советский период. Причем эти средства определялись сущностью исправительных работ и поэтому не были произвольным изобретением законодателя. Во-первых, осужденные, которые находились на учете в бюро принудительных работ и его отделениях, не имели права без их разрешения переходить на другую работу. Они могли переменить место жительства только с разрешения бюро принудительных работ. Администрация трудовых коллективов, соответственно, не имела права «ни назначать их на другие, кроме указанных бюро или отделением, работы, ни давать командировки или разрешать отлучки с места работы» (ст. 36 ИТК РСФСР 1924 г.).

К 1933 г. Наркомюст РСФСР показал неспособность организовать надлежащее исполнение исправительно-трудовых работ. Поэтому 27 октября 1934 г. их исполнение было передано из Народных Комиссариатов Юстиции Союзных Республик в ведение Народного комиссариата внутренних дел СССР, где организовывался отдел мест заключения. [4]

В распоряжении инспекций, согласно ИТК РСФСР 1933 г., было два средства принудительного воздействия на осужденного (кроме права обратиться с ходатайством в суд о замене исправительных работ на более строгое наказание в случае злостного уклонения): принудительный привод (ч. 4 ст. 93 ИТК РСФСР); предупреждение (ч. 2 ст. 97 ИТК РСФСР). При этом же их применение было обусловлено различными оговорками и предварительными условиями, выполнение которых требовало от работников инспекций исправительных работ значительной траты рабочего времени. Так принудительный привод был возможен лишь в случае, когда было установлено, что осужденный не является на вызовы в инспекцию без уважительной причины (ч. 4 ст. 93 ИТК РСФСР). Поэтому работники инспекций были вынуждены проверять причину неявки и посещать осужденных на дому. Лишь после этого был возможен принудительный привод, в котором, по сути, отпадала необходимость. Посещая осужденных на дому, инспектор на месте отбирает у них объяснение и там же объявляет им наказание. По данным В.Я. Богданова, работники инспекций исправительных работ подвергали принудительному приводу лишь 50% всех лиц, злостно уклонявшихся от неявки по вызовам. К приводам прибегали в тех случаях, когда не могли или не желали искать осужденных. Эффективность приводов как меры привлечения осужденных к труду оказалась чрезвычайно низкой. После привода и предупреждения, 50% из осужденных продолжали злостно уклоняться от отбывания наказания, исправительные работы им заменяли на лишение свободы. [4]

Невелика была эффективность и предупреждения без предварительного применения которого невозможно заменить исправительные работы лишением свободы. По нашим данным, работники инспекций исправительных работ предупреждали в среднем лишь 76,4% всех лиц, злостно уклонявшихся от отбывания наказания. Из числа предупрежденных 6,8% совершили повторные преступления,

а 36,3% продолжали злостно уклоняться от трудоустройства, и суд заменил им исправительные работы на лишение свободы.

Недостаточная эффективность деятельности инспекций исправительных работ была обусловлена и упрощенной схемой контроля за отбыванием наказания. Если осужденный на момент исполнения приговора работал, то вопрос о его привлечении к труду считался исчерпанным. Если же он к тому же не совершал прогулов, то вся работа по перевоспитанию осужденных сводилась к разовому вызову в инспекцию для разъяснения порядка отбывания наказания, к проведению общего собрания в коллективе (в лучшем случае), с тем чтобы сообщить о приговоре суда, и к ежемесячным удержаниям из заработной платы. Статус исправительных работ не предусматривал специфических обязанностей для осужденных, обязательного повышения ими общеобразовательного и профессионального уровня, не регулировал их труд. Вот почему в период отбывания исправительных работ, внутреннего исправления осужденных, т.е. изменения их отношения к правопорядку, как правило, не происходило.

Опыт функционирования спецкомендатур во второй половине прошлого века наглядно показывает эффективность сочетания принудительного труда с производственными (экономическими) потребностями.

Система спецкомендатур была довольно сложной:

1) спецкомендатуры, предназначенные для надзора за лицами, условно осужденными к лишению свободы с обязательным привлечением к труду;

2) спецкомендатуры, предназначенные для надзора за лицами, условно освобожденными из мест лишения свободы с обязательным привлечением к труду. Последний вид спецкомендатур подразделяется еще на два подвида:

- спецкомендатуры, предназначенные для надзора за условно освобожденными, совершившими тяжкие преступления, судимыми три раза и более и т.п.;

- спецкомендатуры, предназначенные для надзора за остальными лицами, условно освобожденными из мест лишения свободы. [11]

Правовую основу деятельности спецкомендатур составляли: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 июня 1970 г., Постановление Президиума Верховного Совета СССР от 12 июня 1970 г. о порядке применения данного указа, Постановление Совета Министров СССР от 8 февраля 1977 г. и Типовой договор на содержание спецкомендатуры и подразделений МВД, УВД по руководству спецкомендатурами, утвержденный МВД СССР и Госпланом СССР 14 октября 1977 г. [9]

Спецкомендатуры создавались по месту нахождения строек (предприятий) народного хозяйства, использующих труд условно осужденных и условно освобожденных. Правами юридического лица они не обладали. Спецкомендатура создавалась после заключения договора с хозяйственным органом и утверждения расходной сметы на

ее содержание. Создание (ликвидация) спецкомендатуры объявлялось приказом по МВД, УВД.

После получения указания МВД СССР о направлении осужденных в спецкомендатуру гор(рай)орган внутренних дел немедленно информировал об этом соответствующий исполком Совета народных депутатов, который создавал комиссию по обследованию готовности объектов к размещению и трудоустройству условно осужденных (освобожденных). Обследование должно быть осуществлено в пятидневный срок. В течение суток после получения акта комиссии МВД, УВД должны были быть поставлены в известность о готовности стройки к приему условно осужденных и условно освобожденных, которые были обязаны направлять этих лиц на определенные объекты (предприятия). Не допускалось направление осужденных к месту работы без получения подтверждения органов внутренних дел по месту нахождения строек (предприятий) об их готовности к приему и размещению спецконтингента.

В соответствии с договором спецкомендатура была обязана осуществлять возложенные на нее функции, а также прописку и выписку условно осужденных и условно освобожденных, обеспечивать охрану общественного порядка в местах их размещения, оказывать помощь администрации стройки (предприятия) в выявлении и устранении недостатков в работе по трудовому и бытовому устройству контингента, информировать хозяйственный орган о нарушениях поднадзорными общественного порядка и правил проживания, участвовать в работе по закреплению, лиц, снятых с учета, на стройках и предприятиях.

Финансово-хозяйственная деятельность спецкомендатуры осуществлялась в соответствии с договором на ее содержание, утвержденным МВД, УВД и хозяйственным органом, использующим труд условно осужденных и условно освобожденных.

В качестве вывода о предпосылках создания органов, исполняющих наказания и иные меры, не связанные с изоляцией осужденных от общества, следует сказать, что советская исправительно-трудовая политика определила направление деятельности государственных органов и общественных организаций по исполнению уголовных наказаний, цели, содержание и формы этой деятельности. Уголовная и исправительно-трудовая политика развивались, исходя из идеи об усилении воспитательных возможностей наказания.

Таким образом, принудительные работы (и их аналоги) были одним из самых востребованных наказаний после лишения свободы на всем протяжении отечественной истории, начиная со средних веков. Социальность наказания предопределяла и его утилитарный характер. Человек должен был не просто пострадать, не просто ощутить силу государства и превосходящую преступление жестокость возмездия, главное – исправиться, при нанесении серьезного ущерба – окупить свое посягательство (принудительным трудом в условиях лишения свободы, принудительными работами, при конфискации имущества, штрафе, возложение обязанности загладить вред и т.п.). Применение таких

наказаний, прежде всего, защищало интересы общества. В этом заключалось основное отличие в вопросе уголовной ответственности от классической школы уголовного права, которая ставит основной целью наказания – возмездие через кару и страдание. [14]

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллаева М. М., Гитинова М. М. Правовой статус осужденных к принудительным работам // The Scientific Heritage. 2022. №84-5. С. 50-54.
2. Аладьина Л.С., Ковалев О.Г., Шабанов Г.Х. Российская уголовно-исполнительная система: исторические этапы формирования. М., 2007.
3. Багрий-Шахматов Л.В. Уголовные наказания и исправительно-трудовое право. Учебное пособие / Под ред. доктора юридических наук, профессора Н.А. Стручкова. М., 1969.
4. Богданов В.Я. Исправительные работы. Проблемы сущности и эффективности. М., 1978.
5. Бушуев И.А. Исправительно-трудовые работы как мера наказания в советском уголовном праве. Дис...канд. юрид. наук. М., 1955.
6. Водяников, К. А. Особенности решений, выносимых российскими судами присяжных во второй половине XIX века // Юридическая гносеология. – 2022. – № 4. – С. 9-12.
7. Дворянсков И.В., Пертли В.А. Уголовно-исполнительные инспекции (эволюция формирования и правового обеспечения деятельности). М., 2007.
8. Ленин В. И. Соч. Т. 1.
9. Ленинский сборник. Т. XXI.
10. Разбирин Л. И., Дерягин П. С. Исполнение наказания в виде принудительных работ: состояние и перспективы // Вестник Кузбасского института. 2022. №1 (50). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolnenie-nakazaniya-v-vide-prinuditelnyh-rabot-sostoyanie-i-perespektivy> (дата обращения: 07.11.2024).
11. Ромашкин П.С. Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I. М., 1947.
12. Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву (1917-1959 г.). История законодательства // Сост.: Лосев П.М., Рагулин Т.И. М.: Госюриздат. 1959.
13. Сергеевский Н.Д. Наказание в русском праве XVII века: исследование. Владимир, 2008.
14. Тоскина Г.Н. Уголовное наказание в законодательстве СССР и РСФСР (1917-1926 гг.). Ульяновск, 2005.
15. Упоров И., Чорный В. Виды уголовных наказаний и порядок их исполнения, установленные в первых кодифицированных нормативных правовых актах России: Курс лекций. Рязань: ВИПЭ МВД РФ, 1997.

16. Управление органами, исполняющими наказания Учебник / В.М. Анисимков, преп. В.Е. Демин, к. ю. н. Н.К. Дорофеев и др.; Под ред. д. ю. н., проф. А.И. Зубкова, д. ю. н., проф. Г.А. Туманова. М., 1983.

17. Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. СПб., 1889.

18. Шурухнов Н. Г. Анализ сущности признаков, позволяющий считать полицию правоохранительным органом // Юридическая гносеология. – 2024. – № 1. – С. 50-62.

THE EXPERIENCE OF FORCED LABOR AND ITS ANALOGUES IN THE HISTORY OF RUSSIA

Mustafayev Z.R. oglu

The article provides a historical analysis of the application and execution of criminal penalties related to the involvement of convicts in labor in the history of Russia. Based on the conducted research, it is concluded that the state policy since the XVIII century has been aimed at solving economic problems at the expense of convicts' labor. Already at that time, the mobility of the convicts' labor organization system was demonstrated: those regions in which the creation of industrial infrastructure and their economic development as a whole were required were selected for exile to work. On the contrary, the compensatory function of punishment in relation to victims of crime, which took place in the middle Ages, later came to naught. The paper examines the utilitarian function of forced labor and its implementation in the compensatory (compensatory) mechanism underlying it.

The author studies the specifics of forced labor not only in the context of their direct application, but also the possibility of including analogues of this type of punishment in the correction system. At the same time, a comparative analysis of various methods of correctional influence on convicts is carried out. The publication provides a historical analysis of various types of forced labor and their impact on the personality of the convicted person, as well as examines in detail the domestic experience of integrating forced labor into the practice of correction and secondary prevention.

The main purpose of the study is to study the experience of implementing various types of correctional punishments in the history of the Russian state. At the same time, we have concretized the conceptual apparatus: the object of the correctional punishment system in Russia and the subject of forced labor.

Keywords: forced labor, punishments related to the involvement of convicts in labor, the history of the development of criminal penalties in Russia, correctional function.

УДК 343.98.068

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ МЕТОДИК: ОТ ЭМПИРИЧЕСКОГО К ТЕОРЕТИЧЕСКОМУ ЗНАНИЮ

Салфеткин Руслан Александрович

Доцент кафедры криминалистики

Санкт-Петербургского университета МВД России,

кандидат юридических наук

E-mail: iskander861@yandex.ru

Статья посвящена эпистемологическому анализу криминалистических методик. В ней рассматриваются вопросы формирования, достоверности, надежности и валидности этих методик, а также влияние новых технологий, таких как машинное обучение и анализ больших данных, на криминалистическую практику. Автор подчеркивает необходимость комплексного подхода к развитию криминалистики, учитывающего гносеологические, методологические и этические аспекты.

Ключевые слова: криминалистика, эпистемология, методика, достоверность, машинное обучение, большие данные, валидность.

Эпистемологический анализ криминалистических методик представляет собой критическое исследование оснований, на которых строятся методы и практики, используемые в криминалистике для получения и интерпретации доказательств [1]. Он направлен на выявление и оценку допущений, ограничений и потенциальных источников ошибок, присущих этим методикам, с целью повышения их надежности и обоснованности выводов, сделанных на их основе. Этот анализ выходит за рамки простого описания технических процедур и углубляется в философские и методологические вопросы, связанные с

природой знания, доказательств и научной истины в контексте судебного следствия.

В центре эпистемологического анализа криминалистики лежит вопрос о том, как и насколько можно доверять результатам, полученным с помощью различных криминалистических методик [2].

Практическая значимость эпистемологического анализа криминалистических методик многогранна. Во-первых, он способствует повышению эффективности расследования путем оптимизации сбора, исследования и оценки доказательств, что, в свою очередь, сокращает сроки и повышает результативность расследования. Во-вторых, гносеологическое осмысление формирования криминалистического знания открывает возможности для разработки новых методик, адекватных современным видам преступлений и специфике доказывания в цифровую эпоху [3]. Наглядным примером служит необходимость понимания границ применимости цифровых следов как источника доказательств, их онтологического статуса и эпистемологических проблем интерпретации. В-третьих, эпистемологический анализ позволяет выявить потенциальные источники ошибок, связанных с некорректным применением методик или неверной интерпретацией результатов, что особенно актуально в свете использования сложных технических средств и методов [4]. В-четвертых, глубокое понимание гносеологических основ криминалистических методик способствует обоснованию допустимости полученных доказательств в суде и повышает их доказательственную силу. Это особенно важно при использовании новых методов, восприятие которых судебной практикой может быть неоднозначным [5]. Наконец, эпистемологический подход к обучению криминалистике формирует у будущих специалистов критическое мышление, способность к самостоятельному анализу и оценке информации, а также готовность к разработке и применению новых методик [6].

Таким образом, эпистемологический анализ криминалистических методик представляет собой необходимый этап развития криминалистики в современных условиях, обеспечивающий ее методологическую базу и способствующий повышению эффективности борьбы с преступностью.

Вопрос философских оснований криминалистики, ее методологии и гносеологического статуса рассматривался рядом ученых. Значительный вклад в развитие философии криминалистики внесли такие исследователи, как А.И. Винберг, Р.С. Белкин, В.П. Бахин, А.Р. Шляхов, Г.Л. Грановский, В.Я. Колдин, и другие. В их работах анализируются основные понятия и категории криминалистики, исследуется ее место в системе научного знания, обосновывается специфика криминалистических методов познания. Особое внимание уделяется вопросам взаимодействия криминалистики с другими науками, этическим проблемам применения криминалистических знаний и перспективам ее развития.

В области эпистемологии права можно выделить работы А.В. Полякова, В.С. Нерсесянца, Л.Б. Окунькова, посвященные

проблемам познания права, правовой аргументации и интерпретации. Эти исследования создают теоретическую базу для анализа эпистемологических аспектов криминалистики как прикладной правовой науки.

Вопросы методологии научного познания в криминалистике рассматривались, например, в работах В.А. Образцова, Т.В. Аверьяновой, Н.А. Селиванова. Эти авторы анализируют специфику применения общих научных методов в криминалистических исследованиях, а также разрабатывают новые методические подходы к решению криминалистических задач.

Несмотря на значительный объем проведенных исследований, ряд важных аспектов эпистемологии криминалистики остается недостаточно изученным. В частности, требует более детального эпистемологического анализа сам процесс формирования криминалистических методик. Существующие работы зачастую фокусируются на описании методик, не уделяя должного внимания гносеологическому анализу путей их создания и механизмам перехода от эмпирического знания, полученного при расследовании конкретных преступлений, к теоретическим обобщениям. Другим важным направлением является проблема достоверности и надежности криминалистических методик в контексте использования вероятностного знания и субъективных оценок экспертов. Недостаточная разработанность критериев валидности и надежности методик затрудняет их применение на практике. Особого внимания заслуживают эпистемологические аспекты внедрения новых технологий в криминалистику (машинное обучение, больших данных, в частности, их влияние на процесс познания и порождаемые ими эпистемологические проблемы. Наконец, необходимо философское осмысление этико-правовых аспектов применения новых методик и разработка соответствующих этических рекомендаций, учитывающих потенциальные риски нарушения прав и свобод личности.

Понятие "криминалистическая методика" – одно из ключевых в криминалистике, и его точное определение имеет важное значение для развития теории и практики расследования преступлений [7]. Существующие подходы к толкованию этого понятия отражают эволюцию взглядов на предмет криминалистики и ее методологическую базу. Традиционный подход определяет криминалистическую методику как систему научно обоснованных рекомендаций по расследованию и предупреждению определенного вида преступлений, акцентируя практическую направленность методик и их цель – помочь следователю эффективно решать задачи расследования [8]. Системный подход рассматривает методику как сложную динамическую систему, включающую не только рекомендации по расследованию, но и научно обоснованные представления о криминалистической характеристике преступления, типичных следах, особенностях их механизма и способах сокрытия, подчеркивая взаимосвязь теоретических знаний и практических рекомендаций [9]. Информационный подход трактует криминалистическую методику как

систему алгоритмов поиска, фиксации, исследования и использования информации о преступлении и его участниках.

Формирование криминалистических методик представляет собой гносеологический процесс, в котором переплетаются эмпирическое познание, теоретическая рефлексия и прагматическая целесообразность.

В основе формирования методик лежит эмпирический фундамент, состоящий из данных, полученных в ходе следственной и экспертной практики [10]. Наблюдение, эксперимент, моделирование и сравнительный анализ – основные методы получения эмпирической информации о механизмах преступлений, способах их сокрытия и особенностях следовой картины [11]. Однако, простое накопление фактов не является достаточным для создания эффективной методики. Необходимо осмысление полученных данных, их систематизация и обобщение в рамках существующих теоретических представлений о преступной деятельности [12].

Здесь на первый план выходит роль теоретического знания. Криминалистические методики опираются на положения общей теории криминалистики, криминалистической техники, тактики и методики расследования отдельных видов преступлений. Теория позволяет интерпретировать эмпирические данные, выявлять закономерности и причинно-следственные связи, формулировать гипотезы и строить модели. Важное значение имеет и интеграция знаний из смежных областей – психологии, социологии, медицины, информатики.

Наконец, формирование методик обусловлено прагматическими целями. Методика должна быть не только теоретически обоснованной, но и практически применимой. Это предполагает учет специфики расследования конкретных видов преступлений, наличие доступных и эффективных средств и методов, а также возможность адаптации методики к изменяющимся условиям.

Таким образом, процесс формирования криминалистических методик представляет собой динамическое взаимодействие эмпирического и теоретического уровней познания, направленное на достижение практического результата. Эпистемологический анализ этого процесса позволяет оптимизировать его, повысить научную обоснованность и практическую эффективность криминалистических методик. Дальнейшие исследования в этой области должны быть направлены на разработку более строгих критериев оценки эффективности методик, а также на изучение влияния новых технологий на процесс их формирования.

Применение криминалистических методик неизбежно сталкивается с проблемой достоверности и надежности получаемых результатов, особенно в контексте использования вероятностного знания и субъективных оценок экспертов. Эпистемологическая природа этой проблемы коренится в самой сущности криминалистического исследования, которое зачастую вынуждено оперировать неполной, фрагментарной информацией и опираться на интерпретации, подверженные субъективным влияниям [13]. Вероятностный характер

многих криминалистических выводов обусловлен сложностью и многофакторностью исследуемых явлений [14]. Редко удаётся достичь абсолютной достоверности, например, при идентификации личности по фрагментарным следам или при реконструкции обстановки происшествия. В таких случаях эксперты вынуждены оперировать вероятностями, оценивая степень соответствия имеющихся данных различным гипотезам. Однако, сама интерпретация вероятностей может быть неоднозначной и зависеть от опыта, квалификации и даже субъективных предпочтений эксперта. Субъективность оценок является еще одним фактором, влияющим на достоверность результатов [15]. Даже при использовании стандартизированных методик остается пространство для субъективной интерпретации данных. Например, при анализе почерка или трасологических следов эксперту приходится принимать решения, основанные на своем профессиональном опыте и интуиции. Это неизбежно вносит элемент субъективности в конечный результат. Повышение достоверности и надежности криминалистических методик требует комплексного подхода. Необходимо стремиться к максимальной формализации и объективизации процедур исследования, разрабатывать четкие критерии оценки достоверности результатов, а также повышать квалификацию экспертов и внедрять системы контроля качества их работы. Кроме того, важное значение имеет развитие методов статистического анализа и моделирования, которые позволяют более объективно оценивать вероятности и учитывать влияние различных факторов на результаты исследования. Наконец, открытое обсуждение проблемы достоверности и признание границ применимости криминалистических методик способствует более взвешенному и критическому подходу к интерпретации полученных результатов в судебном процессе.

Критерии валидности и надежности методик в криминалистической практике должны учитывать специфику области и обеспечивать допустимость результатов в судебном процессе. Валидация и оценка надежности методики являются ключевыми этапами научного исследования, гарантирующими достоверность и воспроизводимость полученных результатов. Эти критерии можно разделить на две взаимосвязанные группы. Первая группа – критерии валидности – определяет, насколько точно методика измеряет то, что она предназначена измерять [16]. Логическая валидность подразумевает теоретическую обоснованность методики, ее соответствие установленным научным принципам и логическую непротиворечивость алгоритма. Эмпирическая валидность подтверждается соответствием результатов методики экспериментальным данным и результатам независимых исследований. Оценка эмпирической валидности включает проведение валидационных экспериментов на разнообразных выборках и в различных условиях, а также анализ чувствительности и специфичности метода. Критериальная валидность, также известная как валидность по отношению к критерию, оценивается путем

сравнения результатов данной методики с результатами других признанных методов, измеряющих тот же параметр. Наконец, валидность по содержанию предполагает всесторонний охват исследуемого явления, учитывающий все его существенные аспекты.

Вторая группа критериев – критерии надежности – характеризует стабильность и воспроизводимость результатов. Воспроизводимость означает получение схожих результатов различными исследователями в разных лабораториях при использовании стандартизированных протоколов. Это минимизирует влияние субъективного фактора. Повторяемость, в свою очередь, отражает стабильность результатов при повторном анализе одного и того же образца в идентичных условиях, свидетельствуя об устойчивости методики к случайным колебаниям. Для комплексных многоэтапных методик важна надежность по внутренней согласованности, подразумевающая согласованность результатов на каждом этапе. Измерительная надежность, или точность измерений, может быть оценена, например, с помощью коэффициента вариации.

Таким образом, всесторонний анализ валидности и надежности позволяет оценить качество методики и достоверность полученных с ее помощью результатов, что является необходимым условием для их использования в научной и практической деятельности.

Внедрение новых технологий, таких как машинное обучение и анализ больших данных, в криминалистику существенно трансформирует эпистемологические основы этой области, влияя как на процесс познания, так и на интерпретацию доказательств [17]. Этот переход позволяет оценивать вероятности различных сценариев преступления, а не искать единственно верную гипотезу, что соответствует современному пониманию сложности криминалистических исследований [18]. Автоматизация анализа данных ускоряет и упрощает работу экспертов, предоставляя новые инструменты, но одновременно меняет саму роль эксперта, переводя ее в область интерпретации результатов, выдаваемых алгоритмами.

Однако "черный ящик" многих алгоритмов машинного обучения создает проблему объяснимости [19]. Непрозрачность внутренней логики затрудняет интерпретацию результатов и их допустимость в качестве доказательств в суде. Для повышения доверия к подобным системам необходима разработка методов интерпретации их работы и визуализации процесса принятия решений.

Применение машинного обучения в криминалистике порождает ряд эпистемологических и этических вызовов [20]. Во-первых, алгоритмы, обученные на данных, отражающих существующие социальные и институциональные смещения, могут воспроизводить и усиливать эти предубеждения, приводя к дискриминации отдельных групп. Во-вторых, верификация и валидация алгоритмов в контексте криминалистики сложны из-за специфики данных и задач, что требует разработки новых методологических подходов. В-третьих, алгоритмы, как правило, выявляют корреляции, а не причинно-следственные связи, что критично для криминалистики, где понимание причин событий

имеет первостепенное значение. Наконец, этические вопросы, связанные с приватностью, автономией и безопасностью, требуют разработки строгих норм и регламентов, регулирующих применение этих технологий в рамках правового государства.

Таким образом, хотя машинное обучение открывает значительные перспективы для повышения эффективности исследований, необходимо адресовать существующие эпистемологические и этические проблемы. Только комплексный подход, включающий развитие методов интерпретации, валидации, а также этическое регулирование, позволит реализовать потенциал машинного обучения в криминалистике, сохраняя принципы справедливости и законности.

В заключение, эпистемологический анализ криминалистических методик выявляет ряд взаимосвязанных проблем, требующих дальнейшего исследования. Во-первых, это недостаточная разработанность гносеологических основ формирования самих методик, включая механизмы перехода от эмпирических данных к теоретическим обобщениям и принципы интеграции знаний из смежных дисциплин. Во-вторых, актуальной остается проблема достоверности и надежности методик, особенно в условиях использования вероятностного знания и субъективных экспертных оценок. Необходима разработка строгих критериев валидности и надежности, учитывающих специфику криминалистической деятельности, включая воспроизводимость, повторяемость и соответствие эмпирическим данным. В-третьих, внедрение новых технологий, таких как машинное обучение и анализ больших данных, существенно трансформирует эпистемологический ландшафт криминалистики. Это влечет за собой как новые возможности (автоматизация, вероятностное моделирование), так и вызовы, связанные с объяснимостью алгоритмов, потенциальным смещением данных и этическими импликациями. В целом, дальнейшее развитие криминалистики как науки требует углубленного эпистемологического анализа, направленного на повышение надежности, валидности и этичности применяемых методик в контексте интеграции новых технологий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ивин А.А. Теория аргументации: учебное пособие. М.: Гардарики, 2000.
2. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2006. С. 130–131; Его же. Объективная сторона преступления. М., 1960. С. 143–148; Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. С., 1960. Т. 208.
3. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М.: Норма 2005.

4. Белкин Р.С. Курс криминалистики в 3 т. Т. 1: Общая теория криминалистики. – М.: Юристъ, 1997.
5. Яблоков Н.П. Криминалистика: учебник для вузов. М., 2000. Т. 200. С. 16.
6. Волынский А.Ф., Лапин Е.С. К вопросу о философии криминалистики // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 4. С. 103–107.
7. Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т., Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М.: Юристъ, 1997.
8. Варданын А.В., Грибунов О.П. Современная доктрина методико-криминалистического обеспечения расследования отдельных видов преступлений // Вестник Восточно – Сибирского института МВД России. 2017. № 2 (81). С. 23–35.
9. Яблоков Н.П. Криминалистика: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2005.
10. Криминалистика: учебник / под ред. А.Г. Филиппова. М.: Юрайт, 2019.
11. Яблоков Н.П. Криминалистика: учебник и практикум для прикладного бакалавриата. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2018.
12. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы: от теории – к практике. М.: Юрид. лит., 1987.
13. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М.: Норма, 2020.
14. Шляхов А.Р. Теория судебной экспертизы. М.: Юрлитинформ, 2017.
15. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. М.: Норма, 2006.
16. Кэмпбелл Д.Т. Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1980.
17. Illes M., Wilson P., Bruce C. Forensic epistemology: testing the reasoning skills of crime scene experts // Canadian Society of Forensic Science Journal. 2019. Vol. 52. No. 4. P. 151–173.
18. Lipton P. Inference to the best explanation // The Routledge companion to philosophy of science. Routledge, 2008. P. 221–230.
19. Rudin C. Stop explaining black box machine learning models for high stakes decisions and use interpretable models instead // Nature Machine Intelligence. 2019. Vol. 1. No. 5. P. 206–215.
20. Selbst A.D. et al. Fairness and abstraction in sociotechnical systems // Proceedings of the conference on fairness, accountability, and transparency. 2019. P. 59–68.

EPISTEMOLOGICAL ANALYSIS OF FORENSIC TECHNIQUES: FROM EMPIRICAL TO THEORETICAL KNOWLEDGE

Salfetkin R.A.

The article is devoted to the epistemological analysis of forensic techniques. It examines the formation, reliability, reliability and validity of these techniques, as well as the impact of new technologies such as machine learning and big data analysis on forensic practice. The author emphasizes the need for an integrated approach to the development of criminology, taking into account epistemological, methodological and ethical aspects.

Keywords: criminology, epistemology, methodology, reliability, machine learning, big data, validity.

УДК 340

ЦЕННОСТНО-ПРАВОВЫЕ И НРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ДОСТОЙНОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

Шепелев Владимир Иванович

Кандидат юридических наук, доцент,
Ростовский институт защиты предпринимателя,
Ростов-на-Дону, Россия

Двойменный Анатолий Владимирович

Кандидат юридических наук, доцент,
Ростовский институт защиты предпринимателя,
Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: nauka.rizp@yandex.ru

В статье анализируются особенности права человека на достойный образ жизни как основополагающей ценности естественного права и одного из ведущих принципов международного права. Подчеркивается приоритетный характер стабильного и четко выраженного положения каждого члена гражданского общества в ведущих сферах политической, экономической, социальной, правовой действительности, обусловленной наличием совершенной демократии, устойчивого режима правовой законности и должного правового порядка. Внимание акцентируется на значимости ценностей нравственности, которые непременно присутствуют в правовых сферах, обеспечивающих достоинство человеческого существования. Делается вывод о необходимости внедрения конституционно-правовых ценностей в систему текущего законодательства, механизмы правоприменительной деятельности, связанные с процессами обеспечения приоритетных прав и свобод личности как ведущего фактора достижения достойного образа жизни.

Ключевые слова: естественное право, ценности права, ценности нравственности, правовые законы, права и свободы человека, достоинство личности, гражданское общество.

В рамках естественного (природного) права, к пониманию и сущности которого научный и практический интерес проявляли

мыслители многих поколений, центр внимания был сосредоточен на тех правах и свободах, которые были призваны обеспечивать человеку его более или менее достойный образ жизни. Разумеется, дистанция между идеями об этом и реальным их воплощением в наиболее развитых и демократических государствах была значительной, сокращалась медленно. Да и в современном мире далеко не все люди обрели достойное существование.

После окончания Второй мировой войны, когда начала функционировать Организация Объединенных Наций и были приняты основополагающие международные документы, естественные и неотчуждаемые права и свободы человека получили политическое и правовое закрепление. Но это имело место в демократических государствах мира.

Важно отметить, что глава первая Конституции Российской Федерации 1993 года четко закрепила все жизненно важные права и свободы человека и гражданина. Тем самым каждая заинтересованная личность получила возможность постепенно обретать параметры достойного образа своей жизнедеятельности. Это стало реальным во всех ведущих сферах политической, экономической, социальной, правовой действительности.

Достоинство личности осмысливается в первую очередь как субъективная внутренняя оценка своего мировоззрения, значимых жизненных способностей и своего общественного значения. Способность человека осуществлять внутреннюю оценку своих значимых жизненных качеств дает ему возможность уверенно входить в ту многогранную внешнюю среду, где осуществляются его значимые поведенческие акции. Однако в правовой сфере достоинство перестает быть просто самооценкой личности, поскольку оно обусловлено ценностными предписаниями норм права и правомерным поведением самого индивида.

Достойное существование и достоинство человека в правовой сфере обретают общий юридический характер, так как находятся под воздействием соответствующих правовых предписаний и требований. При этом необходимо отметить, что в отличие от достоинства, связанного в основном с характером человека, его жизненными привычками, достойное существование представляет собой стабильный, долговременный многогранный процесс, связанный с удовлетворением приоритетных жизненных интересов и потребностей конкретного человека. Достойное существование такое жизненное состояние, которое позволяет дать оценку определенному жизненному уровню конкретного индивида. При этом достоинство и достойное существование личности не лишены однозначной причинно-следственной связи, так как унижение достоинства является и посягательством на достойное существование человека [1, с. 6].

Особо следует отметить, что сама постановка проблемы достойного существования членов общества непосредственно связана с процессами успешного функционирования и развития гражданского

общества, активно связанного с соответствующими государственно-властными структурами.

Полноценная жизнедеятельность гражданского общества как важная основа формирования достойного образа жизни его членов – явление сложное и неоднозначное. Важными особенностями гражданского общества, влияющими на становление достойного существования личности, являются поощрение индивидуальной свободы, наличие среднего класса, открытость общества, самоуправление общественными делами, связь с правовым государством [2, с. 60-61]. К сущностным свойствам гражданского общества относятся также правовые свободы членов общества; особенности общественной и социальной жизни, основанные на механизмах права и ценностях демократии; гарантии свободного выбора личностью форм экономической и политической деятельности; идеологическое многообразие и др. [3, с. 26-35].

В правовом государстве позитивное право призвано воспринимать ценности естественного права. Результатом этого становится введение в нормативно-регулятивный оборот правовых законов, адресованных в первую очередь правам и свободам личности, ее интересам и потребностям, то есть формированию необходимых условий, усиливающих и расширяющих возможности для обретения личностью достойного существования в приоритетных сферах своего бытия.

В процессе реализации конституционно-правовых норм, отстаивающих приоритетные права и свободы членов гражданского общества, идеи и принципы естественного права внедряются в качестве сущностной ценности в систему действующего законодательства. Это в первую очередь инициирует ст. 7 Конституции РФ, провозглашающая Россию социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Тем самым нормативно закреплен реальный доступ каждого человека как члена гражданского общества к приоритетным жизненным интересам, потребностям, правам и свободам, которые и определяют содержание и качество достойного существования каждой личности. Реализация конституционно-правовых норм, обеспечивающих достойную жизнь человека, возложена на социальное государство, что становится существенной гарантией достижения личностью этой приоритетной цели.

Становление благоприятных экономических, социальных, организационных условий для реального обеспечения достойного существования большинства членов общества является самым практически значимым аспектом функционирования компетентных органов государственной власти и соответствующих институтов гражданского общества. Социальное по своей сущности правовое государство на базе взаимодействия с учреждениями гражданского общества выдвигает на приоритетные позиции те стороны жизнедеятельности членов общества, которые обуславливают их достойное существование. Отражение достойной жизни личности в

системе права, соответствующих правовых законах становится свидетельством ценностного подхода к этой проблеме. Внедрение правовых законов в социально-экономическую действительность содействует конструированию тех регулятивных механизмов, которые соотносятся с приоритетными жизненными интересами и потребностями членов гражданского общества.

Должное отношение государства и общества к правам и свободам человека, гарантированность его достойного образа жизни являются наиболее значимым аспектом наполнения системы права ценностным содержанием. Достойное существование человека не является изолированной частью его жизнедеятельности, принесенным извне жизненным благом. Оно связано со всеми видами и формами деятельности человека, его поведенческими акциями, наличием или отсутствием его правовой и нравственной активности, всеми другими жизненными притязаниями. По максимуму каждый человек в современном демократическом мире должен обладать стандартами того жизненного достоинства, которые обусловлены достижениями человеческой цивилизации, уровнем развития гражданского общества и ценностно-правовыми гарантиями социального правового государства.

В деструктивных условиях, отвергающих приоритетные права и свободы человека, его достойный образ жизни состояться не может. Там, где не обеспечиваются элементарные интересы и потребности человека, не действуют требования законности и отсутствует должный правовой порядок, не проявляют себя ценностно-правовые начала в наиболее значимых общественных отношениях, вопрос о достойном существовании личности объективно утрачивает свое практическое значение. Следовательно, становление и практическое обеспечение достойного образа жизни человека, как субъекта социальной и правовой действительности, является ценностным компонентом сущности гражданского общества и правового государства.

Жизненное достоинство человека находит более или менее четкое отражение, прежде всего, в его внутреннем мире, подвергается собственной самооценке, что и определяет личностные устремления в этом направлении. Каждый человек соответственно своей социальной значимости, с учетом жизненных обстоятельств и приоритетов, требований государства и общества, содержания правовых предписаний и возможностей определяет круг своих жизненных предпочтений и устремлений, которые в практическом плане найдут в той или иной мере отражение на шкале жизненного достоинства.

В конечном счете, жизненное достоинство рассматривается как внутренняя уверенность человека в собственной ценности, чувство самоуважения, которые проявляются в умении противостоять всякого рода попыткам посягательства на собственную индивидуальность и состояние независимости [4, с. 30]. Подлинное достоинство человека, ведущего правомерный образ жизни, не может быть обеспечено в условиях, если человек, когда он лишен самых элементарных прав и

свобод и ощущает реальное посягательство на свое жизненное пространство.

Таким образом, реальное достоинство личности основано на признании этого состояния обществом, на ощущении своей собственной человеческой ценности, которая во многом обусловлена достаточно высоким образовательным, культурным, профессиональным и иным интеллектуальным уровнем [5, с. 16-17]. При отсутствии у соответствующего индивида таких значимых личностных качеств его мало волнует наличие или отсутствие элементов достоинства.

Достойное существование человека – явление многоуровневое, его можно оценить посредством целого ряда критериев, позволяющих выявить реальное наличие элементов (факторов) как достойного, так и далекого от достойного существования, что определяется наличием или отсутствием тех или иных материальных, интеллектуальных, духовно-нравственных, научных, образовательных, спортивных, туристических и многих других благ. При этом необходимо иметь в виду, что само понятие достойного образа жизни человека изначально не является чисто юридическим явлением, следствием, в значительной степени человеческое достоинство выступает явлением нравственным, социальным, общественным. Оно в силу различных жизненных обстоятельств и требований включает в себя все те компоненты, которые в той или иной мере представляют интерес для соответствующей личности и являются доступными для нее.

Однако значительная часть жизненных благ, их доступность, стабильность, долговременность, сохранность в решающей степени связаны с правом. Они должны быть декларированы, закреплены на конституционном уровне, привнесены в систему законодательства правовыми законами, отражающими ценности естественного права и ведущие принципы международного права, касающиеся прав и свобод человека.

Только на надежной ценностно-правовой основе человеческое достоинство становится реальностью. Международно-правовое и конституционное признание личности, ее прав и свобод высшей ценностью становится венцом подлинного жизненного достоинства человека. Право на жизнь, здоровье, социальное обеспечение, свобода выбора места жительства и рода деятельности и другие права и свободы определяют то жизненное пространство, в рамках которого тот или иной человек и может добиться своего достойного образа жизни. Но для этого необходимо наличие благоприятных нравственных, политических, идеологических, социальных, правовых условий и предпосылок. При этом решающую роль должна играть нравственная, социальная и правовая активность самой личности, адекватная требованиям и предписаниям норм права и в определенной мере – ценностям нравственности.

Достойное существование человека проявляет свое наиболее заметное практическое состояние, прежде всего, в социальной сфере, связанной с трудовой, научной, образовательной, культурно-эстетической и иной деятельностью членов общества. При этом

представление о достоинстве конкретной личности непременно связано с исключением, каких бы то ни было ограничений, препятствий, барьеров, противостоящих правовым дозволениям. Все, что обедняет, предусмотренные правом, жизненные интересы, потребности, притязания личности противостоит процессам обретения соответствующим человеком своего достойного образа жизни.

Критерием достойного существования человека является его собственная самооценка, удовлетворение своим положением в системе соответствующих общественных отношений. Достойное положение человека в обществе рассматривается в качестве такой многогранной реальности, которая свидетельствует о должном качестве его жизнедеятельности, признается заслуживающей должного уважения со стороны общества и его членов. Понимание достойного существования человека с позиций права адекватно и тем нравственным идеалам (справедливости, гуманизму), которые непременно сопутствуют жизнедеятельности личности и действуют параллельно с правовыми регуляторами.

Ценностно-правовые инструменты, принципы и нормы нравственности, гарантии гражданского общества и правового государства, социальная и правовая активность, воля и усилия самого человека являются основой сохранения и наполнения новым качественным содержанием состояния человеческого достоинства. При наличии такой действенной основы за членами гражданского общества сохраняется право на достойное существование, несмотря на серьезные жизненные невзгоды, как объективного, так и субъективного свойства.

Задача общества и государства состоит в том, чтобы сводить к минимуму наличие негативных явлений и преодолевать их последствия с наименьшими общественными издержками. Гражданское общество строится на началах справедливости, гуманизма, социальной значимости, поэтому оно призвано выдвигать перед государством целевые направления, ведущие к улучшению качества жизни каждой личности как носителя естественных и неотчуждаемых прав и свобод. В конечном счете, становление достойной жизнедеятельности большинства членов гражданского общества трансформируется в плоскость признания, обеспечения и защиты указанного жизненного состояния, как правовыми методами и средствами, так и посредством нравственных ценностей.

Понимание достойного образа жизни человека с ценностных позиций права и нравственности заключается не только в том, что это жизненное состояние рассматривается как подлежащее государственному обеспечению и общественной поддержке право на определенные жизненные блага, преимущества, льготы. Существенным является то, что при необходимости в действие вступают соответствующие юридические средства и механизмы, в определенной мере гарантирующие стабильность качественного состояния жизнедеятельности членов гражданского общества. При этом используемый правовой потенциал находит усиление со стороны идей,

принципов, норм нравственности, которыми располагают общество и отдельные индивиды.

Если между нормами права и нормами нравственности не обнаруживается никакого противостояния, то это удовлетворяет приоритетные интересы личности, общества и государства. Реализация потребности достойного образа жизнедеятельности личности, как сущностной цели гражданского общества и правового государства становится возможной только на надежной правовой базе, обеспечивающей учет не только общих и групповых интересов, но в первую очередь – интересов индивидуальных, личностных. При этом ценностные начала права, правовых законов находят своего рода предварительный отзыв в идеях естественного права и принципах и нормах нравственности как взаимосвязанных идеалах.

Правовое государство, система действующего законодательства обретают подлинную ценностную сущность тогда, когда обеспечивают признание, реализацию и защиту интересов, потребностей, прав и свобод значительной части членов гражданского общества. Это, в конечном счете, и обуславливает полноценную, достойную жизнедеятельность каждого заинтересованного в этом человека. Только на такой ценностной основе достойная жизнедеятельность личности становится закономерностью функционирования и проявлением подлинной сущности гражданского общества и правовой государственности.

Существенным аспектом обеспечения достойного существования человека является правовая гарантированность стремления соответствующего субъекта права удовлетворить свои приоритетные интересы и потребности в тех или иных сферах политической, экономической, социальной, правовой действительности. Важно не только декларировать, закреплять на конституционно-законодательном уровне ценности естественного права относительно естественных и неотчуждаемых прав и свобод человека, но и добиваться их воплощения в тех общественных отношениях, которые приносят личности определенные жизненные блага.

Усилия государственно-властных структур должны постоянно отстаивать законные интересы и потребности каждого члена общества. Ценностно-правовой потенциал, которым оперирует правовое государство, предназначен для обеспечения благоприятных социальных и правовых условий, при наличии которых осуществляется реализация жизненно значимых интересов большинства членов гражданского общества. Правовые гарантии государства являются залогом достижения личностью тех жизненных целей, которые и определяют в ее понимании и ощущении подлинное жизненное достоинство и благополучие. При достижении значимых параметров достойного образа жизни человек вправе рассчитывать на свою правовую защищенность в случаях произвольного посягательства со стороны кого бы то ни было на его значимые интересы, права и свободы.

Как член гражданского общества и полноценный субъект права, исходящий из своих правомерных намерений, человек должен

учитывать, что закрепленные в международном праве и на конституционном уровне права и свободы, обеспечивающие в случае их реализации, его достойное существование, не вводятся в действие автоматически. Сам человек в первую очередь должен усвоить их ценностную значимость, предпринять необходимые инициативные действия, опереться при необходимости на поддержку компетентных органов государства и постоянно исходить из соответствующих правовых предписаний и требований. Только на такой правовой основе создаются предпосылки для становления того личностного образа жизни, который, в конечном счете, оценивается в качестве подлинно достойного.

Содержание достойного существования человека подтверждается, прежде всего, наличием соответствующих социально-материальных и духовно-нравственных благ, которые составляют основу полноценной жизнедеятельности членов гражданского общества. Развитие и укрепление социально-правового статуса личности являются ведущими показателями ее жизненного уровня, критериями констатации достижения человеком определенных параметров своего достойного образа жизни.

Обеспечение достойного образа жизни конкретных членов общества может быть связано с наличием определенных жизненных обстоятельств. В частности, речь идет о материальном обеспечении, хотя бы минимальном, прежде всего, тех членов общества, которые не могут сами активно участвовать в производственно-трудовых отношениях. Важным фактором обретения достойного существования является возможность доступа членов общества к определенным интеллектуальным и духовным ценностям. Следует иметь в виду и особенности физического, умственного, образовательного, культурного, нравственного развития того или иного человека [6, с. 27].

Следует учитывать и то обстоятельство, что само по себе наличие у каждого человека тех или иных жизненных благ не является стандартом для всех. Каждый человек в перечень соответствующих благ может по своему усмотрению вносить определенные коррективы. Качество и уровень достойного образа жизни во многом зависит от воли и интересов самой конкретной личности.

Нередко об особенностях достойного образа жизни членов общества свидетельствует не столько наличие у них определенных жизненных благ, а способы их приобретения и признания в системе сложившихся ценностей. Так, согласно ч.1 ст.39 Конституции РФ каждому гарантируется социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом. Если бы в данном случае показателем достойности жизни был сам юридический фактор социального обеспечения, то этим можно было бы и ограничиться. Но ведь речь идет о размере, качестве, доступности социального обеспечения, его изолированности от бюрократических проволочек и т.д.

Логично утверждать, что речь о достойном существовании человека может идти лишь тогда, когда социальное обеспечение в целом соответствует жизненно важным интересам и потребностям данного человека. В гражданском обществе и социальном государстве, куда большее значение, чем само провозглашение того или иного жизненного блага, приобретает степень доступности, реальности данного блага.

Очевидно, что достижение тех или иных жизненных целей, количественное и качественное соответствие полученных благ какому-то условному стандарту не могут стать достаточными основаниями, чтобы утверждать о достижении конкретным человеком тех значимых рубежей, которые свидетельствуют о наличии достойного существования. Более того, когда наблюдается отсутствие или недостаточность материальных благ, говорят не о недостойности жизни людей, их элементарной бедности [7, с. 30]. При наличии низкого жизненного уровня членов общества о достоинстве жизни человека не может быть и речи.

Само по себе наличие у каждого человека тех или иных жизненных благ далеко не всегда является показателем действительно полноценной жизнедеятельности. Нередко о достойном образе существования людей свидетельствует не столько наличие определенных благ, а характер и способы их достижения, особенности их признания в системе сложившихся ценностей. Если бы показателем достоинства жизни личности был сам правовой фактор социального обеспечения, то этим можно было бы и ограничиться. Но ведь речь идет о содержании, качестве, доступности многогранных жизненных достижений, связанных с политическими, культурно-образовательными и многими другими интересами и устремлениями конкретного человека. При определении критериев достоинства человеческого существования необходимо исходить из того, что достойная жизнь не ограничивается потреблением материальных благ, а ориентируется на все другие интересы и устремления людей, без которых никоим образом не может состояться их полноценная, насыщенная жизнь [8, с. 35].

Все значимые жизненные порывы конкретной личности должны в той или иной мере находить отражение в системе действующего законодательства, признающего правовые ценности и идеалы, адресованные членам общества. При этом важно и другое обстоятельство – оценка наличия или отсутствия достойного уровня жизни у каждого конкретного человека имеет не только ценностно-правовые, но и нравственные измерения, поскольку жизнедеятельность личности соразмеряется, как с правомерным, так и нравственным поведением.

Правовое и нравственное сознание являются действенными факторами в тех жизненных ситуациях, когда человек согласует свои жизненные намерения с реальной действительностью, сложившимися возможностями, основанными на правовых и нравственных дозволениях. Стремление к достижению соответствующих жизненных

рубежей у многих людей находит предварительный внутренний психологический анализ, основанный на ценностях нравственности. И только после этого осуществляется поиск правовых возможностей для достижения определенных жизненных целей.

Таким образом, право на достойное существование имеет каждый человек вне зависимости от каких-либо обстоятельств – национальной принадлежности, вероисповедания, пола, возраста, уровня образования, состояния здоровья, должностного положения и т.д. Реализация этого права человека сопряжена с многочисленными взаимоотношениями с другими членами общества, соответствующими институтами гражданского общества и государственно-властными структурами. В процессе участия в этих отношениях люди преследуют собственные интересы и потребности, что инициирует постепенное приближение к уровню и показателям достойного существования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гордой Л.А. Социально-экономические права человека: содержание, особенности, значение для России // *Общественные науки и современность*. 1997. № 3.
2. Ковалев А.А. Правовое государство – необходимое условие для становления гражданского общества // *Гражданское общество в России: возможность самоорганизации и механизмы правового регулирования*. М., 2004.
3. Кожевников С.Н. Гражданское общество: понятие, основные признаки, предпосылки формирования в России // *Вестник Нижегородского университета им. И.И. Лобачевского*. Серия: Право. Гражданское общество, государство и право в переходный период. Вып.1(5). Н.Новгород, 2002.
4. Родионова О.В. Размышления о юридической природе права на достойное существование // *Вестник Российского Союза Юристов*. 2003. . № 9.
5. Суржик А.Ф. Проблемы правового регулирования чести, достоинства и деловой репутации в гражданском нраве Российской Федерации. Автореферат дисс... канд. юрид. наук. М., 2006.
6. Орлова О.В. Гражданское общество и личность: политико-правовые аспекты. М.: Пресс, 2005.
7. Смит Д. Глобальный вызов: как достичь мира без унижения? // *Социологические исследования*. 2004. №4.
8. Лепихов М. Социальное государство и правовое регулирование социальной защиты населения // *Право и жизнь*. 2000. № 31.

VALUE-LEGAL AND MORAL ASPECTS OF A DECENT WAY OF LIFE

Shepelev V.I., Dvoimenny A.V.

The article analyzes the features of the human right to a decent lifestyle as a fundamental value of natural law and one of the leading principles of international law. The priority nature of the stable and clearly expressed position of each member of civil society in the leading spheres of political, economic, social, legal reality, due to the presence of perfect democracy, a stable regime of legal legality and proper legal order, is emphasized. Attention is focused on the importance of moral values, which are necessarily present in the legal spheres that ensure the dignity of human existence. The conclusion is made about the need to introduce constitutional and legal values into the system of current legislation, the mechanisms of law enforcement related to the processes of ensuring the priority rights and freedoms of the individual as a leading factor in achieving a decent lifestyle.

Keywords: natural law, values of law, values of morality, legal laws, human rights and freedoms, dignity of the individual, civil society.

УДК 341; 342

РОССИЙСКИЕ МИРНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТЫ И ДОКУМЕНТЫ КОНФЕРЕНЦИИ И КОНВЕНЦИИ 1899 Г. «О МИРНОМ РЕШЕНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТОЛКНОВЕНИЙ»

Шурухнов Николай Григорьевич
Ведущий научный сотрудник НИИ ФСИН России,
Доктор юридических наук, профессор
E-mail: matros49@mail.ru

Акцентируется внимание на приверженности российских императоров к разрешению межгосударственных конфликтов мирным путем, ограничению средств, выделяемых на вооружение, постановке вопроса о разоружении. Обозначается инициатива русского престола по кодификации законов и обычаев ведения сухопутной войны. В частности, на Брюссельской конференции 1874 г., инициатива созыва которой исходила от Российского императора Александра II. Акцентируется внимание на предложениях Российского императора Николая II о проведении конференции для обсуждения вопросов, направленных на приостановку гонки вооружения, выработки (конкретизации существующих) правил ведения войны, процедур разрешения военных конфликтов мирными средствами. Автор представляет структуру и обозначает содержание Конвенции 1899 г. Указывает на негативное отношение к мирным инициативам русского царя представителей зарубежных стран, их нежелание участвовать в подобном форуме. Отмечается значение исторических российских инициатив для решения современных межгосударственных конфликтов.

Ключевые слова: мирные инициативы, Российский император,

конференция, конвенция.

Сегодня вряд ли найдутся оппоненты, способные оспорить ставшее крылатым высказывание (1873 г.) профессора Леонида Евстафьевича Владимировича о том, что история – великий учитель, система причин и следствий, показывающая нам ситуации наглядно, путем эмпирическим [1, с. 90]. Скорее наоборот, будет масса единомышленников, которые подтвердят его точный вывод, правильное сравнение, служащее ориентиром для правоведа, политика, теоретика, практика. Однако сделаем оговорку и скажем о том, что западные политики и политологи, вопреки позиции российского ученого, пытаются все поставить с ног на голову. Речь, в частности, идет о проектах договоров России и Украины (минских договоренностях), при посредничестве западных стран, поведение и намерения, как показала история, строились на чистой лжи. Украинская сторона и «гаранты» договоренностей преследовали совершенно другие, совершенно не мирные цели. И при этом делались попытки провоцировать Россию на конфликт, а спустя промежуток времени обвинить в инициативе военных действий на Украине. Такой подход далеко не единичен, мы никак не привыкнем извлекать исторические уроки, а их в нашей истории множество, и продолжаем доверять, рассчитывая на честность и порядочность договаривающихся сторон. На самом же деле нас в очередной раз откровенно и нагло, глядя в глаза, распространяя информацию, обманывают. Но нам нужно задумываться, как следует поступать. анализировать факты.

Многовековая история на конкретных фактах показывает величие миролюбивой русской души, ее стремление избегать конфликтов как в межличностных, так и в межгосударственных отношениях. Решить спор либо острое столкновение путем договоренностей или переговоров, включающих обоюдные интересы. Такой подход, естественно, является более значимым в межгосударственных отношениях, в противном случае противостояние влечет за собой гибель людей, разрушения, массу негативных последствий для самих враждующих держав. Поэтому стремления должны были направляться на переговорный процесс с целью избежать масштабного межгосударственного конфликта, ну, а если не удастся исключить столкновения, то вести его по правилам, исключая бесчеловечные средства и методы, обеспечивая безопасность мирного населения.

Приведенные рассуждения проследим на примере Гаагских конференций и конвенций, исторических фактах проведения, их содержании, зафиксированном в архивных документах, воспоминаниях современников. Гаагские конференции 1899 г., 1907 г. (несмотря на негативное отношение некоторых государств) были посвящены мирному решению международных столкновений и созваны по инициативе Российского императора Николая II. Следует отметить, что такое отношение подтверждало и преемственность российского престола. Брюссельская конференция 1874 г. (15(27) июня – 15(27) августа) с попыткой первой кодификации законов и обычаев сухопутной

войны была создана по инициативе Александра II.

Это полезно было бы знать и уяснить тем, кто ведет русофобскую политику, отрицает все русское, умаляет великие миролюбивые заслуги России и лучших представителей нашего Отечества, создает интриги, искажает историю и тем самым пытается породить ненависть ко всему русскому, разжигая международные конфликты.

Прорабатывая подготовку проведения конференции по мирному разрешению международных конфликтов, Российский император Николай II и уполномоченные руководители Министерства иностранных дел приняли решение информировать представителей России за границей и подданных иностранных государств, аккредитованных при Высочайшем Дворе. Обращения, по поручению Николая II, осуществлялись министром иностранных дел (1897-1900 гг.) графом Михаилом Николаевичем Муравьевым [2, с. 289-316].

Первое из обращений содержало положения, нацеленные на сохранение всеобщего мира за счет сокращения чрезмерных вооружений, выступавших непосильным бременем для всех народов. Отмечалось, что увеличивающиеся финансовые затраты и физические силы народов, их труд и заработанные капиталы используются не по назначению. Так как финансовые средства идут на приобретение, разработку нового вооружения для истребления людей. Сегодняшние достижения науки, направленные на военные цели, уже завтра теряют свое назначение, в связи с тем, что на смену быстро приходят новые. Поэтому в российском обращении говорилось: «Положить предел непрерывным вооружениям и изыскать средства предупредить угрожающие всему миру несчастья – таков ныне высший долг для всех государств. С Божьей помощью, конференция эта могла бы стать добрым предзнаменованием для грядущего века» [3, с. 481-483; 4, с. 236-237].

В рассматриваемый период времени (и позднее, как показывают исторические факты) отношение к мирным российским инициативам назвать положительным нельзя. Как указывали составители энциклопедического словаря 1895 г. [3, с. 481-483], одни государства свое негативное отношение объясняли недостаточной защитой границ державы, другие не имели заинтересованности, так как приступили к разработке новейших вооружений, способных продвинуть собственный военный потенциал, третьи предложения России считали способом обмануть, завести в заблуждение государства-соперники.

Негативное отношение зарубежных держав не сказалось на снижении стремления мирных инициатив Российского государя и его единомышленников.

Дипломатическая переписка в межгосударственных отношениях в конце 1898 г. значительно активизировалась. Министр иностранных дел М.Н. Муравьев в конце декабря 1898 г. обратился к иностранным дипломатическим представителям в Петербурге. Не отказавшись от мирных инициатив, было принято решение сгруппировать их таким образом, чтобы в пакетном виде они привлекали внимание, позволяли определить основные цели обращений, были понятны всем гражданам, желающим

жить в мире и согласии. Исходя из такого подхода, заинтересованным державам было предложено обсудить 8 основных проблем:

1. Сохранение численности вооруженных сил (сухопутных и морских) и бюджетов на военные нужды.
2. Запрещение оснащения армии и флота новыми образцами огнестрельного оружия, взрывчатыми веществами (в том числе сильно действующим порохом).
3. Ограничение использования разрушительных взрывчатых веществ, запуска снарядов с воздушных шаров.
4. Запрещение применения в морских сражениях подводных миноносных лодок, судов с таранами.
5. Применение к морским сражениям положений Женевской конференции 1864 г.¹, документов к ней 1868 г.²
6. Нейтральность судов и шлюпок, проводящих спасение утопающих в результате морских сражений.
7. Содержание Брюссельской декларации 1874 г. о законах и обычаях войны.
8. Посредничество и добровольность третейского разбирательства для предотвращения вооруженных конфликтов.

Конференция открылась в Гааге 18 мая 1899 г. В течение периода ее проведения (до 29 июня 1899 г.) председательство на ней осуществлял посол России в Великобритании – барон Егор Егорович Сталь³. Однако основным «аккумулятором» идей, душой конференции, человеком, который заранее проработал положения, подлежащие обсуждению и утверждению, был великий российский ученый, правовед-международник эстонского происхождения – Федор Федорович Мартенс [5; 6; 7; 8; 9]. Он был основоположником концепции мирного разрешения международных споров, которой российские дипломаты и государственные деятели придерживаются и сегодня.

По оценкам современников, участники конференции сосредоточились на обсуждении двух групп основных правил:

- 1) общих процедур третейского и вообще мирного разбирательства столкновений государств;
- 2) отдельных правил ведения войны.

Обозначенные положения были отражены в трех конвенциях (о мирном улаживании международных столкновений; обычаях сухопутной войны; распространении положений Женевской конференции 1864 г. на морскую войну) и трех декларациях (о

¹ Женевская конвенция 1864 г. провозгласила медицинские формирования на поле боя нейтральными и неприкосновенными. Предполагалось, что Международный комитет Красного Креста (МККК) берет на себя заботу о пострадавших на поле боя, а госпитали и перевязочные пункты воюющих сторон получают нейтралитет. Таким образом, Конвенция заложила первый камень в основание международно-правовой защиты жертв вооруженных конфликтов.

² Санкт-Петербургская декларация 1868 г. запретила использование видов вооружений, появившихся в результате технического прогресса, которые могли принести излишние страдания воюющим.

³ Егор Егорович Сталь – чрезвычайный и полномочный посол России в Великобритании (27 марта 1884 г. – 30 апреля 1902 г.).

запрещении: бросания взрывчатых снарядов с аэростатов; использования снарядов, единственной целью которых является распространение удушающих газов; использования пуль, взрывающихся в человеческом теле).

По своим целям и масштабности значение имела Конвенция о мирном решении (улаживании) международных столкновений. Она регламентировала право третьего государства на вмешательство в столкновение между другими державами. Такое «вмешательство» имело специфические цели – предложение вариантов добрых услуг по отношению к сторонам – участникам конфликта. Конвенция рекомендовала спорящим государствам избрать нейтральные державы, которые способны выработать условия соглашения (разрешения конфликта). Данный международный правовой документ предлагал новый способ международного следствия – следственную комиссию [10, с. 245-249], призванную исследовать обстоятельства спора и представлять доклад спорящим державам.

Структурно «Конвенция о мирном решении международных столкновений» 1899 г. (перевод с французского) [11] выглядела следующим образом. В ней отсутствовал традиционный раздел под наименованием «Преамбула». Однако в начале документа перечислялись должности руководителей государств-участников, от имени которых заключалась конвенция; ее цели, назначение, направленность; имена назначенных полномочных представителей, непосредственно работавших над Конвенцией.

Раздел I «О сохранении всеобщего мира» состоял из одной статьи. В ней раскрывалась цель – предупреждение обращения к силе в отношениях между государствами, разрешение международных разногласий усилиями подписавшихся стран.

Раздел II «О добрых услугах и посредничестве» (ст. 2-8). Статья 4 раскрывала задачи посредничества. Они предназначались согласовать противоположные требования, уменьшить чувства взаимной неприязни, которые могли возникнуть или уже имели место между государствами, находящимися в конфликте. Указывалось, что добрые намерения (мирные планы), иницируемые спорящими сторонами или предлагаемые державами, не имеющими отношения к спору, должны служить советом, не имеющим обязательной силы (ст. 6).

Раздел III «О международных следственных комиссиях». В ст. 9-14 раскрывалась цель – способствовать разрешению споров за счет выяснения фактов путем беспристрастного и добросовестного их расследования. А также процедуры деятельности комиссии, права и обязанности сторон, находящихся в конфликте.

Раздел IV «О международном третейском разбирательстве» был самым объемным, он состоял из трех глав и 43 статей (15-57). Глава I «О третейском разбирательстве» (ст. 15-19) раскрывала цель третейского разбирательства, предмет соглашения о третейском разбирательстве, силу принимаемых решений. Глава II «О Постоянном третейском суде» (ст. 20-29) акцентировала внимание на этом межгосударственном образовании, с местом заседания в Гааге, доступным в любое время и

действующим по процессуальным правилам данной Конвенции, при условии, если сторонами не устанавливалось иное. Регламентировала процедуры создания суда, его деятельность (регламент), правомочия, юрисдикцию. А также деятельность Международного бюро, создаваемого в качестве канцелярии суда, ее финансирование. Глава III «О порядке третейского разбирательства» (ст. 30-57) содержательно носила процедурный характер: обязанности, права арбитра, обращающихся сторон; раскрывала этапы (части) (предварительное рассмотрение и прения) третейского разбирательства, форму и силу третейского решения, порядок вынесения и оплаты издержек.

Содержание конвенции включало «Общие положения» (ст. 58-61), в них раскрывалось содержание ратификации данного международного документа, присоединение к Конвенции в последующем держав – участников Международной мирной конференции, не подписавших ее сразу. Условия присоединения к настоящей конвенции государств, не представленных на Международной мирной конференции, процедура отказа от Конвенции одной из договаривающихся держав. Указывалось, что первый экземпляр будет храниться в архиве правительства Нидерландов, а засвидетельствованные копии будут направлены дипломатическим путем договорившимся участникам.

Заключительная часть.

1. Для сегодняшних межгосударственных отношений, необузданной лжи по отношению Российской Федерации важно показать вектор мирных инициатив, исходивших от Российского императора Николая II. Как отмечали современники, это обуславливалось двумя обстоятельствами: 1) человеколюбием российских царей, неприятием конфликтов в человеческих и межгосударственных отношениях, тем более, если они грозят массовым применением различных вооружений; 2) преемственностью государственной политики, стремлением к мирному существованию. Еще раз укажем, что не только мирные инициативы 1899 г. исходили от России, но и брюссельские 1874 г. были плодом Российского императора Александра II.

2. Важнейшим итогом Гаагских конференций 1899 г. явился диалог о законах, обычаях войны, обсуждение предложений о разоружении. Проработка проблем учреждения, насколько позволят обстоятельства, Международной следственной комиссии, способствующей разрешению споров.

3. Следует признать, что Гаагская конференция не предупредила ни войны Великобритании с южно-африканскими республиками, ни войны России с Японией. И все же ее инициативы не будут забыты благодарной памятью народов. В этом заключаются ее общечеловеческое значение, миролюбивый характер. Это одна из попыток, предпринятых Россией для установления в международных отношениях более правильного и разумного порядка. Истории неизвестно поведение другого какого-нибудь цивилизованного государства, которое представляло бы столько попыток для

миролюбивого разрешения назревших вопросов международного правопорядка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Владимиров, Леонид Евстафьевич. Суд присяжных: Условия действия института присяжных и метод разработки доказательств. – Харьков, 1873. – 257 с.

2. Михаил Николаевич Муравьев. Биографический очерк // Петр Владимирович Долгоруков. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта 1860-1867. Собрал и приготовил к печати П.Е. Щеголев. Дополнил и снабдил введением и примечаниями С.В. Бахрушин. Кооперативное издательство «Север». – М., 1934. – 474 с.

3. Гаагская мирная конференция 1899 года // Энциклопедический словарь / изд.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – Санкт-Петербург, 1895. Т. 2. (1А). – С. 481-483.

4. Гаагские конференции мира 1899 и 1907 // Дипломатический словарь. – М.: Наука, 1985. – Т. 1. – С. 236-237.

5. Кессельбреннер Гавриил Леонидович. Известные дипломаты России = Noted diplomats of Russia: Министры иностранных Дел Российской Империи / отв. ред. А. В. Торкунов; Московский гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД РФ. – 2-е изд. – М.: Московские учебники, 2007. – 527 с.

6. Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов: в 2 т. Т. I / под ред. и с биографическим очерком д-ра юрид. наук, проф. В.А. Томсинова. – М.: «Зерцало», 2008. – 209 с.

7. Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов: в 2 т. Т. II / под ред. и с биографическим очерком д-ра юрид. наук, проф. В.А. Томсинова. – М.: «Зерцало», 2008. – 251 с.

8. Очерки истории Министерства иностранных дел России. Т. 3: Биографии министров иностранных дел, 1802-2002 гг. / редкол. А.Ю. Мешков (отв. ред.) [и др.]. – М., 2002. – 419 с.

9. Пустогаров В.В. Федор Федорович Мартенс – юрист, дипломат. – М.: Международные отношения, 1999. – 290 с.

10. Шурухнов Н.Г. Об утверждении международных следственных комиссий по результатам конвенций 1899 и 1907 гг. «О мирном решении международных столкновений» // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18. № 3 (67). – С. 245-249.

11. Конвенция 1899 г. «О мирном решении международных столкновений» // КонсультантПлюс: официальный сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 06.11.2024).

**RUSSIAN PEACE INITIATIVES: HISTORICAL FACTS
AND DOCUMENTS OF THE CONFERENCE AND CONVENTION
OF 1899 "ON THE PEACEFUL SETTLEMENT
OF INTERNATIONAL CONFLICTS"**

Shurukhnov N.G.

The focus is on the commitment of Russian emperors to the resolution of interstate conflicts by peaceful means, limiting funds allocated for weapons, raising the issue of disarmament. The initiative of the Russian throne to codify the laws and customs of conducting land warfare is designated. In particular, at the Brussels Conference of 1874, the initiative to convene which came from the Russian Emperor Alexander II. The article focuses on the proposals of the Russian Emperor Nicholas II to hold a conference to discuss issues aimed at stopping the arms race, developing (specifying existing) rules of war, and procedures for resolving military conflicts by peaceful means. The author presents the structure and outlines the content of the 1899 Convention. He points out the negative attitude of representatives of foreign countries to the peace initiatives of the Russian Tsar, their unwillingness to participate in such a forum. The importance of historical Russian initiatives for resolving modern interstate conflicts is noted.

Keywords: peace initiatives; Russian Emperor; conference; convention.

**ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ
(ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ)
НАУКИ**

УДК 342.724

***КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ
МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА
В ПРОЦЕССЕ ОБОСНОВАНИЯ
И РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ
ЧЕЛОВЕКА***

Алехина Екатерина Сергеевна

Кандидат экономических наук, доцент,
Донской государственный технический университет

Ковтун Надежда Анатольевна

Кандидат педагогических наук, доцент,
Донской государственный технический университет

Елизаров Игорь Владимирович

Кандидат юридических наук, доцент,
Донской государственный технический университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: Ket_as@mail.ru

В данной работе раскрывается сущность концепта «мультикультурализм», выявляющего комплексную взаимосвязь между социокультурной спецификой и системой реализации прав человека. Универсальность личностных прав и свобод не всегда означает единообразие в методах их обеспечения, в то время как культурный плюрализм пропагандирует аутентичность разных культур и необходимость принятия их специфических ценностей мировым сообществом. Находясь на стыке юридического, политического, социального и культурного контекстов, права человека подкрепляются

не только деятельностью государства и международных организаций, но также функциями гражданских сообществ со своими обычаями и традициями. В этой связи значимость мультикультурализма как подхода по интеграции правовых и культурных инициатив расширяет возможности властей и граждан по поддержанию меньшинств, устранению дискриминации, взаимоуважению и пониманию между представителями разных культур.

Ключевые слова: мультикультурализм, права человека, культурная идентичность, коллективные права, индивидуальные права, правосознание, толерантность, диалог культур, культурный плюрализм.

В современных реалиях правовой универсализм, признанный и подкрепленный международными конвенциями и соглашениями (Международный пакт о гражданских и политических правах (МПГПП); Конвенция о защите прав человека; Конвенции о ликвидации дискриминации и т.д.) не исключает культурное разнообразие разных сообществ, а скорее способствует их мирному сосуществованию посредством защиты культурных ценностей, выражающихся в этнических свободах, религиозных убеждениях и социальных ориентирах.

Согласно статье 27 МПГПП, «культурные права охватывают защиту культурной целостности групп меньшинств, включая коренные народы и их образ жизни» [1, с. 211]. В этой связи юрисдикция различных международных организаций подкрепляет значимость культурного плюрализма [2, с. 289] в контексте развития правовой целостности мирового сообщества.

Тем не менее интерпретация принципов обеспечения и защиты прав человека в мультикультурных государствах вызывает ряд проблем, связанных с включением социокультурных факторов, формирующих специфическую картину мира и справедливости.

Как отмечает П. Агъяр, «культура, как динамичная система общих значений, убеждений и практик, фундаментально определяет то, как люди и сообщества испытывают и выражают свои права» [1, с. 211]. Отличия в интерпретации правовых ценностей могут выражаться в приверженности определенного общества к реализации коллективных прав, в то время, как другие этнические группы будут стремиться к большей степени индивидуализации.

Как правило, подобные различия корректируются национальным правовым регламентом, однако нередко возникают ситуации правового принуждения и культурного обесценивания, в частности, в рамках многокультурных государств, что приводит к непониманию и конфликтам. Как правило, страдают от этого мигранты и маргинальные группы, не способные встроиться в новую культурную реальность.

Примером тому может послужить социологическое исследование, проведенное в 2009 году в Германии по заказу правительственных органов. По результатам многочисленных опросов, иммигранты, среди

которых больше половины составили выходцы из Турции, не могли интегрироваться в местное сообщество: каждый четвертый не освоил языковые компетенции за несколько лет проживания в Германии и более 50% Турков избегали общения с немцами [3, с. 8-9]. Более высокий процент культурной ассимиляции показали иммигранты из Польши, Греции и Италии, что объясняется схожестью культур европейских государств и значительными отличиями от арабских и азиатских стран.

Подобные проблемы могут возникать и в многонациональных странах – в частности, в России. В нашем государстве культурные различия проявляются не только по причине массовых волн мигрантов, а также в силу регионального (территориального) характера разделений на вариативные этносы, субкультуры, религиозные конфессии. Согласно данным переписи населения от 2020 года, количество граждан, указавших свою национальную принадлежность, составило более 100 миллионов человек. Количество наций, отмеченных в отчетах Федеральной службы государственной статистики (РОССТАТ), составило порядка 200 групп, среди которых доминируют по численности: русские, татары, чеченцы, башкиры, чуваша, аварцы, армяне и т.д. Религиозный состав населения также варьируется в зависимости от культурных сообществ. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), значительная часть населения исповедует христианство (65-70%), 10% граждан исповедуют ислам, незначительная часть населения являются приверженцами буддизма, протестантизма и католицизма (5%), а также присутствуют приверженцы атеизма (15 %).

Безусловно, каждая этническая группа и конфессиональное объединение имеют свои особенности, доктринальную парадигму, специфические воззрения на права человека и культурные ценности. Подобные различия проявляются в наиболее острой форме при столкновении культур в едином социально-правовом пространстве.

Главной задачей в этом направлении является обнаружение устойчивого баланса между правовой универсальностью и культурной спецификой реализации прав и свобод человека в многокультурных сообществах. В связи с чем, целью исследования является разностороннее изучение концепции мультикультурализма, определяющей пути взаимодействия социокультурной реальности и правовых требований для обеспечения культурного разнообразия и справедливости.

Социальная изменчивость, обоснованная культурно-историческим контекстом, приводит к научным разногласиям среди приверженцев устойчивых правовых теорий. Допущение о формировании законов на основе культурных обычаев [4, с. 166] позволило утвердить идеи мультикультурализма в качестве приоритета прав и свобод человека.

В отношении данной концепции современная наука предлагает различные трактования и определения.

Так, Ю. Хабермас подразумевает под мультикультурализмом отказ от репрессивной универсальности права, достичь которого возможно за счет диалога культур и этического консенсуса [5, с. 21]. В своих политических очерках немецкий философ обосновал идею «коммунитаристики», в которой регулятивные функции государства «сводятся к роли посредника, использующего разнонаправленные интересы частных лиц для процветания общества, что имеет важное самостоятельное значение для сплочения людей в единое целое на основе чувства солидарности; впоследствии солидарные общества развивают в людях осознание себя в качестве граждан государства, и те, в свою очередь, по своей воле развивают отношения взаимного признания, образуя ассоциацию свободных и равных носителей прав» [5, с. 22].

По определению А. К. Дегтярева и В. В. Черноус, мультикультурализм выражается в «принятии определенного уровня толерантности к иным мировоззрениям, а также в праве на реализацию культурной самобытности в рамках единого политико-правового пространства» [4, с. 171].

Существуют и противники мультикультурализма, трактующие данную концепцию как стремление к разрушению и слиянию устоявшихся культурных ценностей и традиций разных групп [6, с. 24]. Американский социальный критик А. М. Шлезингер рассматривает данную концепцию как политическую идеологию, подменяющую аутентичные идеалы на глобальные паттерны [7, с. 34].

Несмотря на различия во мнениях, исследователи сходятся в одном – необходимости обнаружения путей гармоничного сосуществования разных культур в едином обществе.

По нашему мнению, именно концепция мультикультурализма отстаивает равные права и возможности для всех граждан с учетом и уважением к их культурной принадлежности. Однако эта концепция противостоит двум крайностям: теории культурного сепаратизма и ассимиляционной политике. В первом случае происходит резкое обособление культурных сообществ, стремящихся к полноценной автономии, в то время как ассимиляция приводит к слиянию культур, подчиняя меньшинства доминирующей группе [1, с. 217].

В этом направлении реализация идей мультикультурализма представляется наиболее гуманным способом налаживания контакта между различными сообществами и их правовыми регламентами.

Важно заметить, что на практике применение концепции мультикультурализма осложнено рядом культурных интерпретаций прав человека: «в некоторых обществах предпочтение отдается общинным правам и национальному благополучию, а не личным свободам» [1, с. 217]. Наиболее ярким примером в данном случае является преобладание религиозных ценностей в мусульманских культурах: полигамные браки, покрытие женщин в хиджаб, никаб и паранджу [8, с. 91], незначительное участие женщин в политике и т.д., что заметно противопоставляется высокому уровню свободы в Западных

странах и ряде Европейских государств: автономия частной жизни граждан, развитие идей феминизма, свобода слова и т.д.

Подобные примеры подтверждают наличие дихотомии в разделении прав на индивидуальные и коллективные, что подчеркивает сложный баланс, необходимый между поддержанием общественного благосостояния и уважением личных свобод.

Ориентируясь на первостепенные задачи по обеспечению безопасности, а также экономико-политической стабильности, государственные органы и организации гражданского общества отодвигают на второй план культурные нужды этнических сообществ и меньшинств. Вследствие чего происходит социокультурный кризис, напрямую воздействующий на систему реализации прав человека.

Концептуальное развитие идей мультикультурализма подразумевает включение управленческих структур в посредничество между местной культурной практикой и международными правовыми нормами, «способствуя более тонкому и контекстуальному подходу к пропаганде прав граждан» [1, с. 216].

Интегрируя теоретические данные с эмпирическими изысканиями, такой подход обеспечивает культурное проникновение в систему права, что позволяет подробнее изучить общественные приоритеты и прийти к обнаружению эффективной национальной правовой стратегии.

Воплощение в жизнь концепции мультикультурализма требует действенных организационных мер в различных сферах: образование (сохранение коренных языков в образовательных программах посредством двуязычного образования, включение знаний по межкультурной коммуникации), духовная сфера (проведение социальных мультикультурных мероприятий, снятие запретов на религиозную символику меньшинств), выстраивание надежных систем социальной поддержки (предоставление услуг всем гражданам, независимо от их происхождения), экономика (общедоступность материальных благ, равные права по трудоустройству), политика и государственная открытость к культурному диалогу.

В качестве примера можно изучить опыт Республики Татарстан, входящей в состав Российской Федерации: «легитимизация двух государственных языков как важной составляющей бикультурализма в республике, балансирование интересов русского и татарского, православного, мусульманского и нерелигиозного населения послужили залогом благоприятного климата межкультурных отношений» [9, с. 158]. В данном случае благоприятному сосуществованию культур и правовых нормативов способствовало грамотное планирование региональных стратегий, направленных на продвижение мультикультурализма и развитие гражданственности. «Большую роль сыграло образование на родных языках для автохтонных народов Волго-Уралья (чувашей, удмуртов, марийцев, мордвы и др.), прежде всего в местах их компактного проживания в республике, поддержка культурных обществ и национальных культурных ассоциаций разного уровня» [9, с. 158].

Иллюстрация эффективной мультикультурной политики подтверждает значимость правового просвещения – в регионах и сообществах с высоким уровнем гражданственности и правовой осознанности развитие культурной толерантности происходит быстрее и в наиболее естественной форме.

Просветительские инициативы должны включать в себя крупномасштабные программы по правам человека, которые охватывают как универсальные принципы, так и культурные контексты, способствуя повышению осведомленности и уважения, что будет способствовать развитию диалога между различными группами с целью выстраивания платформы межкультурного обмена на различных уровнях [1, с. 225].

Распространение идей мультикультурализма является комплексным и сложным процессом, подразумевающим обновление политики государств с поддержкой инклюзии и привлечением различных культурных групп, отражающих специфические взгляды сообществ на правовые потребности и нужды. В длительной перспективе такие меры станут необходимой системой поддержки для маргинализированных групп; посредством культурного диалога и правовой осознанности борьба с дискриминацией перейдет из категории стихийных правонарушений в контролируемый, нисходящий процесс; учет и признание религиозных прав поможет увеличить эффективность правового регулирования. Значимым условием в реализации политики мультикультурализма также является международное сотрудничество и поддержка в осуществлении стандартов в области прав человека.

Необходимость критического анализа возможностей интеграции культурной практики в систему регулирования прав человека обосновывается культурными различиями народов мира в процессе укреплении межкультурного уважения [10, с. 302]. Тем не менее, совокупное применение изученных рекомендаций поможет создать условия, в которых права человека уважаются и защищаются для всех людей, независимо от их культурного происхождения [1, с. 225].

Таким образом, воплощение в жизнь идей мультикультурализма направлено не только на поддержку правовой универсальности, но также на укрепление культурного разнообразия и создание справедливой реальности в качестве элементов плюралистической демократии общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Agyare, P. Contextualizing Human Rights in Multicultural Environments. *Research in Social Sciences and Technology*. 2024, 9, pp. 210-230. DOI: 10.46303/ressat.2024.56.
2. Freeman, M. *Human rights*. (4th ed.). John Wiley & Sons. 2022, pp. 360.
3. Karcher, A. *Integrating Turks in Germany: The Separation of Turks from German Society, Discrimination against Turks in the German Labor*

Market and Policy Recommendations to Integrate Turks into German Society. *Public Policy Studies*, 2010, pp. 56.

4. Дегтярев, А. К., Черноус, В. В. Права человека и «Сепаратистские» требования мультикультурализма. Государственное и муниципальное управление. Ученые записки . 2014, 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prava-cheloveka-i-separati...> (дата обращения: 17.10.2024).

5. Волкова, Т. П. Проблема мультикультурализма в философии Ю. Хабермаса. Вестник Мурманского государственного технического университета. 2006, 9, no. 1, pp. 21-26.

6. Лапин, Д. В. Мультикультурализм: политическая концепция и научный феномен. Идеи и идеалы. 2013, №2 (16). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/multikulturalizm-politiche...> (дата обращения: 20.10.2024).

7. Schlesinger, A. M. *The Disuniting of America: Reflections on a Multicultural Society*. New York: W. W. Norton & Company, 1992, pp. 160.

8. Solanes-Corella, Á. Human Rights and Conflicts in European Multicultural Societies. *Migraciones Internacionales*. 2013, 7, pp. 69-100.

9. Низамова, Л. Р. Смыслы и дилеммы мультикультурализма в России: идеологический поворот 2010-х гг. Вестник экономики, права и социологии. 2017, 1, pp. 155-159.

10. Donnelly, J. *Universal Human Rights in Theory and Practice*. NED-New edition, 3, Cornell University Press, JSTOR. 2013, pp. 336. URL: <http://www.jstor.org/stable/10.7591/j.ctt1xx5q2>. (Accessed 21 Oct. 2024).

CONCEPTUALIZING MULTICULTURALISM IN THE PROCESS OF OBJECTIVATION AND IMPLEMENTATION OF HUMAN RIGHTS

Alyokhina E.S., Kovtun N.A., Yelizarov I.V.

The article reveals the essence of the concept of multiculturalism, which identifies a complex relationship between sociocultural specifics and the system of realization of human rights. The universality of individual rights and freedoms does not always mean uniformity in the methods of their ensuring, while cultural pluralism promotes the authenticity of different cultures and the need for the world community to accept their specific values. Being at the intersection of legal, political, social and cultural contexts, human rights are reinforced not only by the activities of the state and international organizations, but also by the functions of the civil community with its own customs and traditions. In this regard, the importance of multiculturalism as an approach to the integration of legal and cultural initiatives expands the ability of authorities and citizens to maintain minorities, eliminate discrimination, develop mutual respect and understanding between representatives of different cultures.

Keywords: multiculturalism, human rights, cultural identity, collective rights, individual rights, legal consciousness, tolerance, dialogue of cultures, cultural pluralism.

УДК 340.1

НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ КАК КОМПЛЕКСНЫЙ ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ

Кочетова Светлана Михайловна

Доцент кафедры гражданского и предпринимательского права
Всероссийского университета юстиции, кандидат юридических
наук, действительный государственный советник 2 класса

E-mail: rektorat@rizp.ru

Многообразие общественных отношений, относящихся к сфере интенсивно развивающихся цифровых технологий, в одночасье оказались вне достаточно качественного, отвечающего реалиям сегодняшнего дня, нормативного правового регулирования. Попытки законодателя решать проблемы посредством внесения дополнений и изменений в действующее законодательство позволяют решать возникающие задачи лишь в краткосрочном периоде. Рассматривая весь спектр общественных отношений, оказавшийся под воздействием цифровизации современного общества, можно и нужно говорить о формировании, в будущем, новой отрасли – цифровое право. При этом, на сегодняшний момент, автор выделяя единый предмет правового регулирования, рассматривает его в пределах комплексного межотраслевого правового института.

Ключевые слова: цифровизация, цифровое общество, цифровая среда, компьютерные технологии, предмет правового регулирования, законодательство, цифровое право, правоотношения, информационная безопасность, юридическая ответственность.

XXI век или по крайней мере, первая его половина, войдет в историю человечества как эпоха цифровизации. Современные технологии ворвались в нашу жизнь и стали неотъемлемой ее частью. Сегодня уже мало кто представляет свое существование без мобильного телефона и сети «Интернет», без цифрового телевидения и сигнализации, «умной» бытовой техники и конечно без сайта

«Госуслуги». Однако, бытовая цифровизация, – это только вершина того глобального процесса, в который вовлечено современное общество.

В рамках государственного управления, в технологических процессах, на производстве, в экономике и бизнесе, науке и образовании, цифровизация занимает уже гораздо более значительное место чем двадцать – тридцать лет назад. Пройдет еще совсем немного времени и данные процессы выдут за пределы как временных, так и пространственных ограничений.

В данной связи ни у кого не остается сомнений, что цифровизация, как любое общественное явление, тем более такое глобальное, нуждается в правовой регламентации. Сложность данной проблемы заключается в том, что, во-первых, цифровизация как специфический элемент общественных отношений стала формироваться в пределах уже действующего правового поля, которое оказалось не совсем готово к столь стремительному развитию современных технологий, а во-вторых, цифровизация затронула практически все сферы человеческого бытия, что сделало практически невозможным ее регулирование в пределах одной отрасли права.

В данной связи представляется допустимым, по крайней мере на сегодняшний день, предположить, что нормативное правовое регулирование процессов цифровизации возможно представить как комплексный, постоянно совершенствующийся и развивающийся межотраслевой правовой институт.

Термин «цифровизация», несмотря на широчайшее использование в современной жизни, до настоящего времени не имеет конкретного однозначного научного толкования. Многочисленные авторские попытки современных исследователей отличаются либо слишком узким, либо, наоборот всеохватывающим определением [7, 8, 18, 19, 20].

Данное обстоятельство препятствует закреплению как единого одноименного нормативно-закрепленного юридического понятия (дефиниции), так и собственно самого предмета правового регулирования.

Сложность понятийного закрепления исследуемого концепта состоит еще и в том, что изначально данный термин воспринимался исключительно в связке с понятием экономика. Именно понятие «цифровая экономика» и дало старт для развития, а затем и интерпретации данного термина. Появление понятий «цифровое правительство», «цифровое общество», «цифровое государство», вывели этот термин на более высокий – государственный уровень, не сделав его при этом более воспринимаемым.

Так, председатель Конституционного Суда Российской Федерации В. Д. Зорькин отмечает: «в условиях широкомасштабного внедрения новых цифровых технологий в праве происходят значительные изменения, что проявляется, в частности, в трансформации самого предмета правового регулирования» [5].

На нормативном уровне начало правовой регламентации цифровизации было положено Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. №

203 «О Стратегии развития информационного общества Российской Федерации на 2017–2030 гг.» и Национальной программой «Цифровая экономика Российской Федерации», утверждённой Распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. №1632-р [12, 23].

Данные правовые акты предусматривают активизацию работы по разработке и принятию ряда нормативных правовых актов, направленных на снятие барьеров, которые препятствуют развитию цифровой экономики [3, 10, 14, 16].

При этом, справедливости ради, следует отметить, что вопросы применения информационных технологий в государственном управлении были предметом рассмотрения в СССР еще в конце 60-х годов прошлого столетия [11].

Отвечая на вопросы специального корреспондента Журнала «Человек и закон» в 1972 году, директор института кибернетики УССР академик В. М. Глушков констатировал: «Лавина информации продолжает непрерывно расти. Человеческий ум уже не в силах с ней справиться. Образовался некий информационный барьер, преодолеть который человек в силах лишь с помощью кибернетической машины, совершающей миллионы счетных операций в секунду. Но главное сейчас не в быстродействии этих машин, а в том, чтобы обучить их выполнять гораздо сложные задачи, чем математические подсчеты.» [4, с. 61].

Однако несмотря на понимание значимости проблемы, нормативное регулирование данной сферы в СССР практически не осуществлялось.

В Российской Федерации за последние годы был принят целый ряд нормативных актов, нацеленных на формирование электронного государства. На современном этапе правового регулирования как на федеральном, так и на ведомственном и региональном уровне действует комплекс нормативных правовых актов, останавливаясь подробно на каждом из них, в пределах одной статьи нецелесообразно [10, 14-17, 23-26, 28-30].

При этом, несмотря на многообразие форм правового регулирования вопросов цифровизации в российском законодательстве все еще не выработан единый подход, что позволило бы сформировать самостоятельную комплексную отрасль – «цифровое право», хотя попытки уже имеют место быть [38].

В настоящее время нормативное регулирование цифровых технологий едва успевает за насущными проблемами, который в силу объективных причин возникают в той или иной сфере общественных отношений, нуждающихся в дополнительном урегулировании.

Пожалуй самой обсуждаемой и наиболее нуждающейся в нормативном урегулировании в сфере цифровизации является проблема обеспечения, защиты и гарантии прав человека. Конституция Российской Федерации (ст. 2) закрепляет: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» [8].

Нельзя не согласиться, что всеобъемлющее проникновение социальных сетей в частную жизнь, наряду с неготовностью граждан к даже элементарным средствам самозащиты, является на сегодняшний день одной из угроз конституционных прав человека на невмешательство в частную жизнь.

В данной сфере лежит и вопрос определения природы правовых прав человека. Исследования показывают: «на настоящий момент в юридическом сообществе нет единства взглядов относительно понятия, содержания цифровых прав, ...особенностей их реализации и защиты» [19, с. 16].

Конституционалисты справедливо полагают, что «значительная часть конституционных прав человека и гражданина имеет свою цифровую интерпретацию, что на сегодняшний день значительно затрудняет возможность даже сформировать их перечень» [1, с. 64-65].

Большинство авторов отмечают, что цифровизация как объективный, неизбежный процесс трансформирует содержание конституционных норм и принципов, конституционных ценностей [1].

О необходимости конституционно-правового воздействия на цифровизацию высказывается и судья Конституционного Суда РФ Н. С. Бондарь: «...именно конституционное право с уникальными возможностями ...способно оказывать нормативно-ориентирующее воздействие на новое, активно формирующееся информационно-цифровое пространство» [2, с. 27].

Таким образом характеризуя формирование правового поля в рамках нормативного регулирования цифровизации мы в праве указать на одну из важнейших его составляющих – конституционно-правовую, что несомненно и впредь будет оказывать важнейшее воздействие на его дальнейшее формирование. Данный вывод в свою очередь позволяет утверждать, что вопросы обеспечения и защиты прав личности в период глобальной цифровизации общества, позволяют отнести их к, в том числе и к предмету правового регулирования конституционного права [27].

Естественно, что цифровизация ни в коей мере не могла обойти еще одни из самых динамично развивающихся отношений – гражданско-правовые.

Изучение гражданско-правового регулирования оказания услуг с использованием цифровых технологий, позволило законодателю закрепить в Гражданском Кодексе РФ новую категорию – «цифровые права» (ч. 1 ст. 141.1 ГК РФ), кроме того, статья 128 ГК РФ «Объекты гражданских прав» также была дополнена понятием цифровых прав как одного из видов имущественного права [31]. Теперь в силу Закона разрешается осуществление сделки с помощью электронных и иных технических средств, допускается использование любых достоверных способов определения лица, выразившего волю и т.п.

Данные изменения обусловлены тем фактором, что цифровые права являются одной из разновидностей гражданских прав вообще и закрепление в ГК РФ понятия цифровых прав подразумевает

существование так называемых цифровых услуг, что вытекает из широкого понимания понятия «цифровые права» (ст. 141.1 ГК РФ).

Продолжая анализ нормативного регулирования цифровых технологий, нельзя не остановиться на отношениях, в безопасном регулировании которых заинтересован без сомнения каждый член общества. Речь идет о финансово-денежном регулировании. Развитие системы оплаты безналичным путем, нормативное закрепление понятия «цифровые права», включающие денежные требования, появление «цифровой валюты» как совокупности электронных данных (цифрового кода или обозначения), практически вынудило законодателя обратиться к нормативному регулированию данных отношений. Не обошел своим вниманием законодатель и вопросы правового регулирования криптовалюты и цифрового рубля [33, 36].

Еще одна сфера общественных отношений, затрагивающая практически каждого дееспособного члена общества, не осталась без влияния цифровых технологий. В данном случае речь идет о трудовых отношениях.

Цифровые технологии становятся все более привычными, распространяясь на производстве, в сфере услуг, сельском хозяйстве, то есть в областях применения наемного труда. Особое беспокойство у населения вызывает использование в различных сферах производства технологий искусственного интеллекта, что принципиально увеличивает возможности работодателя по оптимизации организации труда и по контролю за выполнением работниками трудовых обязанностей. Системы искусственного интеллекта используются работодателями для координации действий работников, определения их рабочей нагрузки и мониторинга ее выполнения [6].

В данной связи необходимо отметить, что вопроса развития искусственного интеллекта и не только в трудовой сфере, в Российской Федерации уделяется самое пристальное внимание [24].

С целью оказания помощи сторонам трудовых отношений, обеспечения гибкости рынка труда, а также профилактики правонарушений в сфере труда Минтруд создал портал, позволяющий проверить содержание трудового договора на предмет его соответствия нормам ТК РФ, а как планировалось в будущем – с целью дистанционного заключения трудовых договоров в электронной форме через ГИС «Электронный трудовой договор».

Электронная подпись, электронная трудовая книжка, электронный документооборот стали обыденными в рамках трудовых отношений. Действительно, можно утверждать, что нормы ГК РФ уже с 1 октября 2019 года заложили основу для регулирования отношений в рамках цифровой экономики, которые уже сейчас оказывают влияние на реформирование других отраслей права [21, 29, 31].

Развитие информационных (цифровых) технологий, безусловно, является благоприятной тенденцией развития современного общества. Однако, при этом, несомненно, возникает проблема качественного, всеобъемлющего нормативного регулирования появляющихся в связи с цифровизацией возникающих, принципиально новых общественных

отношений и как следствие, вопросы охраны и безопасности субъекта этих отношений выходят на первый план.

Так, статистика утверждает, что только за 2023 год зарегистрировало 677 тыс. IT-преступлений, что стало рекордным уровнем за всё время. Удельный вес дел по таким правонарушениям увеличился с 26,5% до 34,8%. Свыше половины зарегистрированных преступлений с использованием информационных технологий относится к категориям тяжких и особо тяжких. Число преступлений с применением интернета выросло с 381 тыс. до 526,7 тыс. Следом идут преступления, совершённые с использованием средств мобильной связи и пластиковых карт [39].

Уголовное право как охранительная отрасль защищает общественные отношения в сфере информационной безопасности. Цифровые технологии могут расцениваться как способ или средство совершения преступления (например, при мошенничестве с использованием компьютерных технологий ст. 159.3, ст. 159.6 УК РФ). Цифровые технологии коснулись и такого состава преступления, как мошенничество., что потребовало внесения изменений в УК РФ. Кроме того преступлениям в сфере компьютерной информации посвящена самостоятельная глава 28 УК РФ.

Изменения норм материального права не могли не повлечь за собой внедрения цифровых технологий, например, в судопроизводство. Так, с 1 января 2017 года суды общей юрисдикции, помимо исков в бумажном виде, могут принимать иски, поданные в электронном виде. Уже сегодня в судопроизводстве нередкими являются дистанционные допросы свидетелей и иных участников процесса посредством конференцсвязи, многие стороны судебного делопроизводства ведутся в электронной форме.

Все чаще, не только научное, но и судебное сообщество поднимает вопрос об использовании цифровых технологий в судопроизводстве [9].

Возвращаясь к проблеме преступлений с использованием компьютерной техники или технологии, отметим, что процесс расследования данных преступлений также потребовал соответствующей регламентации действий, производимых с электронными носителями и содержащейся на них информации (ст. 82, п. 5 ч. 2, ст. 182, ч. 9.1 и ст. 183, ч. 3.1 УПК РФ) [22].

Примерно с 2013–2015 гг. в уголовном процессе стали применяться СМС-повестки участникам процессуальных действий; кроме того, потерпевшему, с целью повышения эффективности взаимодействия с ним, была вменена в обязанность дача сведений об адресе его электронной почты (ст. 42, ч. 5.1 УПК РФ). Следующий шаг в процессе легализации электронного документооборота в уголовном процессе – введение в 2016 г. понятия «электронный документ», вкуче с регламентацией его применения. Тогда же появляется возможность использования тем или иным лицом так называемой усиленной электронной подписи.

Все это только подтверждает тезис о возрастающей роли права в вопросах нормативного регулирования цифровых технологий в различных сферах.

Продолжая анализ нормативного сопровождения цифровизации нельзя не остановиться на такой важнейшей составляющей, как обеспечение информационной безопасности.

В состав законодательства по обеспечению информационной безопасности включаются федеральные законы, подзаконные нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти, законы и подзаконные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации.

Вот только самый краткий перечень наиболее значимых нормативных правовых актов в области обеспечения информационной безопасности.

Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» – закрепляет правовые основы обеспечения безопасности личности, общества и государства, определяет систему безопасности и ее функции, устанавливает порядок организации и финансирования органов обеспечения безопасности, а также контроля и надзора за законностью их деятельности [34].

Федеральный закон от 27.07.2006 г., № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» – фиксирует базовые нормы для всей системы информационного законодательства, в т.ч. правового обеспечения информационной безопасности [29].

Федеральный закон от 21 июня 1993 № 5485-1 «О государственной тайне», Федеральные законы от 29 июля 2004 № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» и от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» – устанавливают правовые режимы информации ограниченного доступа, в том числе, сведений, составляющих государственную и коммерческую тайну [28, 32, 35].

Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» – содержит нормы, определяющие правовой режим технологического обеспечения защиты информации в системе базовых законов информационного законодательства [37].

Уголовный кодекс РФ, о котором мы уже упоминали, содержит более 50 отдельных статей, устанавливающих уголовную ответственность за нарушение установленных запретов в информационной сфере.

Трудовой кодекс РФ устанавливает правовой режим персональных данных работника, определяет общие требования по их обработке и защите, устанавливает сроки хранения таких данных и процедуру их использования.

КоАП РФ в главе 13 определяет административную ответственность за правонарушения в области связи и информации посвящена отдельная глава (ст. 13.1-13.24).

Имеется также целый массив нормативных правовых актов подзаконного характера, состоящий из большого количества

документов, регулирующих отдельные направления правового обеспечения информационной безопасности [12, 26, 28-30].

Таким образом, констатируем, что обеспечению цифровой безопасности в связи с нарастающими в мире тенденциями киберпреступности и кибератак в правовом контексте уделяется особое внимание.

Обобщая изложенное отметим, что в настоящее время в обществе происходят изменения, связанные с усилением роли цифровых технологий во всех социальных процессах.

Практически каждая сфера жизнедеятельности приобретает свой «цифровой» аналог – отражение в виртуальном пространстве. На данное обстоятельство, в своем Послании Федеральному Собранию в 2024 году, обратил внимание и Президент Российской Федерации Путин В. В., указав, что «в современных условиях повышение эффективности всех сфер производительности труда неразрывно связано с цифровизацией, с использованием технологий искусственного интеллекта» [13].

В условиях развития цифровых технологий право как регулятор общественных отношений не может оставаться в стороне ни от научного прогресса, ни от стремительно меняющихся отношений. Данное заключение в полной мере относится и к юридической науке.

Однако, несмотря на весьма значительный спектр нормативных правовых актов, различного уровня, регулирующих нарастающую и стремительно развивающуюся цифровизацию российского общества, можем со всей очевидностью утверждать, что до настоящего времени в российском правовом поле не выстроена стройная система, позволяющая утверждать о сформированности самостоятельной отрасли – «цифровое право».

Попытки регулировать исследуемые отношения посредством введения новых правовых норм в действующие правовые акты, лишь в краткосрочном периоде позволяют решать все нарастающие проблемы.

При этом, анализ общественных отношений, регулируемых рассмотренными правовыми нормами, позволяет утверждать о едином предмете правового регулирования, непосредственно касающегося цифровизации этих отношений.

Налицо признаки, позволяющие идентифицировать исследуемую группу прав. Среди них такие как, конкретная юридическая проблема, не связанная нормами определённых отраслей права; субъектный состав, на который распространяется правовое регулирование, не ограниченный одной сферой правового регулирования; и наконец, комплексный метод правового регулирования.

Таким образом, констатируем, что на настоящий момент, в российском правовом поле сложился комплексный межотраслевой правовой институт нормативного регулирования цифровизации.

Со всей очевидностью как от законодателя, так и от научного сообщества требуется дальнейшая качественная теоретическая разработка и практическое внедрение соответствующих правовых мер, обеспечивающих становление и развитие цифрового пространства с

охватом всех без исключения сфер функционирования российского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов П. П. Конституционные права и свободы человека в цифровую эпоху / П. П. Баранов // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 2. С. 63-69;
2. Бондарь Н. С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации / Н. С. Бондарь // Журнал российского права, № 11.2019 г. С. 25-43.
3. Ведомственная программа цифровой трансформации Министерства сельского хозяйства Российской Федерации на 2021–2023 гг.: [утв. президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 7 октября 2021 г. № 34. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.11.2024);
4. Глушков М. М. «Электронный судья» – реальность или вымысел? / М. М. Глушков // Человек и закон, 1972. № 1. С. 60-69;
5. Зорькин В. Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского юридического форума / В. Д. Зорькин // Российская газета – Столичный выпуск. № 115 (7578). 29.05.2018.
6. Исследование по вопросу о целесообразности создания механизма для сертификации инструментов и услуг на основе технологий искусственного интеллекта // – URL: <https://rm.coe.int/> (дата обращения: 20.11.2024);
7. Кондратьева, М.Н. Цифровизация: исследование основных терминов // М.Н. Кондратьева, А.В. Комахина // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2022. № 3 (165). – URL: <https://ekam-journal.com/> (дата обращения: 23.11.2024).
8. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // <https://base.garant.ru/> (дата обращения: 23.11.2024).
9. Момотов В. В. Электронное правосудие в Российской Федерации: миф или реальность / В. В. Момотов // Российская юстиция, 2021. № 7. С. 2-9;
10. Перечень поручений по вопросам реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденный Президентом РФ 28.02.2019 № Пр-300. URL: <http://www.kremlin.ru/> (дата обращения: 21.11.2024);
11. Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 08.10.1970 № 849-291 «О мерах по совершенствованию управления в народном хозяйстве на основе широкого использования средств вычислительной техники» // – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.11.2024).
12. Приказ ФСО России от 07.08.2009 № 487 об утверждении Положения о сегменте информационно-телекоммуникационной сети

Интернет для федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации // – URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 21.11.2024);

13. Путин В. В. Послание Федеральному Собранию 2024 год // – URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 21.11.2024);

14. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2021 г. № 3971-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации отраслей агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 г.» // – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 21.11.2024);;

15. Распоряжение Правительства РФ от 06.05.2008 № 632-р О Концепции формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 года : // Собрание законодательства РФ. 2008. № 20. Ст. 2372; 2009. № 12. Ст. 1429;

16. Распоряжение Правительства РФ от 1 ноября 2013 г. № 2036-р «Стратегия развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 годы и на перспективу до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 46. Ст. 5954;

17. Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. №1632-р Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» // <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 23.11.2024).

18. Соленая О. А. Проблема представления термина «цифровизация»: отечественный и зарубежный опыт / О. А. Соленая, А.А. Яковлева // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Культура и природа политической власти: теория и практика». Екатеринбург: УрГПУ, 2023. – С. 289-293.

19. Трансформация и цифровизация правового регулирования общественных отношений в современных реалиях и условиях пандемии: коллективная монография / Под ред. И. В. Воронцовой. – Казань: Отечество, 2020. – 415 с.

20. Трансформация права в цифровую эпоху: монография / Министерство науки и высшего образования РФ, Алтайский государственный университет // под ред. А. А. Васильева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. – 432 с.;

21. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 7 января 2002 г. № 1 (часть I) ст. 3;

22. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 24 декабря 2001 г. № 52 (часть I) ст. 4921;

23. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2901;

24. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 21.11.2024);

25. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 года № 490 «Национальная Стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» // – URL: <https://docs.cntd.ru/> (дата обращения: 20.11.2024);

26. Указ Президента РФ от 17 марта 2008 г. № 351 «О мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации при использовании информационно-телекоммуникационных сетей международного информационного обмена» // – URL: <https://docs.cntd.ru/> (дата обращения: 20.11.2024);

27. Федеральная целевая программа «Электронная Россия: достижения, проблемы, перспективы» 2003 г. // – Москва: Библиотечка РГ, 2003. – 208 с.;

28. Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3451.

29. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ст. 5) // – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.11.2024);

30. Федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 258-ФЗ // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 21.11.2024);

31. Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2019. № 12. Ст. 1224;

32. Федеральный закон от 21 июня 1993 № 5485-1 «О государственной тайне» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации" от 21 сентября 1993 г. N 38 ст. 1480;

33. Федеральный закон от 24.07.2023 № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 31 июля 2023 г. № 31 ст. 5766;

34. Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 января 2011 г. № 1 ст. 2;

35. Федеральный закон от 29 июля 2004 № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации от 21 сентября 1993 г. № 38 ст. 1480;

36. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 августа 2020 г. № 31 (часть I) ст. 5018;

37. Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» // Собрание законодательства Российской Федерации от 11 апреля 2011 г. № 15 ст. 2036;

38. Цифровое право. Общая часть: учебное пособие / В. Э. Волков. – Самара: Издательство Самарского университета, 2022. – 111 с;

39. Электронный ресурс // – URL: <https://iz.ru/1654427/2024-02-22/v-rossii-za-god-soversheno-pochti-680-tys-it-prestuplenii> (дата обращения: 20.11.2024).

REGULATORY REGULATION OF DIGITALIZATION AS A COMPREHENSIVE LEGAL INSTITUTION

Kochetova S.M.

The variety of public relations related to the field of intensively developing digital technologies suddenly turned out to be outside of a sufficiently high-quality regulatory legal regulation that meets the realities of today. The attempts of the legislator to solve problems by making additions and amendments to the current legislation make it possible to solve emerging problems only in the short term. Considering the entire range of public relations that have been influenced by the digitalization of modern society, it is possible and necessary to talk about the formation of a new industry in the future – digital law. At the same time, at the moment, the author, highlighting a single subject of legal regulation, considers it within the framework of an integrated intersectoral legal institution.

Keywords: digitalization, digital society, digital environment, computer technologies, subject of legal regulation, legislation, digital law, legal relations, information security, legal responsibility.

УДК 34.342.15

НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ТЕРРИТОРИИ КАК ЭЛЕМЕНТ КОНСТИТУЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА (ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ)

Кудинов Владимир Владимирович

Доктор юридических наук, доцент, член-корреспондент
Академии военных наук, профессор кафедры организации
судебной и прокурорско-следственной деятельности
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина
Москва, Россия
E-mail: kudinov45@mail.ru

Статья посвящена актуальным вопросам подготовки правовых актов в сфере обеспечения неприкосновенности территории Российской Федерации. На основе анализа нормативных правовых актов нашего государства с 1917 года по настоящее время показано использование терминов «территория», «государственная территория», «неприкосновенность» и «неприкосновенность территории» в законодательстве России. Обосновано, что обеспечение «неприкосновенности территории» России является обязанностью Президента России и заключается в организации деятельности определенных государственных органов власти и органов военного управления для защиты нашего государства и обеспечения неприкосновенности его территории. С учетом современной международной обстановки эта деятельность имеет особое значение для обеспечения суверенитета и защиты целостности нашего государства.

Ключевые слова: Президент России, агрессия, война, безопасность государства, безопасность, органы военного управления, территория, государственная территория, неприкосновенность, неприкосновенность территории, военный округ.

Основной закон нашего государства – Конституция России, принятый в 1993 году, впервые закрепил систему ценностей, определяющих развитие общественных отношений в интересах совершенствования правовой системы в сфере обеспечения безопасности государства.

Как отметил Президент России, «сегодня, когда наша Родина отстаивает свой суверенитет и безопасность, защищает жизнь соотечественников на Донбассе и в Новороссии, решающая роль в этой праведной борьбе принадлежит именно нашим гражданам, нашей сплочённости, преданности родной стране, ответственности за её судьбу. Так называемый Запад с его колониальными повадками, привычкой разжигать по всему миру национальные конфликты стремится не просто сдержать наше развитие – вместо России им нужно зависимое, угасающее, вымирающее пространство, где можно творить всё что угодно» [7].

В настоящее время территория нашего государства подвергается воздушным, морским и наземным атакам со стороны сопредельного государства, поддерживаемого США и НАТО, а с 6 августа 2024 года часть Курской области захвачена вооружёнными формированиями Украины. С началом специальной военной операции ярко проявились истинные цели государств, ранее являвшихся для нашей страны «партнёрами» (а теперь «недружественные государства» [6]), не только в отношении субъектов, вошедших в состав нашего государства в 2014 и 2022 годах, но в отношении территории Российского государства с 1990 года.

Поэтому интерес к проблеме правового регулирования и обеспечения неприкосновенности территории государства, несомненно, актуален как никогда, так как ценностная ориентация государственных структур и всего общества на самом высоком юридическом уровне влияет на их деятельность, мотивирует интересы и поведение [25].

Традиционно государство анализируется преимущественно с позиции его признаков, которые представляют собой качественные характеристики, отличающие его от иных политико-правовых образований. Данные признаки раскрывают внутреннее содержание государства, поскольку указывают на его обязательные составляющие такие как, единство населения, территории и суверенной публичной власти над ними [26].

По мнению некоторых исследователей, к наиболее значимым (системообразующим) для государства конституционным ценностям следует относить государственный суверенитет и территориальную целостность [20], гарантией которых является, по нашему мнению, обеспечение неприкосновенности территории. Аналогичным образом государство рассматривали некоторые отечественные юристы. В частности, профессор Н.А. Ушаков пишет: «издавна считали, что государство образуют три основных компонента: территория (государственная территория), население, проживающее на этой территории, и публичная (государственная) власть» [27]. По мнению Е.Г. Ляхова, «государство – это особый элемент гражданского общества,

образование, характеризующееся такими абстракциями – основными признаками (свойствами), элементами как территория, население, публичные органы власти, управления и суда, правовая и налоговая системы, и обобщающий признак – политико-правовое свойство государства – суверенитет» [24].

«Современное государство, – писал Ф. Ф. Кокошкин, – в отличие от патримониального, есть юридическая личность, коллективный субъект права. Материальным субстратом этого идеального субъекта являются люди, но люди не как абстрактные лица, а как население известной территории; круг лиц, входящих в состав государства, тем именно прежде всего и определяется, что они живут оседло на известной территории. Таким образом, территория вместе с людьми и через посредство их делается составным элементом государства. Будучи, таким образом, неотделима от государства, территория не может служить объектом права государства и предметом свободного распоряжения со стороны государственной власти. В государственном праве современных культурных народов признается как общее правило, что государственная территория неделима и неотчуждаема» [21].

По мнению О.Е. Кутафина, «применительно к территории неприкосновенность выступает в качестве гарантии ее целостности и суверенитета государства. Неприкосновенность территории несовместима с действиями, направленными на поддержку и использование сепаратизма против территориальной целостности государства, на захват территории с применением силы, оккупацию территории другого государства, на создание и деятельность организаций, групп, а также поощрение действий отдельных лиц, представляющих угрозу территориальной целостности государства» [22].

Советское право рассматривает «территорию советского государства» как государственную социалистическую собственность, материальную базу социалистического строительства и, вместе с тем, как пространственное основание осуществления суверенитета СССР союзных республик. Защита советской территории от посягательств извне – одна из важнейших функций социалистического советского государства [8]. Однако некоторыми учеными было высказано другое мнение. Так, Б.М. Клименко полагает, что государственная территория не входит в понятие государства как субъекта международного права, ибо принадлежность субъекта не следует отождествлять с самим субъектом [23].

Авторами Большой советской энциклопедии 1930 года понятие государственной территории понималось как предел, в котором осуществляется государственная власть. При этом «территория» определялась, как пространство, в пределах которого осуществляется государственная власть, различная по своей организации и по своим задачам от власти в буржуазном государстве [9]. В 1946 году в Большой советской энциклопедии отмечалось, что «территория в международном и государственном праве, во-первых, это часть земного шара, подвластная государству или союзу государств; во-вторых, это

пространство, в пределах которого государство осуществляет свой суверенитет, где господствующий в государстве класс осуществляет свою государственную власть, распоряжаясь, в частности, и самой территорией» [10].

В Большом толковом словаре русского языка государственная территория определяется как территория страны, республики [11], а в толковом словаре русского языка С.И. Ожегова – как земельное пространство с определенными границами. При этом неприкосновенность (неприкосновенный) – это сохраняемый в целостности, защищенный от всякого посягательства со стороны кого-нибудь [12].

В Юридической энциклопедии отмечается, что государственная территория – это часть земного шара, находящаяся под суверенитетом определенного государства. Составными частями государственной территории являются сухопутные, водные и воздушное пространство, а также приравненные к ней объекты [13].

Попробуем определить момент появления в правовых актах нашего государства, начиная с 1917 года, терминов «территория», «неприкосновенность территории», «государственная территория» и их дальнейшее использование в правовом регулировании.

В Конституции РСФСР 1918 года к ведению Всероссийского съезда Советов и Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов были отнесены все вопросы общегосударственного значения, в том числе установление и изменение границ, а равно отчуждение частей территории Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (далее РСФСР) или принадлежащих ей прав; принятие в состав РСФСР новых сочленов Советской Республики и признание выхода из Российской Федерации отдельных частей ее [14].

В Конституции СССР 1924 года отмечается, что ведению СССР, в лице его верховных органов, подлежит изменение внешних границ Союза, а также урегулирование вопросов об изменении границ между союзными республиками [15].

В 1937 году Конституция СССР закрепляла положение, что территория союзных республик не может быть изменяема без их согласия.

Принятая в октябре 1977 года Конституция СССР закрепила, что в целях защиты социалистических завоеваний, мирного труда советского народа, суверенитета и территориальной целостности государства в Советском Союзе созданы Вооруженные Силы СССР и установлена всеобщая воинская обязанность. Долг Вооруженных Сил СССР перед народом надежно защищать социалистическое Отечество, быть в постоянной боевой готовности, гарантирующей немедленный отпор любому агрессору [16]. К ведению СССР в лице его высших органов государственной власти и управления подлежали вопросы мира и войны, защита суверенитета, охрана государственных границ и территории СССР, организация обороны, руководство Вооруженными Силами СССР; обеспечение государственной безопасности. Закреплялось, что территория СССР едина и включает территории союзных республик. Суверенитет СССР распространяется на всю его

территорию. При этом Президент СССР должен был принимать необходимые меры по охране суверенитета Союза ССР и союзных республик, безопасности и территориальной целостности страны, по реализации принципов национально-государственного устройства СССР [16].

Таким образом в основном законе государства и других правовых актах этого исторического периода используются термины «территория» и «территориальная целостность», «государственная территория», «территория государства». На высшие органы государственной власти и Вооруженные Силы СССР были возложены вопросы охраны и защиты территории государства.

С 1990 года начинается новый этап развития правового регулирования в сфере обеспечения неприкосновенности территории нашего государства. Декларация о государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 12 июня 1990 г. провозгласила государственный суверенитет РСФСР на всей ее территории.

А Конституция России 1993 года, по мнению многих исследователей, впервые закрепила, что государство обеспечивает целостность и неприкосновенность своей территории [19].

Так, по мнению С.А. Комарова, данный принцип, провозглашающий целостность и неприкосновенность территории России, является одним из основных в области безопасности государства Российского [17].

С.А. Авакьян отмечает, что «территория Российской Федерации включает в себя территории ее субъектов, внутренние воды и территориальное море, воздушное пространство над ними. Российская Федерация обладает суверенными правами и осуществляет юрисдикцию на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне Российской Федерации в порядке, определяемом федеральным законом и нормами международного права.

Территориальное верховенство имеет два аспекта: внешний и внутренний. Внешнеполитический аспект состоит в том, что никто извне не может распоряжаться территорией России, проводить какие-либо ее изменения – отделение, присоединение, переустройство и т.д. Российская Федерация обеспечивает целостность и неприкосновенность своей территории [19]. При этом некоторые исследователи считают, что «целостность и неприкосновенность территории можно рассматривать и как целостность и неприкосновенность государственных границ» [18].

Многие исследователи связывали государственную территорию с суверенитетом государства. Так, по мнению Н. А. Ушакова, «государство – особая организация по управлению делами существующего на определенной территории человеческого общества, обладающая специфическим свойством суверенитета». Исходя из этого, он дает следующее определение государственной территории: «Государственная территория – это земное пространство, находящееся под суверенитетом данного государства. Соответственно, негосударственная территория – земное пространство, не находящееся

под суверенитетом какого-либо государства» [27]. О.Е. Кутафина справедливо считал, что «неприкосновенность территории государства – это ее защищенность от любых попыток ее захвата со стороны иностранных государств. неприкосновенность территории государства обеспечивается государством путем реализации его внешних функций» [22].

В документах стратегического планирования вопросы обеспечения неприкосновенности территории нашего государства впервые были отражены в Военной доктрине Российской Федерации в которой было определено, что одной из основных задач Вооруженных Сил Российской Федерации (далее – Вооруженные Силы), других войск и органов в мирное время является защита суверенитета, территориальной целостности и неприкосновенности ее территории Российской Федерации.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2021 года отмечалось, что для подготовки к вооруженной защите и вооруженной защиты Российской Федерации, целостности и неприкосновенности ее территории организуется оборона страны [4]. Ранее в концепциях и стратегиях были отражены вопросы обеспечения лишь территориальной целостности нашего государства.

Конституция России 1993 года закрепила, что Российская Федерация (далее – Россия, Федерация) обеспечивает целостность и неприкосновенность своей территории [1].

В принятом в 1996 году Федеральном законе от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» (далее – Федеральный закон «Об обороне») под обороной «понимается система политических, экономических, военных, социальных, правовых и иных мер по подготовке к вооруженной защите и вооруженная защита Российской Федерации, целостности и неприкосновенности ее территории» [2].

Как следует из Федерального закона «Об обороне», Вооруженные Силы, как государственная военная организация, составляющая основу обороны страны, предназначены для вооруженной защиты целостности и неприкосновенности территории Российской Федерации, а также для выполнения задач в соответствии с федеральными конституционными законами, федеральными законами и международными договорами Российской Федерации. Верховным Главнокомандующим Вооруженных Сил является Президент России.

В случае вооруженного нападения на Российскую Федерацию другого государства Президент России вправе объявить состояние войны или ввести военное положение в соответствии с порядком, определенным Конституцией Российской Федерации и федеральным конституционным законом. В соответствии с частью 2 статьи 87 Конституции России основанием для введения Президентом России военного положения на территории страны или в отдельных ее местностях является агрессия против Российской Федерации.

Как следует из положений Федерального конституционного закона от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» (далее ФКЗ «О военном положении») агрессией против Российской Федерации

независимо от объявления иностранным государством (группой государств) войны Российской Федерации признаются: вторжение или нападение вооруженных сил иностранного государства (группы государств) на территорию России; любая военная оккупация территории нашей страны, являющаяся результатом такого вторжения или нападения; аннексия территории Российской Федерации или ее части с применением вооруженной силы; бомбардировка вооруженными силами иностранного государства (группы государств) территории России или применение любого оружия иностранным государством (группой государств) против нашего государства; блокада портов или берегов Российской Федерации вооруженными силами иностранного государства (группы государств); нападение вооруженных сил иностранного государства (группы государств) на Вооруженные Силы или другие войска независимо от места их дислокации; действия иностранного государства (группы государств), позволяющего (позволяющих) использовать свою территорию другому государству (группе государств) для совершения акта агрессии против нашей страны; засылка иностранным государством (группой государств) или от имени иностранного государства (группы государств) вооруженных банд, групп, иррегулярных сил или наемников, которые осуществляют акты применения вооруженной силы против Российской Федерации, равносильные указанным актам агрессии [5].

Агрессией против Российской Федерации могут признаваться также другие акты применения вооруженной силы иностранным государством (группой государств) против суверенитета, политической независимости и территориальной целостности Российской Федерации или каким-либо иным образом, несовместимым с Уставом ООН, равносильные указанным в Федеральном конституционном законе «О военном положении» актам агрессии.

Для осуществления мер по подготовке к вооруженной защите и для вооруженной защиты целостности и неприкосновенности территории нашего государства в установленных границах ответственности образованы Военные округа Вооруженных Сил Российской Федерации (далее – военный округ), которые являются основной военно-административной единицей Российской Федерации, межвидовым стратегическим территориальным объединением Вооруженных Сил [5]. Основными задачами военного округа являются: прогнозирование и оценка военных угроз Российской Федерации в границах ответственности округа; подготовка предложений по формированию и проведению государственной политики в области обороны; обеспечение военной безопасности, защита целостности и неприкосновенности территории Российской Федерации в границах ответственности военного округа и др.

Таким образом с 1993 года по настоящее время в концептуальных документах, Конституции России и других правовых актах периода используются термины «территория», «территориальная целостность» и впервые – «неприкосновенность территории».

Прошедшая в нашем государстве конституционная реформа 2020 года усилила нормы Основного закона в сфере «укрепления государственно-территориальной целостности России и ее суверенной неприкосновенности» [19] и, как отмечает С.А. Авакьян, была направлена на укрепление конституционно-правового статуса нашей страны с учетом современных условий.

Таким образом, термин «неприкосновенность территории» применяется в правовом регулировании с 1993 года, и с учетом современной международной обстановки имеет особое значение в сфере обеспечения безопасности нашего государства и неразрывно связан конституционными ценностями – государственный суверенитет и территориальная целостность. Для защиты целостности и неприкосновенности территории нашего государства Президенту России, как Верховному Главнокомандующему Вооруженными Силами, предоставлено право объявить состояние войны, ввести военное положение и отдать приказ о ведении военных действий, с незамедлительным сообщением об этом Совету Федерации Российской Федерации и Государственной Думе Российской Федерации. Территория Российской Федерации нуждается в особой правовой охране от вооруженного нападения или агрессии иностранного государства (группы государств) независимо от объявления войны. Для вооруженной защиты целостности и неприкосновенности территории России предназначены Вооруженные Силы Российской Федерации. Президент России, как глава государства, обязан организовать деятельность определенных государственных органов власти и органов военного управления для защиты нашего государства и обеспечения неприкосновенности его территории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации // «Российской газета» от 25 декабря 1993 г. № 237 (первоначальный текст).
2. Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 июня 1996 г. № 23 ст. 2750.
3. Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» // Собрание законодательства Российской Федерации от 4 февраля 2002 г. № 5 ст. 375.
4. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 июля 2021 г. № 27 (часть II) ст. 5351.
5. Указ Президента РФ от 19 апреля 2017 г. № 177 «Об утверждении Положения о военном округе Вооруженных Сил Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 24 апреля 2017 г. № 17 ст. 2547.
6. Распоряжение Правительства РФ от 5 марта 2022 г. № 430-р // Собрание законодательства Российской Федерации от 14 марта 2022г. №

11 ст. 1748.

7. Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 29 февраля 2024 г. // Российская газета, 1 марта 2024 г. № 46.

8. Большая советская энциклопедия / гл. ред О.Ю. Шмидт, ГНИ «Советская энциклопедия», Москва, ОГИЗ СССР, 1946. – Том 54, С. 178-179.

9. Большая советская энциклопедия / гл. ред О.Ю. Шмидт, АО «Советская энциклопедия», Москва, ОГИЗ СССР, 1930. – Том 18, С. 358.

10. Большая советская энциклопедия / гл. ред О.Ю. Шмидт, ГНИ «Советская энциклопедия», Москва, ОГИЗ СССР, 1946. – Том 54, С. 178-179.

11. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов, – СПб.: «Норинт», 1998. – 1535 с. С. 1320

12. Толковый словарь русского языка: Ок. 100000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; под ред. Проф. Л.И. Скворцова. – 27-е изд., испр.- М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2014.-736 с. С. 636.

13. Юридическая энциклопедия / Под ред. М.Ю. Тихомирова. М., 1999. С. 93.

14. Конституция РСФСР 1918 г. // Декреты Советской власти – 1959. – Т. II – С. 550 – 564.

15. Конституция СССР 1924 г. // СЗ СССР, 1927, № 15, ст. 162.

16. Конституция СССР 1977 г. // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617

17. Комментарий к Конституции Российской Федерации (коллектив авторов; под редакцией д.ю.н. С.А. Комарова; издание пятое, перераб. И доп.). – «Издательство ЮРАЙТ», 2023 Г.

18. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный): с учетом изменений, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года (коллектив авторов; с обращением к читателям Президента Российской Федерации В.В. Путина; под ред. академика РАН Т.Я. Хабриевой). – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2021. – 368 с.

19. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО РОССИИ. УЧЕБНЫЙ КУРС (АВАКЬЯН С.А.) (УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ В ДВУХ ТОМАХ, ТОМ ПЕРВЫЙ; ИЗДАНИЕ СЕДЬМОЕ, ПЕРЕРАБ. И ДОП.). – «НОРМА: ИНФРА-М», 2021 Г.

20. Бурла В.М. «Конституционные ценности» как научная категория: проблемы дефиниции, формализации, систематизации // Актуальные проблемы российского права, № 3, май 2024 г., С. 11-26.

21. Кокошкин Ф. Ф. Лекции по общему государственному праву. М., 1912. С. 184–185.

22. Кутафин О. Е. «Неприкосновенность в конституционном праве Российской Федерации. Монография» / О. Е. Кутафин – «Проспект», избранные труды в 7 томах, том 4, 2014. С. 8-9.

23. Клименко Б. М. Государственная территория. Вопросы теории и практики международного права. М., 1974. С. 160.

24. Ляхов Е.Г., Ляхов Д.Е., Алимов А.А. Безопасность государства и Мирового сообщества: теоретико-правовая формула обеспечения в XXI веке. Монография (с элементами учебного пособия). – Челябинск: Цицеро, 2015. – 302 с.

25. Нарутко С.В. Семья как конституционная ценность // Актуальные проблемы российского права, № 5, май 2017 г., С. 21-30.

26. Радько Т.Н. Теория государства и права: хрестоматия / под общ. ред. И.И. Лизиковой. М.: Академический Проект, 2005. С. 373-374.

27. Ушаков Н.А. Государство в системе международно-правового регулирования. М.: Академический правовой университет при Институте государства и права РАН. 1997. С. 14.

INVIOIABILITY OF THE TERRITORY AS AN ELEMENT OF THE CONSTITUTIONAL VALUES OF THE RUSSIAN STATE (PECULIARITIES OF LEGAL REGULATION)

Kudinov V.V.

The article is devoted to topical issues of preparation of legal acts in the field of ensuring the inviolability of the territory of the Russian Federation. Based on the analysis of normative legal acts of our state from 1917 to the present, the use of the terms "territory", "state territory", "inviolability" and "inviolability of territory" in Russian legislation is shown. It is proved that ensuring the "inviolability of the territory" of Russia is the responsibility of the President of Russia and consists in organizing the activities of certain state authorities and military authorities to protect our state and ensure the inviolability of its territory. Given the current international situation, this activity is of particular importance for ensuring the sovereignty and protecting the integrity of our State.

Keywords: president of Russia, aggression, war, state security, security, military authorities, territory, state territory, inviolability, inviolability of territory, military district.

УДК 341.01

О МЕРАХ ПО ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ И УРЕГУЛИРОВАНИЮ КОНФЛИКТОВ СРЕДИ ДИАСПОР НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ

Кухарев Юрий Станиславович

Старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»,
Курск, Россия

E-mail: yurij.kuharev@yandex.ru

SPIN-код 9832-0148

Степурина Анна Дмитриевна

Студент,
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Юго-Западный государственный университет»,
Курск, Россия,

E-mail: aniiiissks@yandex.ru

Слепинина Маргарита Георгиевна

Студент,
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Юго-Западный государственный университет»,
Курск, Россия

E-mail: s2margarita2@gmail.com

В данной статье рассматриваются правовые меры, направленные на предотвращение и урегулирование конфликтов среди диаспор, проживающих на территории Российской Федерации. Проводится детальный анализ действующего законодательства, которое регулирует межэтнические отношения и особенности взаимодействия культурных сообществ и национальных меньшинств. Особое внимание уделяется механизмам медиации и переговорных процессов как эффективным инструментам разрешения споров, а также роли государственных

органов и институтов в обеспечении правопорядка, охране общественной безопасности и защите прав национальных меньшинств. Предлагаются обоснованные рекомендации по совершенствованию нормативно-правовой базы и практики применения законодательных актов с целью укрепления межнационального согласия, гармонизации общественных отношений и предотвращения социальных конфликтов на межэтнической основе в Российской Федерации как многонациональном государстве.

Ключевые слова: диаспоры, межэтнические конфликты, правовое регулирование, предотвращение конфликтов, урегулирование, Российская Федерация, медиация, национальные меньшинства, государственное управление, законодательство.

В условиях многонациональной структуры Российской Федерации, обладающей сложной этнической композицией и многообразием диаспор, остро встаёт вопрос об эффективном регулировании и профилактике межэтнических конфликтов, обусловленных процессами глобализации и социально-экономическими переменами. В соответствии с данным РИА Новости и результатами исследований Института этнологии и антропологии РАН [1], в последние годы наблюдается увеличение числа локальных конфликтных ситуаций между различными этническими сообществами, что диктует необходимость разработки оперативных и правомерных мер вмешательства, направленных на сохранение социальной стабильности и обеспечение безопасности.

Исследователи обращают особое внимание на конфликты между представителями различных национальностей в многонациональных административно-государственных образованиях [2]. Данные противоречия нередко наблюдаются между представителями наиболее многочисленной нации и национальными меньшинствами, а также между титульной нацией и прочими этническими группами. Эти конфликты, обладая исторической предопределённостью и значительной продолжительностью, представляют собой серьёзную угрозу для сохранения государственно-политической стабильности в многонациональных регионах.

Важную роль в данных противоречиях играет так называемый «русский фактор», учитывая, что русские часто выступают связующей силой в межэтнических отношениях [4, с. 172].

В Карачаево-Черкесии этнические движения используют в политических целях. Достаточно вспомнить сентябрь 2017 года, когда в республике синхронно прошли два «чрезвычайных съезда черкесского народа. Один был проведен в драмтеатре Черкесска общественной организацией «Адыга Хасэ»: на нем требовали отзыва представителя Карачаево-Черкесии Рауфа Арашукова из Совета Федерации. Одновременно в Хабезе – родовом ауле клана Арашуковых – прошел другой съезд, который был организован Советом старейшин черкесского

народа: он который всецело поддержал действующего сенатора. Ведь призывы к этническому размежеванию звучат и в других регионах Северного Кавказа. Так, в сентябре межэтнические столкновения произошли в Кабардино-Балкарии – в балкарских селах Заюково и Кёнденен. Результатом стала отставка главы региона Юрия Кокова [3].

Спустя месяц Кавказская казачья линия (объединение нереестровых казаков, в которое входят, по оценкам его руководства, порядка 1600 человек – многие из них ветераны обеих Чеченских войн) и «Гражданский форум Ставрополья» потребовали вернуть в состав Ставропольского края два чеченских района – Наурский и Шелковской. А это, между прочим, два крупнейших района общей площадью более 5 тысяч кв.м, или треть всей территории республики.

В общем, похоже, Кремлю нужно присылать не просто рядового представителя в одну Карачаево-Черкесию, а целую комиссию с турне по всему Северному Кавказу.

Продолжающийся отток русского населения и сопровождающийся процесс дерусификации этнической структуры округа подрывают стабильность межнациональных связей и требуют разработки новых стратегий взаимодействия.

Таким образом, многослойность межэтнических конфликтов в многообразных республиках России, выражающаяся в сложных взаимодействиях между диаспорами, подчёркивает необходимость более глубокого анализа диаспоральной составляющей и её значимости в поддержании государственной целостности и социального мира. Решение данных проблем требует не только учёта исторически сложившихся межэтнических взаимодействий, но и разработки законодательных мер, направленных на улучшение коммуникации и взаимопонимания среди различных этнических сообществ.

Настоящая статья приурочена к формированию целостной правовой структуры, нацеленной на предупреждение и урегулирование междиаспорных конфликтов на территории Российской Федерации. Вопреки тому, что вопросы этноконфликтологии частично регулируются посредством действующего законодательства [5, с. 41], включая конституционные нормы, акты о правах человека и федеральные антиксенофобские программы, остаётся актуальная потребность в дополнении данной нормативной базы механизмами, эффективно действующими на уровне диаспорных отношений.

Актуализация данного вопроса определяется его значимостью для поддержания национальной безопасности и социальной гармонии, что находит своё отражение в трудах ведущих специалистов в области этносоциологии и конфликтологического разрешения.

Целью статьи является создание интегрированной системы правового регулирования, ориентированной на системную превенцию межэтнического напряжения и обеспечение его скорейшего и справедливого разрешения.

Проведя анализ научной литературы, мы выделили следующие основные проблемы.

Отсутствие специализированных законодательных актов, регламентирующих деятельность диаспор и механизмов взаимодействия между ними и государственными органами, приводит к пробелам в правовом поле. Это затрудняет эффективное предотвращение и урегулирование межэтнических конфликтов, создавая предпосылки для их возникновения и развития [6, с. 91].

Кроме того, отсутствие эффективных программ по социальной и культурной адаптации мигрантов и представителей диаспор приводит к изоляции этнических групп. Это способствует формированию замкнутых сообществ, что усложняет процесс интеграции и усиливает межэтническое напряжение [7, с. 174].

Также, распространение негативных стереотипов и предубеждений в отношении определенных этнических групп, зачастую подкрепляемых средствами массовой информации, усиливает недоверие и способствует эскалации конфликтов. Недостаток объективной информации о культурах и традициях различных диаспор усугубляет проблему [8, с. 183].

Помимо этого, низкий уровень жизни, безработица и конкуренция за ресурсы создают благодатную почву для возникновения конфликтов на этнической почве [9, с. 21]. Социальная незащищенность отдельных групп населения может быть использована для разжигания межнациональной розни [10, с. 43].

Для решения вышеперечисленных проблем мы предлагаем следующие пути.

Во-первых, первоначальные меры заключаются в разработке понятийно-категориального аппарата данной области:

- Диаспора определяется как совокупность людей, принадлежащих к определенной этнической или национальной группе, которые проживают вне границ своей исторической родины, сохраняя при этом коллективную идентичность. Юридически, феномен диаспоры охватывает аспекты международного права, права гражданства и защиты культурных меньшинств, а также включает поддержание институциональных связей с государством происхождения и между членами диаспоры в принимающих странах.

- Межэтнический конфликт представляет собой комплекс социально-политических и правовых отношений, возникающих между различными этническими группами, который может обостряться вследствие несовпадения интересов данных групп, культурных и языковых различий, а также конкуренции за ограниченные ресурсы. Такие конфликты регулируются принципами международного права о правах человека, национальными законодательными актами о предотвращении дискриминации и обеспечении равноправия, а также подразумевают использование медиации и иных правовых механизмов для их разрешения.

- Институциональный диалог – это процесс официального взаимодействия, осуществляемый между различными государственными и негосударственными учреждениями и организациями, направленный на достижение консенсуса по вопросам,

представляющим общественный интерес. Это взаимодействие осуществляется в рамках правовых норм и институциональных процедур, предполагающих документирование хода и результатов таких переговоров, с целью выработки согласованных и юридически обоснованных решений.

Во-вторых, необходимо осуществить распределение полномочий между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления в области предотвращения и урегулирования межэтнических конфликтов. Субъекты обязуются разрабатывать и реализовывать комплексные программы и мероприятия, направленные на достижение целей настоящего закона.

В-третьих, разработка и принятие специализированных нормативно-правовых актов, регулирующих статус диаспор, их права и обязанности, а также механизмы взаимодействия с государственными органами. Это позволит устранить правовые пробелы и создаст основу для эффективного урегулирования межэтнических отношений. Внесение изменений в Федеральный закон «О национальной культурной автономии» и другие смежные акты может способствовать усилению правовых гарантий для диаспор.

Государство должно инициировать и поддерживать программы социальной, культурной и экономической интеграции представителей диаспор. Это включает обучение русскому языку, ознакомление с законодательством РФ, содействие трудоустройству и предпринимательской деятельности. Создание центров адаптации и интеграции поможет обеспечить равные возможности и снизит уровень социальной напряженности.

Необходимо проводить просветительскую работу, направленную на повышение уровня межкультурной компетенции населения. Включение в образовательные программы материалов о культурном многообразии России, проведение межэтнических фестивалей и мероприятий способствуют формированию толерантного отношения и взаимопонимания. Средства массовой информации должны соблюдать принципы этики и ответственности при освещении тем, связанных с диаспорами.

Реализация целевых программ по развитию регионов с высоким уровнем межэтнического напряжения, создание рабочих мест, повышение доступности социальных услуг. Это позволит снизить уровень социальной напряженности и предотвратить использование социально-экономических проблем в качестве катализатора конфликтов.

Итак, в целях долгосрочного укрепления межнационального согласия важно проводить систематический мониторинг межэтнических отношений и оперативно реагировать на возникающие проблемы. Совместные усилия государства, гражданского общества и диаспор позволят создать условия для гармоничного сосуществования всех народов, проживающих на территории Российской Федерации. Реализация указанных мер будет способствовать не только

предотвращению и урегулированию конфликтов среди диаспор, но и укреплению единства российской нации, основанного на принципах уважения, толерантности и взаимопонимания.

ЛИТЕРАТУРА

1. В России зафиксирован рост межэтнических конфликтов. URL: <https://ria.ru/20211025/konflikty-1756125644.html> (дата обращения: 11.11.2024)
2. Амелин В. Вызовы мобилизованной этничности. Конфликты в истории советской и постсоветской государственности // Электронная библиотека ИЭА РАН. URL: <https://static.iea.ras.ru/books/Guboglo/обб.pdf> (дата обращения: 11.11.2024)
3. Кому выгодны этнические войны в КЧР // Центр Льва Гумилева. URL: <https://www.gumilev-center.ru/komu-vygodnyehnicheskie-vojny-v-kchr/> (дата обращения: 12.11.2024)
4. Гриб, А. В. Этнические конфликты в современном мире / А. В. Гриб // Социальный мир: роль молодежи в решении проблем XXI века : материалы XVIII международной научно-практической конференции студентов и молодых исследователей, Минск, 21 апреля 2021 года / филиал РГСУ в г. Минске. – Минск, 2021. – С. 171-174.
5. Лошкарев, И. Д. Диаспоры и вооружённые конфликты: не только «третья сторона» / И. Д. Лошкарев // Вестник МГИМО Университета. – 2021. – Т. 14, № 3. – С. 39-56.
6. Кушхабиев, А. В. Черкесский фактор в конфликтах в Ливии и Сирии / А. В. Кушхабиев // Сборник научных трудов SWorld. – 2011. – Т. 32, № 4. – С. 91-92.
7. Стерлядева, Н. А. Потенциал конфликто разрешения казахской диаспоры Алтайского края / Н. А. Стерлядева // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. – 2021. – Т. 1, № 10. – С. 173-177.
8. Бедрик, А. В. Гражданский патриотизм диаспоры: противоречия в условиях международных конфликтов / А. В. Бедрик // Гражданский патриотизм и солидаристские практики в России : Материалы Международной научной конференции, Ростов-на-Дону, 24 октября 2017 года / Министерство образования и науки Российской Федерации; Южный федеральный университет; Институт социологии и регионоведения; Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Южнороссийский филиал. – Ростов-на-Дону: Общество с ограниченной ответственностью «Фонд науки и образования», 2017. – С. 182-188.
9. Живодерова, Ю. В. Влияние национальных диаспор на урегулирование этнополитических конфликтов / Ю. В. Живодерова // Промышленная революция 4.0: взгляд молодежи : Тезисы докладов Межрегиональной научной сессии молодых исследователей, Тула, 28-29 ноября 2022 года. – Тула: Тульский государственный университет, 2022. – С. 21-22.

10. Мухаметова, Р. Р. Методическое сопровождение по профилактике межнациональной и межконфессиональной розни / Р. Р. Мухаметова // Традиционные конфессии на защите Отечества и духовных ценностей : Тезисы IV Международной XII Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 190-летию со дня рождения З. Расулева, Челябинск-Троицк, 07-08 июля 2023 года. – Челябинск: Челябинский государственный университет, 2023. – С. 43-44.

ON MEASURES TO PREVENT AND RESOLVE CONFLICTS AMONG DIASPORAS IN RUSSIA

Kukharev Yu.S., Stepurina A.D., Slepina M.G.

This article discusses legal measures aimed at preventing and resolving conflicts among diasporas living on the territory of the Russian Federation. A detailed analysis of the current legislation, which regulates interethnic relations and the peculiarities of interaction between cultural communities and national minorities, is carried out. Special attention is paid to mediation mechanisms and negotiation processes as effective tools for dispute resolution, as well as the role of State bodies and institutions in ensuring law and order, protecting public safety and protecting the rights of national minorities. Reasonable recommendations are proposed to improve the regulatory framework and the practice of applying legislative acts in order to strengthen interethnic harmony, harmonize public relations and prevent social conflicts on an interethnic basis in the Russian Federation as a multinational state.

Keywords: diasporas, interethnic conflicts, legal regulation, conflict prevention, settlement, Russian Federation, mediation, national minorities, public administration, legislation.

УДК 37.014.15

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ СТАНДАРТ В РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ВЫБОРА

Титов Александр Николаевич

Старший преподаватель,
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Южно-Уральский государственный гуманитарно-
педагогический университет», Челябинск
E-mail: titovan@cspu.ru

Мищенко Наталья Юрьевна

Доцент, кандидат педагогических наук,
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Уральский государственный
университет физической культуры», г. Челябинск
E-mail: camr048@mail.ru

Игнаткин Юрий Иванович

Старший преподаватель,
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Южно-Уральский
государственный гуманитарно-педагогический университет»,
г. Челябинск
E-mail: ignatkinyi@cspu.ru

Громов Виктор Александрович

Доцент, кандидат педагогических наук,
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Южно-Уральский
государственный гуманитарно-педагогический университет»,
г. Челябинск
E-mail: gromovva@cspu.ru

В статье рассматривается осуществление законного права студента в выборности используемых рабочих программ дисциплин в университете. Федеральные государственные образовательные стандарты по блоку дисциплин «Физическая культура» формируют понятия о планируемых результатах по физической культуре и спорту,

по критериям профессионально-прикладной подготовленности, по организации методике проведения занятий. Проведён анализ федеральных государственных образовательных стандартов по «Физической культуре. Элективные дисциплины». Изучается содержание, их роль в популяризации основ физической культуры и спорта. Обеспечение преемственности, последовательности в образовательной деятельности на базе стандартизации конечных результатов благотворно сказывается на твёрдости в управлении образованием, в регулировании учебно-тренировочного процесса по подготовке по блоку дисциплин «Физическая культура». Привитие навыков по самоорганизации и саморазвитию студентов университета, к которым относится формирование здорового образа жизни, укрепит дисциплинированность, обеспечит физическую готовность к выполнению бытовых и производственных задач.

Ключевые слова: федеральный государственный образовательный стандарт, студент, право выбора, соответствие содержания программ обучения, функции, условия, результативность.

Выдвинутая стратегия по дальнейшему развитию физической культуры и спорта (ФКиС) в России на период до конца 2030 года опирается на положения Конституции Российской Федерации, на федеральные законы. Наиболее важными, кардинально влияющими на конечный результат, можно считать: распоряжение правительства – «Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года» (от 24.11.2020 № 3081-р); федеральный закон – «Об образовании в Российской Федерации» (от 29.12.2012 № 273-ФЗ), федеральный закон – «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (от 04.12.2007 № 329-ФЗ), постановление Правительства РФ «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Развитие физической культуры и спорта» (от 30 сентября 2021 г. № 1661). Только инновационная модель развития всей сферы физической культуры и спорта в комплексе позволит шагнуть значительно вперёд [1, 2, 3]. Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 24.11.2020 № 3081-р, направлена на приоритетные направления по совершенствованию здоровья и благополучия, охватывает вопросы повышения уровня жизни населения Российской Федерации, посредством реализации деятельности по ФКиС. В стратегии до 2030 года сформулирована основная цель, которая отображает замысел по формированию культуры обогащённой ценностями здорового образа жизни [4]. Задачи: условия для решительного поступательного развития всей сферы ФКиС; значительное улучшение здоровья нации; повышение уровня качества жизни граждан России; подъём уровня человеческого потенциала; формирование базы конкурентоспособности Российского спорта; повышение престижа Российской Федерации, как спортивной державы на международной арене; а также воспитание

здорового молодого поколения и повсеместное объединение Российского общества.

Учебные планы по специальности или направлению профессиональной подготовки в университете публикуются на официальных сайтах. В базовой части по направлению подготовки формируется блок учебных дисциплин. Пять из них обязательны для студентов всех направлений подготовки, как к примеру юридической: философия, история, иностранный язык, физическая культура, безопасность жизнедеятельности. Остальные дисциплины базовой части определяются высшим учебным заведением в соответствии с требованиями федеральных государственных образовательных стандартов.

Освоение дисциплин/модулей по ФКиС в рамках образовательной программы по основному блоку основной профессиональной образовательной программе (ОПОП) способствует формированию универсальных компетенций (УК-7). Студенту надобно быть способным поддерживать уровень физической подготовленности для всемерного обеспечения полноценной социальной, профессиональной деятельности. УК-7 включают умения по самоорганизации или саморазвитию, к которым относится формирование ЗОЖ и здоровьесбережение [5]. Более подробное рассмотрение понятий здорового образа жизни и здоровьезбережения начинается с общего понятия здоровье как центральный объект всех процессов. Формирование культуры здорового образа жизни предусматривает не только насыщение знаниями, но и максимальное воздействие на все грани сферы ФКиС. Здоровье рассматривается как обязательный критерий для обеспечения развития личности и общества в целом. Стоит подчеркнуть, что уровень здоровья у студентов высших учебных заведений несколько отстаёт от требований времени и одной из основных задач образовательного учреждения является его поддержание и улучшение в процессе обучения. Согласно определению, выдвинутому Всемирной организацией здравоохранения, здоровье представляется как динамическое состояние физического, духовного, а также социального благополучия человека [6]. Здоровье должно обеспечивать полноценное выполнение человеком профессиональных трудовых, биологических, психических функций; с максимальной продолжительностью жизни.

Напряжённая учебная деятельность студентов влияет на состояние здоровья, и здесь необходимо предусмотреть возможности и проблемы, которые негативно повлияют на состояние здоровье студентов. Количественную оценку по состоянию индивидуального здоровья выражают:

1. Маркеры физического здоровья – это физическое развитие, работоспособность, физическая подготовленность, функциональное состояние, заболеваемость, резистентность внешним воздействиям; по отношению к возможностям биологического возраста.

2. Маркеры репродуктивного здоровья – это способности по количеству зачатий и рождённых детей, по половой активности.

3. Маркеры психологического здоровья – это психическое развитие, возможности психических функций, личностные особенности, психоэмоциональное состояние; наличие или отсутствие психических заболеваний.

4. Маркеры духовного здоровья – уровень культуры формирования здоровья, морально-волевых ценностей, мотивационных установок.

5. Маркеры социального здоровья – трудовая (профессиональная) удовлетворённость, социальное благополучие, душевное равновесие.

А реализуется освоение учебной программы на основах установленного порядка организации. Осуществление образовательной деятельности университета утверждён приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (от 06.04.2021 г. № 245) [7]. Базовые дисциплины/модули по блоку ФКиС в рамках федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования (ФГОС ВО) осваиваются в объеме не менее 2 зачетных единиц, согласно пункту 16, установленного порядка организации, осуществления образовательной деятельности по образовательным программам для высшего образования. Элективные дисциплины/модули по ФКиС реализуются в рамках ФГОС ВО в объёме не менее 328 академических часов. Согласно пункту 14 «Порядка организации и осуществления образовательной деятельности», под элективными дисциплинами/модулями понимаются те дисциплины, которые избираются обучающимися, но осваиваются в обязательном порядке.

Цель исследования. Реализация студентами права выбора в классическом университете по дисциплине «Физическая культура. Элективные дисциплины», целесообразность применения в рамках задач ФКиС.

Задачи исследования.

1. Анализ требований федеральных законов и распоряжений, федеральных государственных образовательных стандартов, правовое соответствие федеральным руководящим документам разработанных положений, рабочих программ по ФКиС в классических университетах.

2. Соразмерность рабочих документов, реальных условий для выбора студентами университета программ обучения.

3. Пути совершенствования возможностей использования программ обучения по дисциплине «Физическая культура. Элективные дисциплины», правовая адекватность в реализации возложенных задач.

Организация и методы исследования. При разработке общего порядка реализации дисциплин/модулей по ФКиС необходимо учитывать потребности, условия и возможности самой образовательной организации высшего образования, направления/специальности подготовки, а в особенности учитывать мнение обучающихся; представлен в Приложении № 1 (по приказу Министерства науки и высшего образования Российской Федерации № 245, 06.04.2021 г.). В ряде образовательных организаций высшего профессионального образования освоение дисциплин/модулей по ФКиС

может осуществляться в соответствии с самостоятельно разрабатываемыми и утверждаемыми в учреждении образовательными стандартами. Это право делегируется государственным органом. Перечень и порядок установления категорий образовательных организаций высшего профессионального образования регулируется статьей 24 («Закон об образовании»), имеющих особый статус, и содержится в Указе Президента Российской Федерации от 05.07.2021 г. № 405 ("Об утверждении перечня федеральных государственных образовательных организаций высшего образования, которые вправе разрабатывать и утверждать самостоятельно образовательные стандарты по образовательным программам высшего образования"). Образовательные организации высшего образования, указанных категорий, имеют право самостоятельно определить перечень вновь формируемых компетенций, место дисциплин/модулей по ФКиС в разрабатываемых ими образовательных стандартах. Разрешается установить порядок реализации дисциплин по ФКиС на основе представленных образовательных стандартов.

Исследования проводились общепризнанными методами: изучение организационной документации, наблюдение, опрос, тестирование социометрический анализ, статистическая обработка данных, формирование выводов. Анализ документов осуществлялся с опорой на официальные сайты образовательных учреждений: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение (ФГБОУ ВО) «Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева»; ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева»; ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»; ФГАОУ ВО "Казанский (Приволжский) федеральный университет"; ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»; ФГБОУ ВО «Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова»; ФГАОУ «Национальный исследовательский Томский государственный университет»; ФГБОУ ВО «Государственный университет управления» и другие. Изучение отчетных документов, опрос и тестирование проводились в ФГБОУ ВО «Южно-Уральском государственном гуманитарно-педагогическом университете»; в ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный университете (национальный исследовательский университет).

Результаты исследований и их обсуждение. Базовые дисциплины/модули по ФКиС должны обеспечить освоение студентами ключевых знаний и умений, которые необходимы для самостоятельной работы по повышению уровня физической подготовленности, особенно после завершения обучения в университете. Необходимо предусмотреть направленность элективных дисциплин/модулей по ФКиС на практическое закрепление полученных знаний, умений, навыков, которые получены в рамках базовых дисциплин/модулей по ФКиС.

Основными задачами элективных дисциплин/модулей по ФКиС являются:

- приобретение умений и навыков творческого, обоснованного использования средств ФКиС в целях повышения уровня качества жизни, а также последующего достижения социальных целей и решения профессиональных задач;

- поддержание общей физической подготовленности;

- готовность к выполнению нормативов по упражнениям Всероссийского спортивного комплекса "Готов к труду и обороне" (ФСК ГТО);

- готовность к выполнению задач профессионально-прикладной физической подготовки будущей профессиональной деятельности.

Использование средств ФКиС и спортивной подготовки вида спорта для реализации элективных дисциплин/модулей по ФКиС направлено на овладение и закрепление студентами практических навыков, которые необходимы для формирования УК-7 (универсальные компетенции). Это положение отличает направленность работы спортивных секций, которые, используя такие же средства, направлены на повышения уровня двигательной активности к участию в соревнованиях и проводятся во внеучебное время. Фонды оценочных средств для базовых дисциплин/модулей по ФКиС необходимые для оценки результатов освоения, а также методические материалы, которые определяют процедуры оценки, разрабатываются в соответствии с государственными требованиями, в первую очередь по ФСК «ГТО», приказ Министерства спорта Российской Федерации № 117, от 22.02.2023 г..

Изучая рабочие программы и положения отдельных университетов, стоит обратить внимание на «разнобой» предложений по использованию элементов из средств спортивной и физкультурной деятельности. Почему то, многие специалисты считают, что можно вырвать небольшую часть состоявшегося и сформированного вида деятельности, а затем использовать по методикам другой сферы. Спорт – есть специально-направленная подготовка и участие в соревнованиях. Именно в условиях соревнований раскрываются возможности сформированного комплекса двигательных действий вида спорта со своей методикой [8]. Спорт может иметь значительное количество сходств с различными видами деятельности в ФКиС и с другими методиками, но не всегда применимо, так как вид спорта сформирован в результате опыта становления и в процессе развития обретает свои особенности.

Первое поколение принятых федеральных государственных стандартов, как позже показала практика, несмотря на определенные недостатки, смогло в начальной стадии обеспечить единообразие выделенных основных требований к образовательным программам, как в физической культуре, так и в спортивной подготовке [9]. Федеральные образовательные стандарты для высшего образования по вопросам ФКиС имеют существенные различия с дополнительными федеральными спортивными стандартами подготовки по виду спорта. Планомерная подготовка в образовательной сфере высшего профессионального образования отличается от спортивной подготовки

сборных команд. Хотя специалисты, без оценки ситуации, без подбора методики включают элементы средств спортивной подготовки в дисциплину «Физическая культура. Элективные курсы» (ФК.ЭД).

Конечно, либерализация позволит шире использовать возможности гибридного освоения физической культуры в виде элективных дисциплин. Но, не стоит забывать о важнейших составляющих, которые могут привести к юридической ответственности, где очень сложно будет выявить грубые нарушения методики. Анализируя рабочие программы университетов по блоку дисциплин ФКиС с элективными дисциплинами, можно также отметить, что учебный материал по содержанию крайне разбросанный и быстрее напоминает рамки традиционной дисциплины «Физическая культура» с увеличением количества разнообразий учебных разделов из разных видов ФКиС. Такое положение не даёт возможность либерализации права выборности для студентов, то есть в одной рабочей программе «ФК.ЭД» и гимнастика, и лёгкая атлетика, и спортивные игры в трёх наименованиях, и даже единоборства, и другие – всё «в одном стакане». Ведь изначально, речь шла о возможности выбора по заявлениям студентов одного из видов спорта или физкультурной деятельности приемлемый для большинства студентов (в учебной группе или на курсе), а получился «слоёный пирог», выдвигаемый кафедрой физического воспитания. Здесь можно сделать вывод, что отдельные руководители просто «не поняли» о чём идёт речь, и для чего создано.

По мнению доктора наук, профессора Л.И. Лубышевой федеральные государственные образовательные стандарты подготовки являются динамической системой управления ФКиС. [10]. Учитывая результаты практического применения ФГОС, по приказам Министерства образования и науки; и федеральных стандартов спортивной подготовки (ФССП) по видам спорта, утверждаемые приказами Министерства по спорту, необходимость актуализации их содержания является постоянным и динамичным процессом. Но в данный момент, говоря о блоке «ФК.ЭД», можно с полной уверенностью заявить, что необходимы дополнительные исследования и разработки гибридных образовательных программ обучения, как основной платформы для создания и последующего эффективного использования рабочих программ «ФК.ЭД».

Предлагается формирование рабочих гибридных программ дисциплины «ФК.ЭД», которые потребуют и федеральной образовательной стандартизации. В Федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС) подготовки должны быть включены гибридные требования:

- по соответствию с целями и задачами, реализуемого федерального государственного образовательного стандарта;
- по основному содержанию и структуре ФГОС;
- по нормативам по физической подготовленности и иным нормативам с учетом возраста, пола, особенностей элементов вида деятельности ФКиС, уровня физической подготовленности и спортивной

квалификации (физические данные, ограничения по заболеваемости, спортивные звания и разряды);

- по результатам осуществления педагогического учебного и тренировочного процесса с особенностями спортивной или физкультурной подготовки по виду ФКиС;

- по освоению профессионально-важных двигательных навыков и развитию профессионально важных физических качеств по специальности;

- по особенностям кадровых и материально-технических условий, по реализации этапов физкультурно-спортивной подготовки и обеспечения эффективности педагогического контроля;

- по конечным «дальним» целям и задачам, продолжение занятий и участие в соревнованиях после окончания университета;

- по регламентированному участию в зрелищных физкультурных мероприятиях студентов, в спортивных соревнованиях спортсменов;

- по участию преподавателей-тренеров в обучении и судействе.

Выпускник должен быть способен поддерживать уровень физической подготовленности на должном уровне для обеспечения социальной и профессиональной долгосрочной деятельности. В этой связи, необходимо обеспечить соответствие содержания разрабатываемых рабочих программ элективных дисциплин/модулей по содержанию методико-практической части базовых дисциплин/модулей по ФКиС.

Государственные образовательные стандарты решают важную задачу по формированию компетенций занимающихся, а также по развитию личности. Количество гибридных рабочих программ по ФКиС предоставит студентам диапазон выбора по освоению необходимых знаний и умений для успешной адаптации в современном обществе в будущей профессиональной деятельности. Развитие критического мышления, творческого потенциала и социальных навыков помогают утвердиться в обществе. Разработка качественных образовательных программ по элективным дисциплинам блока «Физическая культура и спорт» является важным аспектом в формировании сознания молодёжи нашей страны.

Федеральные государственные образовательные стандарты активно влияют на популяризацию ФКиС, организацию обучения в рамках требований конкретной специальности в Российской Федерации. Необходимо восстановить реальную возможность в реализации права выбора студентом желаемой элективной дисциплины, выбор облегчит освоение адекватной увлекательной управляемой программы обучения по ФКиС, согласно приказа Министерства науки и высшего образования Российской Федерации № 245, от 06.04.2021. г.. Платформа, которая также обеспечит компетентность преподавателей, тренеров; справедливость, доступность занятий по ФКиС для всех студентов; специализированный подход к профессиональному обучению; и создаст благоприятные условия для реализации человеческого личностного потенциала. Федеральные государственные образовательные стандарты по ФКиС являются основой системы управления физическим развитием

молодёжи и существенно влияют на уровень профессиональной подготовки студентов, на физкультурные и спортивные достижения. Стандарты и право выбора способствуют развитию физкультурного и спортивного движения; укреплению духовных и нравственных ценностей; повышению уровня здоровья нации; объединению общества через увлекательную систему ФКиС для молодёжи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление Правительства РФ «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Развитие физической культуры и спорта" от 30 сентября 2021 г. N 1661 // URL: <https://base.garant.ru/402891691/> (дата обращения: 07.11.2024).
2. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc1/ (дата обращения: 09.11.2024).
3. О физической культуре и спорте в Российской Федерации: Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73038/7b787f81ddf150df9c8be93658708c412e34fdb/ (дата обращения: 10.11.2024).
4. Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24.11.2020 № 3081-р // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202011300022> (дата обращения: 07.11.2024).
5. Кожевников, В. В. О структуре норм права: логических, норм-предписаний, специализированных / В. В. Кожевников // Правоприменение. – 2021. – Т. 5, № 2. – С. 45-61.
6. Прикладная Физическая культура в университете для спортсменов / И. Ф. Черкасов [и др.] // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. – 2023. – № 3. – С. 58-65.
7. Приказ Министра науки и высшего образования Российской Федерации от 6 апреля 2021 г. № 245 «Об утверждении порядка организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры» (в ред. Приказа Минобрнауки РФ от 02.03.2023 № 244). URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=446245>.
8. Буянова, М.О. Теория спортивного права: монография / М.О. Буянова. – Москва: Юрайт, 2020. – 154 с. – URL: <https://urait.ru/bcode/456218> (дата обращения: 11.11.2024).
9. Алексеева, А. В. Квалификация правоотношений, возникающих в связи с реализацией права на образование / А. В. Алексеева // Юридическая наука и практика. – 2023. – Т. 19, № 2. – С. 55-63.

10. Лубышева, Л.И. Федеральные стандарты спортивной подготовки как динамическая система управления российским спортом // Теория и практика физической культуры. – 2021. – № 4. – С. 98-99.

FEDERAL EDUCATIONAL STANDARD IN THE IMPLEMENTATION OF THE RIGHT OF CHOICE

Titov A.N., Mishchenko N.Y., Ignatkin Y.I., Gromov V.A.

The article considers the implementation of the student's legal right to elect the used work programs of disciplines at the university. Federal state educational standards for the block of disciplines "Physical Education" form concepts of the planned results in physical education and sports, according to the criteria of professional and applied readiness, on the organization of the methodology of conducting classes. The analysis of federal state educational standards for "Physical Education. Elective disciplines" is carried out. The content and their role in popularizing the basics of physical education and sports are studied. Ensuring continuity and consistency in educational activities based on the standardization of final results has a beneficial effect on the firmness in the management of education, in regulating the educational and training process for preparation for the block of disciplines "Physical Education". Instilling skills in self-organization and self-development of university students, which include the formation of a healthy lifestyle, will strengthen discipline, ensure physical readiness to perform everyday and industrial tasks.

Keywords: federal state educational standard, student, right of choice, compliance of educational program content, functions, conditions, effectiveness.

УДК 34

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ АДМИНИСТРАТИВНО- ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ, ПРИМЕНЯЕМЫХ В УСЛОВИЯХ ДЕЙСТВИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ АДМИНИСТРАТИВНО- ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ

Шевцов Александр Валерьевич
Кандидат юридических наук, доцент,
Академия управления МВД России,
E-mail: shevtsov72@yandex.ru

Применяемые административно-правовые средства требуют постоянного совершенствования и адаптации к меняющимся условиям социальной среды. Занимая ключевую роль в процессе функционирования государственной системы управления, исследуемые средства представляют собой совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения, в том числе возникающие в связи с реализацией режимных правил. Административно-правовые средства, характерные для специальных административно-правовых режимов, являются важным инструментом государственного (публичного) управления и играют ключевую роль в поддержании законности и правопорядка. Специальные административно-правовые режимы нуждаются в более глубоком изучении для анализа особенностей осуществления производства по делам об административных правонарушениях, а также для дальнейшей разработки предложений по улучшению условий реализации режимных и принудительно-правовых полномочий, осуществляемых должностными лицами органов власти и управления. Это поможет оптимизировать принятие управленческих решений, повысить эффективность работы административно-властных органов, а также обеспечить более высокий уровень защиты прав граждан в интересах общества.

Ключевые слова: административно-правовые средства, специальный правовой режим, производство по делу об административном правонарушении, административно-процессуальная компетенция.

Одной из важнейших задач административно-правового обеспечения охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности является поиск наиболее оптимальных правовых средств, позволяющих выявлять, предупреждать и пресекать угрозы безопасности в рамках реализации компетенции органов внутренних дел [1, 360 с.]; [2, 312 с.] Этим целям служат специальные административно-правовые режимы (далее – САПР).

Административно-правовые средства, используемые в рамках САПР, обусловлены императивным характером регулирования правоотношений, складывающихся в сфере особых условий функционирования органов публичной власти. По сложившемуся в науке мнению исследуемые правовые режимы представляют собой особый порядок реализации властных полномочий «направленный на преодоление негативных явлений в соответствующей сфере государственного управления» [3, с. 467-468].

Анализируя сформулированный профессором С.С. Алексеевым подход к пониманию правового режима как «комплекса правовых средств, характеризующих особое сочетание дозволений, запретов, а также позитивных обязываний и создающих особую направленность регулирования» [4, с. 84-85], профессор С.А. Старостин отметил, что такую точку зрения по сей день можно считать фундаментом теоретической модели, которая предусматривает разделение административно-правовых режимов на две группы: общие и специальные. При этом, первые выражают общие соотношения способов административно-правового регулирования, а вторые являются их модификацией и могут предусматривать специальные ограничения в виде дополнительных запретов или позитивных обязываний [5, с. 29-43].

И действительно, результаты проведённых исследований подтверждают тезис о том, что САПР всегда отличаются «высокой степенью определенности и четкости правового воздействия», заключающегося в «особом сочетании юридических средств, состоящих в дополнительных правах, запретах или обязываниях, направленных на упорядочение специфических процессов, явлений и отношений» [6, с. 121-124].

Как известно САПР устанавливаются тогда, когда обычными административными средствами не удаётся обеспечить должный правовой порядок [7, с. 462-463] и приходится прибегать к специальным административным средствам, среди которых:

- дополнительные запреты и обязывания, предусматривающие более жесткий превентивный контроль и надзор;

- специальные меры, направленные на поддержание установленных режимных правил посредством мониторинговых и регистрационных процедур;
- основанный на административном усмотрении разрешительный способ реализации законных интересов участников правоотношений;
- специальное организационно-техническое обеспечение режимных правил, позволяющее не допускать их нарушения.

Такая специфика обусловлена фактической неизбежностью административно-принудительных ограничений, которые вводят властные органы в целях исключения условий потери контроля за состоянием надлежащего правопорядка в обществе. Правовые ограничения реализуются посредством возложения на участников исследуемых правоотношений дополнительных обязанностей, а также определённого видоизменения имеющихся у них прав [8, 80 с.]. В этом смысле представляется вполне объективной административно-правовая природа методов правового регулирования отношений, которые возникают между органами власти и гражданами, ибо несоблюдение устанавливаемых режимных предписаний (правил) неминуемо влечёт за собой применение мер административного принуждения [9, с. 21].

Отражая многогранный правоприменительный функционал публичной власти исследуемые режимы могут различаться по территориальности, а также по объектной (пункты управления и коммуникации) или предметной направленности (предметы поддержания жизнедеятельности, материальные ценности, средства обеспечения правопорядка). Предлагаемые учёными критерии классификации позволяют охарактеризовать САПР как совокупность экстраординарных режимных правил, обеспечивающих административно-охранительный принцип регулирования отношений власти и лиц, осуществляющих свою жизнедеятельность в пределах определённых административно-территориальных образований [10, с. 365]; [11, с. 49-55].

В научной литературе имеется множество исследований, посвященных определению внутреннего содержания (сущности) правовых режимов. Их суть сводится к особому порядку правового регулирования на основе комплекса юридических средств, создающих наиболее приемлемое социальное состояние общества, удовлетворяющее интересам наиболее широкого круга участников возникающих и развивающихся правоотношений. В этом смысле правовые режимы выступают средством воздействия на развитие права и повышение должного уровня правовой культуры. Разграничивая правовые режимы от близких по форме, структуре и содержанию юридических конструкций: «механизм правового регулирования», «правовое состояние», «правовой статус» А.П. Лиманская делает вывод о самостоятельности исследуемого средства правового регулирования [12, 30 с.]. По её мнению результаты анализа юридической природы правовых режимов позволяют установить их материальные и процессуальные особенности. Первые

проявляются в достаточно статичных обязанностях и правах субъектов правоотношений, а также в предметах административно-правового регулирования, тогда как вторые непосредственно отражают динамику юридической деятельности.

Всё это говорит о том, что САПР выступает своего рода модификацией общих правовых режимов, привнося в них специальные (особые) правовые ограничения, которые выражаются в дополнительно устанавливаемых запретах или позитивных обязываниях. Поэтому правовой основой САПР всегда являются как административные правоустановления, отводящее исследуемому режиму лишь роль одного из элементов в системе административно-правовых средств упорядочения возникающих правоотношений, так и административно-правовые акты, носящие сугубо специальный характер.

Исходя из этого, можно согласиться с выводом о том, что юридическое понимание общего административно-правового режима приобретает гораздо более широкое значение по сравнению с САПР [13, с. 56-70]. Однако, на сегодняшний день в юридической литературе пока ещё не сложилось определённого универсального представления о соотношении таких понятий [14, с. 236-245].

Юридически правовые режимы делятся на материальные и процессуальные. Материальные режимы определяют права, обязанности участников правоотношений и объекты правового регулирования, они более стабильны по сравнению с процессуальными, отражающими динамичность юридической деятельности. САПР является модификацией общего административно-правового режима, которая преимущественно проявляется в установлении специфических ограничений, выраженных через дополнительные запреты или позитивные обязательства.

Правовую основу реализации САПР составляют нормативные правовые акты, отводящие такому правовому режиму роль одного из элементов в системе организационно-правовых средств, используемых для упорядочения отдельных видов юридической деятельности. Это в полной мере подтверждается сложившимся в науке соотношением понятий «общий административно-правовой режим» и иные (специальные, особые) виды административно-правовых режимов, введение которых предусматривается соответствующими правовыми актами. Именно поэтому они именуются специальными, особыми или экстраординарными [13, с. 56-70]. Вместе с тем, применение такой терминологии пока ещё не основано на использовании чёткого критерия, позволяющего охарактеризовать единые принципы для определения соотношения данных понятий. Общим для них является лишь то, что их введение влечет за собой определённое законом ограничение некоторых прав и свобод участников исследуемых правоотношений [14, с. 236-245].

САПР подразумевают применение административно-правовых средств (далее – АПС), направленных на обеспечение законности, порядка и справедливости в обществе. АПС представляют собой универсальный инструмент принудительного воздействия,

используемый для прекращения противоправных действий. Такого рода административное правоприменение включает в себя меры психологического, имущественного и организационного воздействия. В то же время такие административно-правовые инструменты дают возможность уполномоченным представителям публичной власти успешно урегулировать возникающие юридические разногласия.

Используемые АПС играют ключевую роль в функционировании государственной системы управления, представляя собой комплекс правовых норм, регулирующих общественные отношения, связанные с соблюдением установленных правил. Эти нормы направлены на поддержание правопорядка и координацию деятельности органов публичной власти, участвующих в данном процессе [15, с. 48-55].

Важно отметить существование специализированных АПС, особенностью которых является защита законных интересов властных структур или групп населения (в рамках САПР) с помощью особых принудительных и управленческих методов. Эти АПС включают специальные меры по контролю и надзору за соблюдением законов, соответствующие процедуры привлечения к ответственности за их нарушение, а также методы разрешения специфических споров и конфликтов.

В современной науке правовые средства часто рассматриваются как эквивалент методологии управления, то есть совокупность методов и подходов к управлению. Эта точка зрения основана на лексическом сходстве понятий «средство» и «метод». Многие учёные считают АПС ключевым элементом структуры административно-правовых методов управления, поскольку именно принудительные средства позволяют формировать правовую основу для их позитивного воздействия в рамках САПР [16, с. 249], [7, с. 433].

Исследуемые АПС неразрывно связаны с административно-правовым регулированием, которое по мнению профессора А.П. Коренева представляет собой процесс последовательного использования таких принудительно-правовых средств для достижения целей регулирования должного поведения участников общественных отношений [17, с. 43].

Использование прилагательного «правовой» в контексте различных юридических терминов указывает на необходимость включения принудительных мер, используемых в рамках САПР, в сферу административно-правового регулирования и законодательного закрепления.

Однако на практике применение таких мер иногда сталкивается с проблемами, связанными с отсутствием единообразного подхода к применению существующей нормативно-правовой базы. Поэтому САПР требуют более глубокого изучения для анализа актуальных проблем, связанных с производством по делам об административных правонарушениях, а также для дальнейшей разработки предложений по улучшению условий реализации режимных и принудительно-правовых полномочий, осуществляемых должностными лицами органов власти и управления.

Это поможет оптимизировать принятие управленческих решений, повысить эффективность работы административно-властных органов, а также обеспечить более высокий уровень защиты прав граждан в интересах общества.

Таким образом, административно-правовые средства, характерные для САПР, являются важным инструментом государственного (публичного) управления и играют важную роль в поддержании законности и правопорядка [18]. Они нуждаются в постоянном улучшении и адаптации к изменяющейся обстановке, чтобы отвечать требованиям времени и способствовать стабильному развитию общества и государства.

В связи с этим следует обратить внимание на следующие семь наиболее перспективных направлений совершенствования АПС и соответствующих им административно-правовых инструментов, используемых в рамках САПР.

1. Внесение изменений и дополнений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП) [19], предусматривающих:

- установление административной ответственности за незаконное распространение в телекоммуникационных сетях, в т.ч. в сети «Интернет» призывов к несоблюдению режимных ограничений и запретов, предусмотренных САПР (гл. 13 КоАП);

- увеличение срока давности привлечения к административной ответственности (ст. 4.5 КоАП) по деяниям административным правонарушениям, выражающимся в публикации в сети «Интернет», информации, выражающей явное неуважение к обществу и органам, осуществляющим государственное управление в условиях САПР;

- законодательное закрепление юридических особенностей привлечения к административной ответственности лиц в условиях действия САПР (гл. 2 КоАП);

- обоснование обстоятельств, влекущих возможность освобождения от административной ответственности при незначительной степени общественной опасности противоправного деяния, совершенного в условиях САПР (ст. 2.9 КоАП);

- уточнение порядка реализации процедуры принудительного препровождения (доставления) физического лица для составления протокола об административном правонарушении, совершенном в условиях действия САПР (ст.27.2 КоАП);

- дополнение действующего порядка назначения административного наказания без составления протокола (ст.28.6 КоАП) объективными обстоятельствами, позволяющими реализовывать такую процедуру в условиях действия САПР.

2. Оптимизация системы подготовки и переподготовки специалистов в области административного правоприменения, основанной на создании специализированных программ обучения, а также на проведение научных исследований и обмену опытом между специалистами.

3. Привлечение квалифицированных экспертов к разработке и дальнейшему обсуждению проектов нормативных правовых актов, регулирующих правоотношения в условиях действия САПР.

4. Интеграция новых механизмов мониторинга действий должностных лиц, а также активное использование современных средств коммуникации и обмена информацией в целях обеспечения обратной связи между гражданами и государственными органами.

5. Создание условий для развития и внедрения новых технологий в административное управление, что в свою очередь, позволит повысить эффективность и исключить непредсказуемость специальных процедур в рамках исследуемого административного процесса.

6. Дальнейшее развитие механизмов контроля и надзора за соблюдением законных интересов участников правоотношений, возникающих и развивающихся в условиях САПР.

7. Координация взаимодействия между различными государственными органами, реализующими свои полномочия в условиях действия САПР.

Наряду с этим, в перспективе необходимо обосновать более четкий алгоритм (последовательность) действий должностных лиц по реализации исследуемых административных полномочий. Это несомненно должно способствовать оптимизации функционала органов власти, реализуемого в условиях действия САПР.

Также, по мнению автора, необходимо расширять арсенал сравнительных административно-правовых исследований для поиска тех средств правового воздействия, которые позволят с успехом решать стоящие перед органами внутренних дел задачи в области охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности [20, с. 107-116], [21, с. 613-620].

ЛИТЕРАТУРА

1. Организация охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности : Учебник: в 2 частях. Ч. 1. / В.А. Милехин, Ю.Н. Носатов, А.В. Шевцов, В.М. Редкоус [и др.]. – Москва : Академия управления МВД России, 2023. – 360 с. – ISBN 978-5-907721-11-1.

2. Организация охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности : Учебник: в 2 частях. Ч. 2 / В.А. Милехин, Ю.Н. Носатов, А. В. Шевцов. В.М. Редкоус [и др.]. – Москва : Академия управления МВД России, 2023. – 312 с. – ISBN 978-5-907721-11-1.

3. Административное право : учебник / отв. ред. Ю. М. Козлов. – М., 2002. – С. 467-468.

4. Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. – М.: Юрид. лит, 1989. – С.84-85.

5. Старостин С.А. Система чрезвычайных административно-правовых режимов: проблемы теории, законодательства и практики // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2023. – № 48. – С. 29-43.

6. Малько А.В., Лиманская А.П. Специальный правовой режим как особое средство правового регулирования // Вестник Саратовской Государственной юридической академии. – 2013. – № 6 (95). – С. 121-124.

7. Бахрах Д.Н., Россинский Б.В., Стариков Ю.Н. Административное право: учебник – 2-е изд., изм. и доп. – М.: Норма, 2005. – 800 с.

8. Калюжный Ю.Н., Николаев А.Г., Редкоус В.М. Дисциплинарная административно-юрисдикционная деятельность : Учебно-методическое пособие. – Москва : Академия управления МВД России, 2024. – 80 с.

9. Стахов А.И. Административно-правовой режим в России: понятие, сущность, классификация // Административное право и процесс. – 2012. – № 7. – С. 21

10. Россинский Б.В., Стариков Ю.Н. Административное право: учебник. 5-е изд. – М.: Норма, 2017. – С. 365.

11. Рушайло В.Б. К вопросу о теории классификации специальных административно-правовых режимов в сфере обеспечения безопасности // Право и политика. – 2003. – № 10. – С. 49-55.

12. Лиманская А.П. Специальные правовые режимы : общетеоретический анализ : автореферат диссертации ... кандидата юридических наук : 12.00.01 / Лиманская Анна Петровна; [Место защиты: Сарат. гос. юрид. акад.] – Саратов 2015. – 30 с.

13. Маюров Н.П., Жуков И.А., Портнова А.А. Институт специальных административно-правовых режимов в Российской Федерации: историко-правовое исследование // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». – 2023. – № 2 (74) – С. 56-70.

14. Портнова А.А., Орлова Н.В. Актуальные проблемы ограничения реализации конституционных прав граждан в условиях введения специальных административно-правовых режимов в России // Научный журнал Социология и право. – 2022. – Т. 14. – № 2. – С. 236-245.

15. Редкоус В.М. Административно-правовые режимы, устанавливаемые в целях обеспечения государственной безопасности // Труды Академии управления МВД России. – 2023. – № 1(65). – С. 48-55.

16. Алехин А.П., Кармолицкий А.А., Козлов Ю.М. Административное право Российской Федерации: учебник. – М., 1996. – С. 249.

17. Корнев, А.П. Административное право России: учебник: в 3 ч. Ч. 1. М., 1999. – С. 43.

18. Проблемы теории государства и права : В двух частях / О. В. Белянская, Н. С. Ельцов, А. В. Кочетков [и др.]. Том Часть 2. – Тамбов : Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, 2014. – 500 с.

19. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 08.07.2024, с изм. от 18.08.2024) // СПС КонсультантПлюс.

20. Редкоус В.М. Использование зарубежного опыта в целях подготовки документов стратегического планирования в области

общественной безопасности в государствах – участниках СНГ // Труды Академии управления МВД России. – 2024. – № 2 (70). – С. 107-116.

21. Редкоус В.М. О необходимости актуализации сравнительно-правовых исследований законодательного обеспечения национальной безопасности в государствах – участниках СНГ // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) : сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, посвящённой памяти профессора, Аврутина Ю.Е. в связи с 75-летием со дня рождения, Санкт-Петербург, 25 марта 2022 года / Санкт-Петербургский университет МВД России. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 613-620.

TO THE QUESTION OF IMPROVEMENT OF ADMINISTRATIVE-LEGAL MEANS, APPLICABLE CONDITIONS OF OPERATION OF SPECIAL ADMINISTRATIVE-LEGAL REGIMES

Shevtsov A.V.

The applied administrative and legal means require constant improvement and adaptation to changing conditions of the social environment. Occupying a key role in the functioning of the state management system, the studied means represent a set of legal norms regulating social relations, including those arising in connection with the implementation of regime rules. Administrative and legal means characteristic of special administrative and legal regimes are an important instrument of state (public) management and play a key role in maintaining law and order. Special administrative and legal regimes require more in-depth study to analyze the features of the implementation of proceedings on administrative offenses, as well as for the further development of proposals to improve the conditions for the implementation of regime and coercive-legal powers exercised by officials of government and management bodies. This will help optimize management decision-making, increase the efficiency of administrative and government bodies, and ensure a higher level of protection of citizens' rights in the interests of society.

Keywords: administrative and legal means, special legal regime, proceedings on an administrative offence, administrative and procedural competence.

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

УДК 347.426

К ВОПРОСУ О ПОСЛЕДСТВИЯХ ВОЗМЕЩЕНИЯ ИМУЩЕСТВЕННОГО ВРЕДА КАЗНОЙ ДЛЯ УЧАСТНИКОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА И ДЕЛА О БАНКРОТСТВЕ

Клепикова Ольга Геннадьевна

Доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, кандидат
юридических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени
С.А.Есенина»,
г. Рязань, Россия
E-mail: o.klepikova@365.rsu.edu.ru
SPIN-код: 8996-9186

Климова Анна Николаевна

Заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин,
кандидат юридических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени
С.А.Есенина»,
г. Рязань, Россия
E-mail: a.klimova@365.rsu.edu.ru
SPIN-код: 8987-3027

В статье исследуется вопрос о возмещении государственной казной взыскателю имущественного вреда, возникшего в рамках

исполнительного производства, в случае, когда в отношении должника арбитражным судом возбуждено дело о банкротстве. Целью исследования является выявление возможных последствий такого возмещения вреда казной для участников исполнительного производства: взыскателя, должника и судебного пристава-исполнителя. Авторы приходят к выводу, что получивший возмещение денежных средств за счет государственной казны взыскатель, фактически получает замещение утраченной возможности реального получения денежных средств от должника, что исключает возможность возложения на должника в рамках дела о банкротстве обязанности по повторному удовлетворению требований взыскателя, так как будет иметь место двойное исполнение одного и того же обязательства. При этом вопрос о подаче казной регрессного иска к лицу, виновному в причинении вреда, остается дискуссионным, поскольку появляется и новый обязательный участник дела о банкротстве – финансовый управляющий, который может также быть признан лицом, виновным в причинении вреда.

Ключевые слова: неправомерные действия судебного пристава-исполнителя, утраченная возможность исполнения решения суда, возмещение вреда казной, дело о банкротстве, финансовый управляющий, регрессный иск.

В практике неоднократно рассматривался вопрос о возможных последствиях возмещения имущественного вреда государственной казной для участников исполнительного производства [1]. Но с появлением института банкротства граждан и конституционализацией арбитражного судопроизводства возникли и новые вопросы о последствиях возмещения имущественного вреда казной для участников исполнительного производства, в том числе вопрос о праве кредитора при завершении процедуры банкротства требовать выдачи исполнительного листа на взыскание с должника денежных средств, если гражданин не был освобожден от дальнейшего исполнения обязательства перед кредитором, но при наличии судебного решения о возмещении взыскателю государственной казной ущерба за утраченную возможность исполнения решения суда должником в рамках исполнительного производства по вине судебного пристава-исполнителя.

Другими словами, с появлением института банкротства граждан возникли новые вопросы о последствиях возмещения взыскателю имущественного вреда государственной казной за утрату возможности исполнения решения суда из-за неправомерных действий судебного пристава-исполнителя, в случае, когда в отношении должника арбитражным судом возбуждено дело о банкротстве.

Так, до настоящего времени арбитражные суды ссылаются на разъяснения, изложенные в абзаце 11 пункта 11 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации

от 31.05.2011 № 145 [2], указывая, что Российская Федерация, возместившая вред, который был причинен судебным приставом-исполнителем, и тем самым частично исполнившая обязательство должника, не лишена возможности потребовать от этого лица, неосновательно обогатившегося за счет ее казны, возратить соответствующую сумму (абзац 6 страницы 5 определения Арбитражного суда Рязанской области от 15 октября 2024 года по делу №А54-5488/2019) [3].

При этом суды общей юрисдикции рассматривают дела по регрессным искам к судебному приставу-исполнителю на основании положений пункта 87 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2015 г. № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» [4], в котором разъяснено, что, по смыслу статьи 1081 Гражданского кодекса Российской Федерации, Российская Федерация в порядке регресса вправе взыскать сумму возмещенного вреда с лица, виновного в его причинении (например, апелляционное определение Ульяновского областного суда от 18 апреля 2023 года по делу № 33-1810/2023) [5].

Иными словами, арбитражный суд настаивает на том, что у государственной казны вследствие возмещения вреда взыскателю появляется право предъявления регрессного иска к неосновательно обогатившемуся должнику, а суд общей юрисдикции рассматривает регрессные иски к лицу, виновному в причинении вреда, а именно к судебному приставу – исполнителю.

Поэтому возникает неопределенность в вопросе, может ли в такой ситуации при утрате возможности исполнения решения суда в рамках исполнительного производства должник быть признан лицом, виновным в причинении вреда взыскателю, и может ли в таком случае Российская Федерация возмещать ущерб взыскателю, а затем предъявлять регрессный иск к должнику, прошедшему процедуру банкротства, как определяет арбитражный суд. Относились ли данные разъяснения Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в положении пункта 11 Информационного письма от 31.05.2011 № 145 только для арбитражного процесса и были ли даны только в отношении юридических лиц и подлежат ли применению эти разъяснения в настоящее время в делах о банкротстве граждан.

Кроме того, обнаружилась и неопределенность в вопросе о том, к подсудности какого суда должно быть отнесено рассмотрение спора о возмещении государственной казной денежных средств, которые не смог получить взыскатель в результате виновных действий судебного пристава-исполнителя в рамках исполнительного производства, в случае нахождения в производстве арбитражного суда дела о банкротстве должника.

Видится справедливым, что такой иск к Российской Федерации в лице Федеральной службы судебных приставов о возмещении ущерба за утраченную по вине судебного пристава-исполнителя возможность

исполнения обязательства должника, должен рассматриваться арбитражным судом в рамках дела о банкротстве.

Во-первых, решение по такому спору об исполнении обязательства должника за счет государственной казны влияет на права и обязанности должника, влияет на формирование конкурсной массы должника.

Во-вторых, в процедуре банкротства обязательным участником является финансовый управляющий, в обязанность которого входит своевременное принятие мер по выявлению имущества гражданина, оспариванию сделок гражданина для пополнения конкурсной массы должника и максимального удовлетворения требований кредиторов. И в случае пропуска срока исковой давности финансовым управляющим на подачу заявления об оспаривании сделки должника, кредитор вправе защитить свое нарушенное право на предмет сделки путем предъявления требований к финансовому управляющему о возмещении убытков. Поэтому участие Российской Федерации в лице Федеральной службы судебных приставов России в деле о банкротстве гражданина, в случае предъявления к государственной казне иска о возмещении ущерба взыскателю, является обязательным, так как либо такой иск не будет удовлетворен, поскольку если была утрачена возможность исполнить решение суда в рамках исполнительного производства по вине судебного пристава-исполнителя, допустившего отчуждение имущества должника, то при оспаривании таких сделок в рамках процедуры банкротства и пополнении конкурсной массы, размера конкурсной массы хватит для погашения задолженности перед кредитором, либо при удовлетворении такого иска позволит Российской Федерации предъявить регрессный иск к финансовому управляющему, как к лицу, виновному в причинении убытков конкурсной массе должника, своевременно не оспорившего спорную сделку должника.

Рассмотрим следующее дело о банкротстве гражданина. Должник не был освобожден от исполнения обязательств перед кредитором, поскольку совершил в преддверии банкротства сделку по отчуждению земельного участка, направленную на причинении вреда кредитору (абзац 5 страницы 10 постановления Арбитражного суда Центрального округа от 23 октября 2023 года по делу №А54-5488/2019) **[Ошибка! Источник ссылки не найден.]**. При этом решением Советского районного суда города Рязани от 09 января 2023 года по делу №2-5/2023 исковые требования взыскателя о возмещении за счет средств государственной казны ущерба, возникшего в связи с неправомерными действиями судебного пристава-исполнителя по снятию ареста с земельного участка должника, повлекшими отчуждение должником земельного участка, были удовлетворены **[Ошибка! Источник ссылки не найден.]**. В рамках обособленного спора сделка должника по отчуждению земельного участка не была признана недействительной, поскольку финансовый управляющий пропустил срок исковой давности для оспаривания сделки, кредитор требование о взыскании убытков с финансового управляющего в связи с пропуском срока исковой давности для оспаривания сделки должника не предъявлял [8].

При таких изложенных обстоятельствах кредитор подал заявление о выдаче исполнительного листа о взыскании с должника денежных средств, в том размере, в каком должник не был освобожден от дальнейшего исполнения, то есть его принципиальной позицией являлось то, что кроме убытков, взысканных решением Советского районного суда города Рязани от 09 января 2023 года по делу №2-5/2023 с Российской Федерации в лице Федеральной службы судебных приставов, фактически являвшихся замещением утраченной возможности реального получения денежных средств от должника, на должника должна быть возложена обязанность по погашению той же задолженности.

Такая ситуация с требованием кредитора о выдаче ему исполнительного листа на сумму, от которой должник не освобожден в рамках дела о банкротстве, при наличии решения суда о возмещении убытков за счет средств государственной казны и получении таких денежных средств, является злоупотреблением правом кредитора и стала возможна при отсутствии соответствующих разъяснений.

Исковые требования взыскателя о возмещении убытков, возникших в связи с невозможностью обращения взыскания на земельный участок должника, были рассмотрены судом общей юрисдикции и удовлетворены. Основанием для

удовлетворения требования о возмещении убытков явился факт признания того, что утрачена возможность исполнить обязательства должника за счет обращения взыскания на земельный участок.

Согласно положениям пункта 6 части 1 статьи 13 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» в исполнительном документе должна быть указана резолютивная часть судебного акта, содержащая требование о возложении на должника обязанности по передаче взыскателю денежных средств и иного имущества либо совершению в пользу взыскателя определенных действий или воздержанию от совершения определенных действий [9]. Вступившие в законную силу решения суда являются обязательными для всех без исключения и подлежат неукоснительному исполнению на всей территории Российской Федерации (статья 6 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» [10]), в то время как применительно к рассматриваемым отношениям с учетом разъяснений пункта 44 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2015 г. № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» [11] это регулирование означает, что, выдавая исполнительный лист после завершения дела о банкротстве, суд указывает в нем информацию о возложении на должника обязанности передать взыскателю денежные средства в размере суммы, включенной в реестр, за вычетом сумм, которые были погашены к моменту выдачи листа в рамках банкротных процедур. Вопрос о выдаче исполнительных листов по таким

требованиям разрешается арбитражным судом по ходатайству заинтересованных лиц только в судебном заседании.

Иными словами, при вступлении в законную силу решения суда, выдается исполнительный документ, без выяснения каких-либо обстоятельств и без проведения судебного заседания, так как любое решение суда обладает одинаковыми юридическими свойствами имеет одинаковые правовые последствия. В то время, как определение суда о неприменении правил об освобождении должника с указанием размера денежных средств, является основанием для выдачи исполнительного документа для принудительного исполнения только в судебном заседании с выяснением и определением вопросов о погашении сумм к моменту выдачи документа.

При этом в рассматриваемом случае судом общей юрисдикции к участию в гражданском деле о взыскании с государственной казны ущерба, возникшего в ходе исполнительного производства, были привлечены должник и его финансовый управляющий. Поэтому кажется обоснованным, что данный иск о возмещении ущерба казной должен рассматриваться арбитражным судом в рамках дела о банкротстве гражданина.

Не привлечение же к участию в деле о банкротстве Российской Федерации в лице Федеральной службы судебных приставов России лишило её возможности реализовать право на подачу регрессного иска к финансовому управляющему, как к лицу, виновному в утрате возможности оспорить сделку должника и тем самым вернуть в конкурсную массу должника земельный участок, то есть виновному в возникновении ущерба в рамках дела о банкротстве.

В рассматриваемом деле, произведя отчуждение земельного участка в результате неправомерных действий судебного пристава-исполнителя, должник не смог исполнить установленные судами решения о выплате задолженности кредитору, и в результате чего денежные средства, причитающиеся взыскателю, не были им получены. При этом неправомерные действия судебного пристава-исполнителя повлекли обязанность Российской Федерации в лице Федеральной службы судебных приставов возместить понесенные взыскателем убытки, в связи чем обязательства должника были исполнены за счет денежных средств казны Российской Федерации.

По результатам рассмотрения судом общей юрисдикции иска взыскателя на Российскую Федерацию в лице Федеральной службы судебных приставов России была возложена обязанность возместить ущерб, который по сути является платой за утраченную по вине пристава исполнителя возможность исполнения обязательства должника в рамках исполнительного производства. То есть, Российская Федерация в лице Федеральной службы судебных приставов России фактически возместила средства, которые не смог получить взыскатель в результате виновных действий судебного пристава-исполнителя, тем самым исполнив обязательства за должника и одновременно прекратив их для взыскателя.

При этом обязательство по возмещению денежных средств Федеральной службой судебных приставов за счет казны Российской Федерации ввиду причинения убытков действиями судебного пристава-исполнителя, по своей природе является акцессорным по отношению к обязательству по оплате основной задолженности должника, и направлено на замещение полностью утраченной возможности взыскателя получить от должника основной долг.

При изложенных обстоятельствах, основания для выдачи исполнительного листа на взыскание с должника в пользу кредитора денежных средств, в отношении которых не применены правила об освобождении, отсутствуют, иначе будет иметь место двойное исполнение одного и того же обязательства.

Такие неопределенности в исследуемых вопросах возникли в связи с отсутствием соответствующего правового регулирования данных правоотношений в деле о банкротстве граждан. Полагаем необходимым, внесение изменений в арбитражное процессуальное законодательство в части отнесения спора о взыскании с государственной казны ущерба, возникшего в рамках исполнительного производства, к подсудности арбитражного суда в случае, если в отношении должника уже возбуждено дело о банкротстве. Отнесение такого спора к подсудности арбитражного суда позволит защитить права и законные интересы должника и государственной казны, не лишив ее возможности предъявления регрессного иска к финансовому управляющему, а также позволит пресечь злоупотребление правом кредитора, желающего получить двойное взыскание одного и того же обязательства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шефас П.А. Как методология доктрины loss of chance помогает взыскивать убытки с ФССП // Закон.ru. URL: https://zakon.ru/blog/2017/8/8/kak_metodologiya_doktriny_loss_of_chance_pomogaet_vzyskivat_ubytki_s_pristavovposledstviya_vozmesche (дата обращения: 25.10.2024).

2. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 31.05.2011 №145 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о возмещении вреда, причиненного государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами» // Сайт Верховного Суда РФ. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/arbitration/17519/?ysclid=m2lya611af874068293> (дата обращения: 25.10.2024).

3. Определение Арбитражного суда Рязанской области от 15 октября 2024 года по делу №А54-5488/2019 // Инф. система «Картотека арбитражных дел». URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/76eb9f60-a9ce-477d-9e26-728eaa7c9d72/0ee81e0f-2051-4cd1-a406-989777d186d9/A54-5488-2019_20241015_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 25.10.2024).

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.11.2015 № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» // Сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8459/?ysclid=m2lylv05d0111971987> (дата обращения: 25.10.2024).

5. Апелляционное определение Ульяновского областного суда от 18 апреля 2023 года по делу № 33-1810/2023 // Сайт Ульяновского областного суда. URL: <http://www.uloblsud.ru/index.php?option=3&id=90&idCard=105688&ysclid=m2l9ja2iby868015580> (дата обращения: 25.10.2024).

6. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 23 октября 2023 года по делу №А54-5488/2019 // Инф. система «Картотека арбитражных дел». URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/76eb9f60-a9ce-477d-9e26-728eaa7c9d72/6970bf03-b109-4d91-8ebd-2532b4c4d546/A54-5488-2019_20231023_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 25.10.2024).

7. Сведения о решении Советского районного суда г.Рязани по гражданскому делу №2-5/2023 // Сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <https://vsrfr.ru/lk/practice/appeals/21-35395150#21-35395150> (дата обращения: 25.10.2024).

8. Клепикова О.Г., Климова А.Н., Кошкина И.Г. Конституционная судебная защита при разрешении неопределенности в вопросе о неприменении правила об освобождении должника от исполнения обязательств в деле о банкротстве // Закон и Власть. 2024. №1. С. 9-14.

9. Федеральный закон от 02.10.2007 №229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // Российская газета. №223. 06.10.2007.

10. Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // Российская газета. №3. 06.01.1997.

11. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2015 г. № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» // Сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8455/?ysclid=m2m8qyg74m628026232> (дата обращения: 25.10.2024).

TO THE ISSUE OF CONSEQUENCES OF COMPENSATION OF PROPERTY DAMAGE BY THE TREASURY FOR PARTICIPANTS IN ENFORCEMENT PROCEEDINGS AND BANKRUPTCY CASES

Klepikova O.G., Klimova A.N.

The article examines the issue of compensation by the state treasury to the claimant for property damage that arose within the framework of enforcement proceedings, in the event that an arbitration court has initiated

a bankruptcy case against the debtor. The purpose of the study is to identify the possible consequences of such compensation by the treasury for the participants in the enforcement proceedings: the claimant, the debtor and the bailiff. The authors conclude that the claimant who received compensation from the state treasury actually receives a replacement for the lost opportunity to actually receive funds from the debtor, which excludes the possibility of imposing on the debtor, within the framework of the bankruptcy case, the obligation to repeatedly satisfy the claimant's claims, since there will be a double performance of the same obligation. At the same time, the question of the treasury filing a recourse claim against the person guilty of causing harm remains debatable, since a new mandatory participant in the bankruptcy case appears – the financial manager, who may also be recognized as the person guilty of causing harm.

Keywords: illegal actions of a bailiff, lost opportunity to enforce a court decision, compensation for damages by the treasury, bankruptcy case, financial manager, recourse claim.

УДК 349.444

К ВОПРОСУ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАКОНОПОЛОЖЕНИЙ О ПОРЯДКЕ ПРОВЕДЕНИЯ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ В НОВОСТРОЙКЕ

Климова Анна Николаевна

Заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин,
кандидат юридических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени
С.А.Есенина»,
г. Рязань, Россия
E-mail: a.klimova@365.rsu.edu.ru
SPIN-код: 8987-3027

Клепикова Ольга Геннадьевна

Доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, кандидат
юридических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени
С.А.Есенина»,
г. Рязань, Россия
E-mail: o.klepikova@365.rsu.edu.ru
SPIN-код: 8996-9186

Павлова Ольга Анатольевна

доцент теории права и публично-правовых дисциплин, кандидат
юридических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени
С.А.Есенина»,
г. Рязань, Россия
E-mail: pavlovaoa@365.rsu.edu.ru
SPIN-код: 3464-8475

В статье рассматриваются вопросы применения законоположений о порядке проведения первого общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме. Исследование судебной практики показало, что инициатором внеочередного общего собрания собственников помещений в новостройке может являться любой участник долевого строительства данного многоквартирного дома, а сообщение о проведении такого первого общего собрания в

многоквартирном доме может направляться заказным письмом не по адресу регистрации собственника помещения, а по адресу нахождения помещения в новостройке. Авторами предложено правовое обоснование неконституционности положений частей 2 и 4 статьи 45 ЖК РФ в том смысле, в каком они применяются на практике и позволяет нарушать права собственников МКД, в том числе на свободное волеизъявление при выборе способа управления домом, а также создают коррупционные начала для недобросовестных управляющих организаций, желающих получить новостройку в управление без прохождения конкурса. Авторами предложен вариант оказания воздействия на правоприменительную практику и вариант изменения правового регулирования путем обращения к органу конституционного контроля.

Ключевые слова: порядок проведения общего собрания, новостройка, инициатор собрания, управляющая организация, сообщение о проведении собрания, обход конкурса, конституционный судебный контроль.

Положения части 1 статьи 44 Жилищного Кодекса Российской Федерации устанавливают, что органом управления многоквартирным домом является общее собрание собственников помещений в многоквартирном доме [1]. Однако, на практике возникают сложности при проведении первого собрания в новостройке, поскольку возникает множество вопросов о том, как законно организовать порядок проведения общего собрания собственников помещений, в том числе определить, в какой срок необходимо провести первое общее собрание, кто имеет право принимать участие в таком первом общем собрании, если дом только введен в эксплуатацию и не все лица, принявшие от застройщика помещения в данном доме, зарегистрировали право собственности, а большинство управляющих организаций желают получить под свое управление новостройку без участия в конкурсе.

Некоторые вопросы о проведении общего собрания собственников помещений в новом многоквартирном доме были разрешены Федеральным законом «О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.12.2017 № 485-ФЗ, например, было установлено, что дольщики вправе принимать участие в общих собраниях собственников помещений в многоквартирном доме в течение года со дня выдачи разрешения на ввод многоквартирного дома в эксплуатацию [2]. А также были даны некоторые разъяснения по рассматриваемому вопросу письмом Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ от 26 февраля 2020 г. №5607-ОГ/04 «Об определении наличия кворума при проведении общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме» [3].

Рассмотрим следующее дело, поскольку именно в нем истец указывает на нарушение прав собственников помещений в новостройке

при проведении первого общего собрания и ссылается на недобросовестные и незаконные действия управляющей организации по совершению действий, направленных на получение новостройки в свое управление в обход конкурса, и не предоставлению собственникам выбрать способ управления домом. Так, решением Октябрьского районного суда г. Рязани от 02 августа 2023 года по делу №2-393/2023 было отказано в признании решения первого общего собрания собственников помещений в новостройке незаконным [4]. Истец указывал на то, что соответствии со статьей 45 ЖК РФ ответчик не имел права быть инициатором собрания, созывать собрание и составлять повестку дня данного собрания, так как не являлся собственником квартиры, и имел только передаточный акт к договору участия в долевом строительстве, который не подтверждает право собственности на недвижимое имущество. Также истец указывал, что сообщение о проведении собрания были разосланы управляющей организацией, а не инициатором собрания. При этом истец настаивал на том, что в нарушение пункта 2 статьи 161 ЖК РФ на голосование не был предложен собственникам помещений способ управления МКД, собственников помещений лишили возможности выбрать способ управления домом посредством ТСЖ, что также свидетельствовало о том, что заинтересованная управляющая организация пыталась обойти закон с целью получения управления над новостройкой без конкурса.

Суд первой инстанции рассмотрел названные доводы истца о том, что ответчик не мог быть инициатором собрания, и признал их противоречащими положениям части 1.1 статьи 44 ЖК РФ, тем самым определив, что инициатором собрания вправе быть не только собственник помещения в новостройке, а почтовую корреспонденцию с сообщением о проведении собрания вправе направлять управляющая организация по адресу помещений, находящихся в новостройке.

Апелляционным определением Рязанского областного суда от 14 февраля 2024 года решение Октябрьского районного суда г. Рязани от 02 августа 2023 года по делу №2-393/2023 было оставлено без изменения [5]. Тем самым суд апелляционной инстанции подтвердил, что инициатором собрания в новостройке может быть не только собственник помещения, но и лицо, принявшее от застройщика по передаточному акту помещение, а также апелляционная инстанция указала, что «Сообщение о проведении собрания может быть направлено не по адресу регистрации данного собственника, а в адрес принадлежащего такому собственнику помещения в многоквартирном доме, в котором планируется провести общее собрание (разъяснения Минстроя России от 26.02.2020 № 5607-ОГ/04)».

Полагаем, что такое расширительное толкование положений части 2 и части 4 статьи 45 ЖК РФ, которое дано правоприменителем, противоречит положениям части 3 статьи 17, части 1 статьи 19, статьи 24, части 1 статьи 46, части 3 статьи 55 Конституции РФ и не соответствует воле законодателя, а также создает условия для коррупционного поведения управляющих организаций, желающих заполучить в управление новостройку.

Нарушение положений части 3 статьи 17, части 1 статьи 19, части 1 статьи 46, части 3 статьи 55 Конституции РФ. Такое истолкование части 2 статьи 45 ЖК РФ, которое дано судом, свидетельствует о том, что любое лицо, принявшее от застройщика по передаточному акту или иному документу о передаче помещения, которое в дальнейшем может и не стать собственником помещения, вправе созвать собрание, быть инициатором собрания. А также такое лицо, не являющееся собственником помещения, может быть не заинтересовано в выборе способа управления дома, как это и произошло в конкретном деле, а имело место заинтересованность и аффилированность с конкретной управляющей организацией.

Наделение любого лица, принявшего от застройщика по передаточному акту или иному документу о передаче помещения, правом быть инициатором собрания существенно нарушают право собственника, действовать в своих интересах.

В настоящем деле инициатором собрания являлось лицо, принявшее от застройщика по передаточному акту квартиру в новостройке, которое не принимало даже участие в голосовании, а только являлось номинальным инициатором собрания в интересах управляющей организации, с повесткой проведения собрания на кабальных условиях для собственников помещений, что не соответствует воле законодателя и противоречит в том числе положениям части 1 статьи 46 Конституции РФ, поскольку собственники помещений в судебном порядке не могут ссылаться на положения части 2 статьи 45 Жилищного кодекса Российской Федерации, которыми установлено, что созывать общее собрание вправе только собственник помещения. Упоминание о праве дольщиков по организации общего собрания собственников МКД в Жилищном кодексе РФ или ином нормативно-правовом акте отсутствует. При этом созывать собрание и принимать участие в общих собраниях помещений в многоквартирном доме – это разные действия имеющие разные юридические последствия.

Так, в рассматриваемом деле истец указывал, что судебными инстанциями не установлены обстоятельства, имеющие значение для дела, а именно не установлены обстоятельства получения лицами, принявшими голосование в первом общем собрании собственников новостройки, бланков решений по вопросам повестки голосования, а также и тот момент, кем были изготовлены бланки частично машинописным текстом, что свидетельствует о вмешательстве в голосование заинтересованной управляющей организации, которая каким-то способом получила персональные данные дольщиков МКД [5].

Указанные обстоятельства о том, что в листы для голосования (бюллетени) в графы были внесены: фамилия, имя, отчество, номер квартиры, площадь квартиры, реквизиты документа права собственности, доля в праве машинописным текстом, свидетельствуют о том, что у инициатора собрания заранее имелись указанные персональные данные граждан, а также свидетельствует о нарушении порядка проведения собрания и нарушения принципов свободы волеизъявления.

Нарушение положений статьи 24 Конституции РФ. Судебные инстанции всех уровней настаивают на том, что обязанность инициатора собрания о сообщении собственникам помещений в МКД о проведении собрания считается исполненной и в случае, если заказным письмом будет направлено сообщение любым иным лицом, без получения такого заказного письма адресатом, лишь бы был подтвержден факт направления почтовой корреспонденции по месту нахождения помещений в МКД.

Данное истолкование положений части 4 статьи 45 ЖК РФ не соответствует воле законодателя, а также противоречит здравому смыслу, так как истинным смыслом является надлежащее извещение собственника помещений в МКД о проведении собрания, вручение данному лицу сообщения о проведении собрания, а не формальное направление некой заказной корреспонденции определённой управляющей организацией по адресу места нахождения помещений в МКД, которое только было сдано в эксплуатацию и еще не заселено собственниками помещений.

В определении Второго кассационного суда общей юрисдикции от 30 мая 2024 года по делу №88-10848/2024 указано, что гражданин ходатайствовал о направлении запроса в Конституционный Суд Российской Федерации о проверке примененных в деле взаимосвязанных положений, содержащихся в части 2 и части 4 статьи 45 ЖК РФ, но суд кассационной инстанции не удовлетворил данное ходатайство кассатора, поскольку обращение с запросом в Конституционный Суд Российской Федерации является правом, а не обязанностью суда, а также отметив, что заявитель жалобы вправе самостоятельно обратиться в Конституционный Суд Российской Федерации [6].

Возможность заявления в суде кассационной инстанции ходатайства о направлении запроса позволяют гражданину обратить внимание суда на неопределенность в вопросе применения норм права по данному делу [7], постараться убедить суд в своей правовой позиции. Однако, суд кассационной инстанции перечислив доводы кассатора, свидетельствующие о неверном истолковании применяемого закона, о том, что сообщения о проведении собрания направлены не инициатором собрания и не по адресу регистрации собственников помещений новостройки, и о том, что инициатор собрания не являлся собственником помещений в новостройке и поэтому не имел право быть инициатором собрания, отклонил их, так как посчитал, что они по существу сводятся к несогласию с выводами судов первой и апелляционной инстанций и направлены на иную оценку доказательств по делу, а потому основанием к отмене судебных актов являться не могут [6].

Поскольку в рассмотренном деле гражданином исчерпаны все средства защиты и пройдены все инстанции для обжалования судебного акта, согласно сведений размещенных на сайте Верховного Суда Российской Федерации в карточке производства 6-КФ24-142-К2 [8], а также имеется письмо Министерства строительства и жилищно-

коммунального хозяйства Российской Федерации от 26 февраля 2020 г. №5607-ОГ/04, которое признано в данном деле судебными инстанциями официальным государственным разъяснением применения положений части 4 статьи 45 ЖК РФ, то в настоящий момент гражданин вправе обратиться к органу конституционного контроля для возможности устранения неконституционного истолкования закона [9] в той мере, в которой эти законоположения позволяют недобросовестным управляющим организациям в обход закона получать в свое управление новостройки путем представления инициатором собрания не собственника помещения, не заинтересованного в реализации прав собственников помещений, и направлять корреспонденцию по месту нахождения помещений в многоквартирном доме.

Обращение к органу конституционного контроля в данном случае может стать импульсом к качественным изменениям в сфере правового регулирования при выборе способа управления в новостройке [10], поскольку позволит обратить внимание не только на проблему неконституционного истолкования и применения закона – части 2 и 4 части 45 ЖК РФ, но и предоставит возможность обнаружить дефектность положений части 13 статьи 161 ЖК РФ, в той мере, в которой эти законоположения допускают недобросовестные действия управляющих организаций, желающих без конкурса установить управление над новостройкой. Поэтому полагаем, что в рамках конституционного судебного контроля может быть выявлен истинный конституционно-правовой смысл законоположений, устанавливающих, кто вправе быть инициатором общего собрания собственников помещений в новостройке, а также устанавливающих порядок направления заказных писем по месту регистрации собственника помещения (либо лица, получившего от застройщика по передаточному акту помещение), что позволит пресечь основания для коррупционного поведения управляющих организаций, желающих заполучить в управление новостройку без проведения конкурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/ (дата обращения: 20.11.2024).

2. Федеральный закон «О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.12.2017 № 485-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286774/?ysclid=m3k5goz5ov959554427 (дата обращения 20.11.2024).

3. Письмо Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ от 26 февраля 2020 г. № 5607-ОГ/04 Об определении наличия кворума при проведении общего собрания

собственников помещений в многоквартирном доме // СПС «Гарант».
URL:

<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73574239/?ysclid=m3k6k371re734063376> (дата обращения: 20.11.2024).

4. Решением Октябрьского районного суда г.Рязани от 02 августа 2023 года по делу №2-393/2023 // Сайт Октябрьского районного суда г.Рязани. ГАС РФ «Правосудие». URL: https://oktiabrskyriz.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=121954403&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 20.11.2024).

5. Апелляционное определение Рязанского областного суда от 14 февраля 2024 года // Сайт Рязанского областного суд Рязанской области. URL: https://oblsud--riz.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=15846608&delo_id=5&new=5&text_number=1 (дата обращения: 20.11.2024).

6. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 30 мая 2024 г. по делу № 88-10848/2024 // Сайт Второго кассационного суда общей юрисдикции. URL: https://2kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=11526953&case_uid=bfc5fc4d-5422-46ca-8068-46289f6d4f76&new=2800001&delo_id=2800001 (дата обращения: 20.11.2024).

7. Клепикова О.Г., Гладун А.Н. Конституционализация правосудия: признание в конституционном судопроизводстве принципа субсидиарности // В сборнике: Проблемы конституционно-правового развития России. Сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Дню Конституции Российской Федерации. Ростов-на-Дону, 2021. С. 157-162.

8. Карточка производства 6-КФ24-142-К2 // Сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <https://vsrf.ru/lk/practice/appeals/21-35458094#21-35458094> (дата обращения: 20.11.2024).

9. Клепикова О.Г., Гладун А.Н. Потенциал конституционного контроля в области защиты прав и свобод гражданина // Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции. Владивосток. 2023. С. 50-54.

10. Клепикова О.Г. Жалоба в Конституционный суд России: возможности и правовые последствия // Юридическая гносеология. 2017. №2. С. 50-57.

**ON THE QUESTION OF APPLICATION OF LAWS
ON THE PROCEDURE FOR HOLDING A GENERAL MEETING
IN A NEW BUILDING**

Klimova A.N., Klepikova O.G., Pavlova O.A.

The article examines the application of legal provisions on the procedure for holding the first general meeting of owners of premises in an apartment building. A study of judicial practice has shown that any participant in the shared construction of this apartment building can be the initiator of an extraordinary general meeting of owners of premises in a new building, and a message about holding such a first general meeting in an apartment building can be sent by registered mail not to the registration address of the owner of the premises, but to the address of the premises in the new building. The authors propose a legal justification for the unconstitutionality of the provisions of Parts 2 and 4 of Article 45 of the Housing Code of the Russian Federation in the sense in which they are applied in practice and allow violating the rights of owners of apartment buildings, including the right to free expression of will when choosing a method of managing the house, and also create corrupt principles for unscrupulous management organizations wishing to receive a new building for management without going through a competition. The authors propose an option for influencing law enforcement practice and an option for changing legal regulation by contacting the constitutional control body.

Keywords: procedure for holding a general meeting, new building, meeting initiator, management organization, notice of holding a meeting, bypassing the competition, constitutional judicial review.

УДК 347.4

КОНЦЕССИЯ КАК ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА

Коноваленко Ольга Леонидовна

К.ю.н., доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема»

E-mail: konovalenko_ol@mail.ru

Гуменюк Елена Валентиновна

К.ю.н., доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дальневосточный государственный университет путей сообщения».

Статья посвящена анализу концессии как формы реализации государственных функций. В работе рассматриваются теоретические основы концессии, ее история, современные тенденции развития, а также особенности правового регулирования в различных сферах, в том числе в сфере коммунальной инфраструктуры, образования, здравоохранения и других.

В статье проанализированы преимущества и недостатки концессии как механизма передачи государственных функций частному сектору, а также выявлены ключевые риски и проблемы ее практического применения. Особое внимание уделено вопросам эффективности концессионных соглашений, а также влиянию концессии на развитие государственно-частного партнерства.

Авторы предлагают ряд рекомендаций по совершенствованию правовой базы и механизмов реализации концессионных проектов в целях оптимизации использования государственных ресурсов и повышения эффективности государственного управления.

Ключевые слова: Концессия, государственные функции, правовое регулирование, риски, современные тенденции, проблемы, коммунальная инфраструктура, концессионное соглашение, риски, эффективность.

Успешное и долгосрочное социальное и экономическое развитие современного государства возможно только при тесном взаимодействии

государства и бизнеса, но не просто создание со стороны государства определенных и жестко контролируемых условий, а продуманная направленная деятельность и эффективные механизмы, позволяющие достичь взаимного положительного результата.

Государство, реализуя внутренние и внешние функции, регулирующие различные сферы общественной жизни – от политики до экономики и социального обеспечения, создает условия для стабильного развития общества. Что включает в себя:

- правовую базу, установление законов и норм, регулирующих социальные отношения, защиту прав граждан и обеспечение правопорядка;

- экономическую инфраструктуру, включающую поддержку и развитие базовых отраслей экономики, обеспечение условий для ведения бизнеса и привлечения инвестиций;

- социальное обеспечение, состоящие из системы социальной защиты, здравоохранения и образования, направленных на улучшение качества жизни граждан.

Для современных государств социальная политика не просто область суверенных полномочий, это обязанность, исполнение которой требует значительных усилий. Для эффективной социальной деятельности государства необходимо очень четко структурировать социальные проекты, что необходимо именно сейчас, а какие проекты могут подождать. В данных условиях современные государства пытаются найти механизмы минимизации своих расходов с тем, чтобы получить необходимый результат с наименьшими затратами. В данный момент экономике нашей страны важны разные и не только крупные проекты связанные с развитием инфраструктуры, но даже на реализацию небольших проектов не всегда достаточно финансовых средств.

Исторически государственный сектор возник как поставщик социальных услуг и создатель инфраструктуры. Тем не менее, государство не всегда способно справиться с возрастающими требованиями к инфраструктуре, главной преградой здесь является нехватка финансов. Для расширения ограниченных ресурсов государства в области инфраструктуры необходимо стимулировать участие частного сектора, создавая условия, способствующие более активному вовлечению бизнеса. Эффективное управление имуществом публичных образований с использованием различных методов по-прежнему остается актуальным. Оптимальным решением в такой ситуации, является применение концессии. Слово концессия имеет латинское происхождение – «concessio», что означает «разрешать». Тем самым, концессия представляет собой особую форму разрешения, выданное государством «частному» бизнесу на осуществление управления государственным имуществом. Выгоду от этого сотрудничества получают и государство, и бизнес. Важным условием концессии является управление, эксплуатация и предоставление услуг в течении определенного времени[4].

В данный момент, концессия особенно заметна в коммунальной

инфраструктуре, которая является основой для экономики стран и удовлетворяет потребности населения. Коммунальная инфраструктура включает в себя инженерные системы, коммунальные услуги, а также управление общественными территориями. Учитывая, что контроль за такими объектами не может происходить без участия государства, необходимо, чтобы у него были ресурсы и знания для эффективного управления. Однако последнее время отмечается применение концессионных соглашений при создании: школ, поликлиник, спортивных объектов, центров детского творчества и т.п. Сложившаяся практика показывает, что не все проекты, которые реализуются с использованием концессионных соглашений могут создавать высокую прибыль. В таких проектах прибыль для частных инвесторов обеспечивает государство (частный инвестор за счет собственных средств создает объект, а государство компенсирует его затраты определенными платежами). Самым главным преимуществом при применении концессионных соглашений является, то что государство имеет возможность получить реализацию проекта «сейчас», при этом возмещать затраты инвестора в рассрочку (см: таблица 1).

Таблица 1 – Важнейшие задачи участников концессионного соглашения

Участники	Задачи	
	Социальные	Экономические
Концедент	Организация условий для профилактики безработицы	Привлечение инвестиций для поддержания существующих материально-технических объектов, создания новых
	Повышение уровня образования и квалификации персонала	Создание импортозамещающих производств на основе новых технологий производства и управления
	Снижение социальной напряженности	Обновление основных фондов предприятий
Концессионер	Создание хорошо оплачиваемых рабочих мест, безопасной рабочей среды за счет использования современных технологий	Диверсификация бизнеса посредством включения в производственно-технологическую цепочку новых производств
	Экологическая безопасность	Расширение рынков сбыта продукции
	Предоставление потребителям качественных товаров и услуг	Создание замкнутого цикла производства

Концессионное соглашение позволяет бизнесу извлекать прибыль при использовании государственной собственности, но именно

использовать, для коммерческого производства товаров или предоставления услуг, к примеру, коммунальных [1].

Одной из самых важных особенностей концессионного соглашения является его гибкость. Во-первых, оно может применяться к различным видам государственного имущества, автомобильные дороги, железнодорожное полотно, мосты, тоннели, аэропорты, взлетные полосы, морские и речные порты, гидроэлектростанции, добыча полезных ископаемых и т.п.

Для заключения концессионного соглашения необходимо учесть следующие условия:

- концессионер обязан модернизировать государственный объект;
- концессионер обязан вносить концессионные платежи;
- концессионер обязан предоставлять гражданам только качественные услуги;
- возврат, передача принадлежащего государству имущества по истечении срока концессии или выполнения всех условий (к примеру: строительство или реконструкция объекта коммунальной инфраструктуры).

Таким образом, концессия – это лишь форма государственно-частного партнерства, но наиболее распространённая и «комфортная» для применения.

Одним из ключевых аспектов концессии является возможность привлечения частных инвестиций в строительство и модернизацию объектов социальной инфраструктуры [1]. Частные компании, располагая современными технологиями и эффективными управленческими подходами, способны оптимизировать процессы и повысить уровень обслуживания. Это особенно актуально в сферах, где бюджетные ресурсы ограничены, а требования общества к качеству услуг растут.

Применение концессионных соглашений способствует улучшению качества инфраструктуры и услуг, привлечению частных инвестиций и оптимизации государственных расходов. Однако для достижения наиболее эффективных результатов необходимо создать четкую правовую базу и обеспечить контроль за выполнением условий соглашений. Тщательное планирование и анализ рисков позволят максимально использовать потенциал концессий в интересах общества.

Несмотря на наличие законодательства, регулирующего концессионные отношения, практическое применение этих норм часто вызывает затруднения. Неопределенности в правовых аспектах контрактации, отсутствие гармонизации условий концессий между различными отраслями могут привести к правовым спорам и замедлению процесса реализации инвестиций, что отпугивает частных инвесторов. Правовую основу использования концессий на территории Российской Федерации определяет и регулирует федеральный закон «О концессионных соглашениях» от 21 июля 2005 года № 115-ФЗ. Основная цель данного нормативного акта заключается в привлечении инвестиций в экономику России, обеспечении рационального использования государственного и муниципального имущества на

основании концессионных соглашений и улучшении качества товаров и услуг, предоставляемых населению[2].

Анализируя положения ФЗ № 115, можно утверждать, что концессионное соглашение представляет собой договор между концедентом (федеральным или региональным правительством, органами местного самоуправления) и концессионером (индивидуальным предпринимателем или юридическим лицом, зарегистрированным на территории Российской Федерации, либо действующим на основании договора простого товарищества)[3].

Концессии имеют большой потенциал для решения социальных и инфраструктурных задач в Российской Федерации, однако их реальная реализация сталкивается с множеством проблем, требующих системного подхода и более четкой стратегии. Концессионное соглашение дает бизнесу возможность получать прибыль от использования государственной собственности для коммерческого производства, например, в сфере коммунальных услуг. Сроки управления государственным имуществом обычно варьируются от 10 до 50 лет, с возможностью продления при согласовании с антимонопольным органом.

Таким образом, концессионные соглашения могут быть краткосрочными или долгосрочными, в зависимости от целей и объема инвестиций. Контроль за соблюдением условий соглашения остается за концедентом, который также проверяет качество услуг и соблюдение норм безопасности.

Чтобы повысить интерес частного сектора к таким проектам, необходимо создать более надежную правовую базу, упростить бюрократические процедуры, обеспечить благоприятный инвестиционный климат, снизить риски и повысить уровень общественного участия и ответственности. В решении этих проблем кроется возможность эффективного использования концессий как инструмента для развития экономики и повышения качества жизни граждан.

Успешность применения концессионных соглашений, зависит от многих факторов:

- развиваться концессионное соглашение может только по инициативе публичного субъекта, то есть инициатива не может исходить от бизнеса, и этого очень негативно сказывается на эффективности при начале взаимодействия. Но это выступает определенной защитой для публичного субъекта, так как концессии чаще всего используются в масштабных проектах;

- государство независимо создает условия для применения концессионных соглашений и определяя области применения. Так, в основном объекты, которые могут быть предметом концессии перечислены в статье 4 федерального закона «О концессионных соглашениях» № 115-ФЗ два из которых были добавлены в 2023 и 2024 годах;

- концессионные соглашения реализуют публичный интерес, который в момент подписания очень важен для конкретного публичного субъекта.

Еще очень важным аспектом является прибыльность концессионного соглашения, если бизнес не получит потенциальной возможности получить прибыли, то весь смысл концессионного соглашения теряться. В то же время возможности прибыльности, не должны приводить к нарушениям со стороны бизнеса при использовании договора коммерческой концессии. Компании не всегда желают соблюдать признаки добросовестности заключая договор коммерческой концессии, и не только в момент регистрации, но самое главное при первоначальном формировании договора, не учитывают то, что в предмет обязательно включается товарный знак, интеллектуальные продукты, ноу-хау. Еще один очень важный момент согласование вознаграждения и не просто сумма, но и алгоритм ее определения, способы определения могут быть разными, разовый платеж, паушальный взнос или периодические платежи, или сочетание того и другого. Часто в договоре коммерческой концессии есть положения, которые ограничивают права сторон и к которым стороны бывают не готовы, например, не конкурировать на территории применения договора, отказ от получения аналогичных прав у конкурентов или работа по единым ценам, которые устанавливаться на все время действия договора.

Социальная функция государства именно та область деятельности, в которой необходимость применения концессионных соглашений явна. Но очень важно то, что концессионные соглашения – это непосредственно именно партнерские отношения между государством и частным инвестором и эти отношения позволяют в той ситуации, когда есть проект и без участия государства он не может быть реализован, реализовать его. Именно эту возможность использует социальная инфраструктура.

ЛИТЕРАТУРА

1. Экономика и право в новых реалиях: вызовы современности: монография / Коноваленко О.Л., Гуменюк Е.В., Пронин А.А. – г. Ростов-на-Дону: Манускрипт, 2024. – С. 67-83.

2. Чибисов О.В. Особенности перехода от традиционной экономики к экономике устойчивого развития в условиях государственного частного партнерства / О.В. Чибисов // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2020. № 11.- С. 80 – 85. DOI: 10.37882/2223-2974.2020.11.37.

3. Дорожко А.А. Проекты государственного частного партнерства в Вологодской области / А.А. Дорожко // Современное управление: векторы развития: материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Калининград, 23 декабря 2020 г.): сборник научных статей / члены редакционного совета: И.Ю. Кукса, Е.Н. Горелова, С.Б. Синецкий [и др.]; составитель В.И. Шаронов; председатель

редакционного совета М.Ю. Плюхин. Калининград: РА Полиграфычъ, 2020. – С. 40 – 43.

4. Кириллова Е.А. Механизм реализации региональных инновационных процессов в форме инновационного государственно-частного партнерства / Е.А. Кириллова // Russian Economic Bulletin. 2022. Т. 5. № 1. – С. 181 – 188.

5. Аганбегян А.Г. О целевой направленности региональной стратегии социально-экономического развития // Экономические стратегии. 2020. Т. 22. № 1 (167).- С. 6 – 17. DOI: 10.33917/es-1.167.2020.6-17.

6. Балацкий Е.В. Факторы технологической модернизации в России и типовые ошибки институциональных реформ / Е.В. Балацкий, Н.А. Екимова // Journal of Economic Regulation. 2020. Т. 11. № 4. – С. 6 – 21. DOI: 10.17835/2078-5429.2020.11.4.006-021.

7. Крючкова Е. Концессии по-дальневосточному. Макрорегиону предложен особый порядок использования этого механизма / Е. Крючкова // Коммерсантъ. 2021. 12 июля.

8. Кряклин К.В. Государственно-частное партнерство как основной механизм государственного управления национальными проектами / К.В. Кряклин // Russian Economic Bulletin. 2021. Т. 4. № 1. – С. 121 – 125.

CONCESSION AS A FORM OF IMPLEMENTATION SOCIAL FUNCTION OF THE STATE

Konovalenko O.L., Gumenyuk E.V.

The article is devoted to the analysis of concession as a form of implementation of state functions. The work examines the theoretical foundations of the concession, its history, current development trends, as well as the features of legal regulation in various fields, including in the field of communal infrastructure, education, healthcare and others.

The article analyzes the advantages and disadvantages of concessions as a mechanism for transferring government functions to the private sector, and also identifies key risks and problems in its practical application. Particular attention is paid to the effectiveness of concession agreements, as well as the impact of the concession on the development of public-private partnerships.

The authors offer a number of recommendations for improving the legal framework and mechanisms for implementing concession projects in order to optimize the use of public resources and increase the efficiency of public administration.

Keywords: Concession, government functions, legal regulation, risks, current trends, problems, utility infrastructure, concession agreement, risks, efficiency.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 343.9

АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРОФИЛАКТИКЕ РАДИКАЛИЗМА СРЕДИ МОЛОДЕЖИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕТОДИК ПРОФИЛАКТИКИ

Азимов Эльдар Мехтиярович

Старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса,
Институт экономики и права,
Петрозаводского государственного университета,
г. Петрозаводск, Россия
E-mail: aem333@yandex.ru

Колесник Иван Дмитриевич

Студент бакалавриата
направления подготовки «Юриспруденция»,
Петрозаводский государственный университет,
г. Петрозаводск, Россия

В статье раскрываются основные проблемы законодательного регулирования вопросов профилактики терроризма и экстремизма среди несовершеннолетних. Авторами систематизированы воззрения правоведов (не получившие до настоящего момента нормативного закрепления), содержащие трактовку ряда явлений, имеющих место в сфере профилактики проявлений терроризма и экстремизма среди несовершеннолетних. Одним из важнейших аспектов, по мнению авторов, следует считать выявление и описание причин и условий радикализации несовершеннолетних. В процессе исследования был

изучен характер правовой регламентации рассматриваемой сферы правоотношений в соотнесении с эффективностью практической реализации мероприятий по предупреждению проявлений терроризма и экстремизма среди лиц указанной категории. По итогам изучения актуальной нормативно-правовой базы и обширного эмпирического материала был сделан вывод об отсутствии на региональном уровне системного подхода к анализу значения, причин и условий роста преступности экстремистской и террористической направленности в среде несовершеннолетних. Наряду с этим авторы акцентируют внимание на ущербности чрезмерно широкого толкования понятия «профилактика правонарушений», предлагая возможные пути решения данной теоретической проблемы посредством подробной регламентации качественных признаков, свойственных радикализации несовершеннолетних как социально-правовому явлению.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, радикализм, радикализация несовершеннолетних, профилактика экстремизма, методики профилактики, законодательство о профилактике.

Профилактика радикализма среди молодежи является одним из актуальных направлений противодействия преступности на современном этапе. Об этом свидетельствует обширный пласт нормативной документации, ориентированной на правовое регулирование вопросов, связанных с этим проблемным полем.

Основным законодательным актом, регламентирующим государственную политику в сфере предупреждения криминализации общества, является Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [1]. Специфику профилактики правонарушений среди лиц рассматриваемой возрастной категории раскрывает Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [2]. Отдельного внимания заслуживают также положения федеральных законов «О противодействии экстремистской деятельности» (ст. 5) и «О противодействии терроризму» (п. 4 «а», ст. 3), которые в качестве одного из направлений противодействия терроризму и экстремизму выделяют также профилактические мероприятия [3; 4].

Научное юридическое сообщество едино во мнении, что молодежь является одной из наиболее уязвимых социальных категорий в плане потенциального деструктивного влияния со стороны экстремистских сил, целью которых выступает формирование антисоциальной и антигуманной системы ценностей у подростков и молодежи, провоцирование их к совершению противоправных действий [5].

Кроме того, об остроте проблематики, касающейся профилактики криминального поведения среди подростков, свидетельствует также активизация агитационной работы в молодежной среде со стороны профильных ведомств, в том числе в форме издания и распространения

материалов популярного и методического характера, обобщающих опыт противодействия проявлениям радикализма (более подробно эта тема будет раскрыта ниже). При этом, по нашему мнению, далеко не всегда количество агитационных материалов и способ подачи представленной в них информации соответствуют уровню, требующемуся для глубокого осознания молодым человеком всей серьезности проблемы и формирования у него нетерпимости к деструктивным явлениям подобного рода.

Рассуждая о содержании термина «профилактика», считаем важным обратить внимание на его трактовку в ст. 2 ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [1], согласно которой профилактика правонарушений представляет собой совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения. Логичным развитием данного тезиса могло бы стать прояснение того, что законодатель понимает под «причинами» и «условиями», способствующими совершению правонарушений. Однако указанный документ, как и другие нормативные источники, не дает однозначного ответа на этот вопрос.

Определенные идеи на этот счет содержатся в работах ряда исследователей, занимавшихся рассматриваемой проблематикой. Предваряя обзор их версий трактовки, считаем важным проанализировать доктринальные различия понятий «причины» и «условия».

В общем случае «причинами преступности» именуется некоторую совокупность социальных явлений и процессов, которые во взаимосвязи с определенной сложившейся обстановкой детерминируют сам факт существования такого негативного социального явления, как преступность, а также обуславливают его структуру как правовой категории (в частности такого элемента, как индивидуальное преступное поведение). «Условия» же представляют собой совокупность явлений, которые по своей природе не могут самостоятельно вызвать к жизни такое социальное явление, как преступность, но являются значимыми компонентами, способствующими ее возникновению, существованию и развитию в обществе [6].

Некоторые исследователи подразделяют причины на «общие» и «специфические». Например, А.А. Курявый рассматривает специфические (индивидуальные) причины как взаимодействие определенных свойств личности, в частности психологических, нравственных и моральных, которые образовались под влиянием различных негативных факторов в процессе становления личности, конкретной ситуации и сложившейся обстановки, что в совокупности вызывает у конкретного лица намерение и решимость нарушить норму права, совершив уголовно наказуемое деяние [6].

Возвращаясь к проблеме оценки содержания причин и условий, способствующих совершению правонарушений, на предмет внедрения в него радикалистских начал, отметим, что к общим причинам исследователи относят факторы социального, политического, экономического, религиозного, психологического и иного характера (например, дефекты воспитания в семье, повлекшие за собой нравственную деградацию индивида; снижение уровня культуры и игнорирование норм морали в обществе; сложности с профессиональным самоопределением и занятостью, недостаточный уровень материального благополучия и т.д.) [7].

Что касается трактовки понятия «специфические причины», то в юридической литературе отсутствует единый подход к описанию конкретных признаков такой «специфичности», что, по нашему мнению, обусловлено трудностью выявления какой-либо определенной мотивации у индивида, обратившегося к идеологии экстремизма. Так, В.В. Лунеев в этой связи выделяет набор определенных свойств (мотивация самоутверждения, стремление получить признание в референтной среде, служение фанатичной идее «спасения» мира, агрессивность, проявление крайней нетерпимости к инакомыслию и т.д.) [8]. Подобное видение мы можем встретить и в зарубежных трудах по криминологии: в частности, самоутверждение, самоидентификацию, романтизацию и героизацию терроризма, преодоление отчуждения, конформизм, безличность относят к детерминантам терроризма [9].

Изучив теоретические воззрения различных авторов, мы пришли к выводу, что представленные в законодательстве предполагаемые детерминанты противозаконного поведения в среде несовершеннолетних выступают скорее общими причинами, в то время как о субъективных специфических причинах в законодательстве прямо практически не говорится.

Прояснение природы «причин» и «условий», приводящих к антисоциальному, радикальному поведению части молодежи, позволяет сформировать представление о возможных методах предупреждения правонарушений подобного рода в подростковой среде.

Анализ профилактических методов был произведен на основе двух методических разработок, направленных на опережающее противодействие распространению экстремистских взглядов, радикалистской идеологии и прочих разрушающих гражданское правосознание убеждений в молодежной среде. Данные методики оформлены в виде самостоятельных изданий, их контент подготовлен одной из крупнейших российских структур, официально осуществляющей координацию деятельности различных профильных ведомств и социальных институтов в части борьбы с радикализацией общества. В ходе исследования была произведена оценка структуры, содержания и способа подачи дидактического материала в вышеуказанной специализированной методической литературе, включая свод рекомендованных адресных профилактических

мероприятий по пресечению радикализации мировоззрения несовершеннолетних.

При выборе объекта исследования авторы руководствовались соображениями практической релевантности, методической ценности и педагогической целесообразности информационно-аналитического материала, изложенного в данных изданиях. В качестве базовых критериев отбора, способствовавших, в том числе, широкому распространению данной печатной продукции, рассматривались:

- прикладной аспект работы с приведенными методическими руководствами со стороны наставников (кураторов) подростковой аудитории в учебных заведениях;
- качество оформления изданий;
- структура и логика изложения материала;
- популярность контента и самих изданий среди пользователей представленной в них информации (педагогов, в первую очередь).

Заметим: ни в одном издании не указано, какие «причины» или «условия», потенциально способствующие совершению правонарушений, должны быть купированы в результате использования данных методик. В этой связи представляется проблематичным в полной мере оценить собственно методическую эффективность указанных разработок (поскольку указана цель (профилактика правонарушений), но не сформулирован предмет (причины и условия, способствующие противоправным действиям) применения методики). Иными словами, пользователь методики не имеет возможности установить, с какими антисоциальными явлениями ему необходимо бороться в молодежной среде, профилактику чего именно он осуществляет.

Безусловно, в ряде случаев, педагог, используя рекомендуемый в издании методический аппарат, в состоянии составить обобщенное видение тех причин и условий, которые могут привести к антиобщественной активности в подростковой среде. Но это возможно в случае, если он: а) обладает достаточным уровнем правовой компетентности и б) само методическое руководство включает в себя указывающий на такие «причины» и «условия» контекст.

Так, например, мероприятие под названием «Тематический квиз», содержащееся в одном из анализируемых нами изданий, ориентирует педагога на решение следующих задач при работе с молодежной аудиторией:

- повышение правовой грамотности среди обучающихся;
- формирование установок у обучающихся о деструктивной сущности идеологии терроризма и террористической деятельности;
- демонстрацию позитивных эффективных практик по противодействию идеологии терроризма.

В представленном здесь перечне невозможно однозначно выделить доминанту – упорядочить задачи по их значимости и взаимосвязям. И хотя в данном случае можно постараться сформулировать «причины» и «условия», на нейтрализацию которых направлена методика, – скажем, «отсутствие правовой грамотности

среди обучающихся» или «отсутствие понимания у обучающихся деструктивной сущности идеологии терроризма и террористической деятельности», но такие причины и условия выглядят слишком размытыми по своему содержанию и слишком абстрактными.

Кроме того, в сборнике адресных профилактических мероприятий в ряде случаев – например, в разделе «Квест по профилактике экстремизма "Подумай о последствиях"», – в качестве целевых установок приведены весьма отвлеченные формулировки – «профилактика/противодействие терроризму/экстремизму» без выделения детерминант противоправных действий, что, по нашему мнению, еще более осложняет практическое использование методики.

В то же время, на наш взгляд, адресность методики требует обратного – а именно: подробного описания причин и условий потенциальных противоправных поступков. Такая конкретизация локальных целей свидетельствовала бы о глубоком понимании разработчиками методики сферы ее применения и ее объектов, позволяя без труда оценивать эффективность рекомендуемых профилактических мероприятий.

Наиболее частотными среди объектов описываемых методик профилактики противоправных действий в среде несовершеннолетних являются:

- отсутствие критического мышления (указано в 7 из 20 методик);
- недостаточный уровень правовой грамотности (указано в 5 из 20 методик);
- риск подверженности манипуляциям и мифам (приведено в 8 из 20 методик).

При этом большинство методик концентрируются главным образом на условиях, а не на причинах противоправных действий; к тому же потенциальная эффективность нейтрализации этих условий при использовании предлагаемых методик не обоснована в должной мере. К примеру, такое мероприятие, как «дебаты», в рамках которых одни учащиеся призваны обосновать выдвигаемые тезисы в защиту радикальных идеологий, а другие – опровергать их, выделяется на фоне других форм дидактической работы своей провокационностью. Однако такой подход не решает главной проблемы: согласно тексту методической разработки, одной из первостепенных задач реализации методики является «формирование у студентов антитеррористического сознания», но возможно ли изменить императивы и максимы формирующейся системы ценностей у молодого человека посредством простой систематизации сведений о терроризме, представленных в обобщенном изложении? Отсутствие учета уровня подготовки аудитории, индивидуальных особенностей восприятия материала актуализируют еще одну проблему: трудность контроля того, насколько обучаемая аудитория склонна лояльно воспринимать оправдание радикального поведения в принципе. Ведь в случае, если учебная дискуссия между учащимися, один из которых условно оправдывает антиобщественные действия, а другой оппонировать ему, выступая за

законопослушное поведение, складывается не в пользу противника радикализма, то не будет ли такой исход препятствовать претворению в жизнь цели методики по предупреждению радикальных настроений в среде молодежи? В то же время, если в процессе профилактической агитации будет идти речь только о вреде и негативных сторонах радикализма, без привлечения внимания обучаемых к анализу аргументов, выдвигаемых защитниками деструктивной идеологии, то таким образом, будет создана учебная ситуация далекая от той реальной, с которой несовершеннолетним придется сталкиваться за пределами учебного заведения и в рамках которой каждому из них придется ответить самому себе на вопрос: что есть хорошо и что есть плохо с точки зрения соотнесения перспектив нарушения норм законодательства и выдерживания ответственной гражданской позиции.

Указанные соображения приводят к мысли, что формат дебатов не имеет цели воздействовать на конкретную (хотя бы обобщенную) детерминанту в части профилактики потенциального противоправного поведения. Любопытно, что в характеристике программы мероприятия содержится примечание такого рода: «нельзя допускать, чтобы в рамках профилактической работы студентам, у которых антитеррористическое сознание может не быть еще сформировано, пришлось отстаивать позицию радикализма».

Другое мероприятие, сценарный план которого описан в методическом сборнике, получило название «Холивар». Его суть состоит в том, что «группы риска» (аудитория – реципиент профилактической информации) должны защищать тезисы в поддержку терроризма, а оппонирующая сторона – опровергать их. И первый (дебаты) и второй (холивар) форматы учебных мероприятий имеют одинаковую задачу: депопуляризацию радикалистской идеологии и развенчание мифов, связанных с противозаконными поступками в молодежной среде. И вновь – в отношении формата холивара – нет полной ясности по части причин и условий потенциальной антиобщественной деятельности, на предупреждение которых данный метод направлен. Столь же спорной представляется выдвигаемая разработчиками методики установка на то, что, отстаивая традиционную систему ценностей и приоритеты гражданского согласия (декларирование которых, как правило, происходит в эмоционально нейтральном ключе), молодой человек превратится в стойкого активиста-государственника. А другой подросток – при условной защите противоположной позиции на учебном занятии (тем более в случае склонности такого индивида к радикальному мировоззрению), – отвергнет экстремистскую идеологию, получив надежную прививку от участия в противоправных акциях (а не откроет для себя в процессе изучения этой темы новые грани опасного социального явления).

Мы полагаем, что одной из основных причин низкой результативности рассматриваемых методических решений является факт концентрации усилий их разработчиков на неких обобщенных представлениях о причинах/условиях потенциальных противоправных

действий. То есть, пытаясь найти «среднее арифметическое» во множестве возможных объектов, которые необходимо охватить в методике, результат применения такой методики также получается весьма усредненным, не учитывающим индивидуальную мотивацию и способность к восприятию материала каждым учащимся. В этом случае можно говорить, в том числе, о том, что итог профилактических мероприятий рискует стать малоприспособленным в обстановке реального жизненного выбора. А учитывая тот факт, что множество причин потенциальных противоправных действий не определено в описанных методиках, то говорить о действенности профилактических мероприятий сложно вдвойне.

При этом, как указывалось выше, функционал методик выделяется своей провокационностью, способствуя нагнетанию эмоционально-экспрессивного начала в аудитории-реципиенте; это обстоятельство, несомненно, стимулирует вовлеченность учащихся, заставляя их конструировать личное отношение к обсуждаемой проблематике [10]. Обратной же стороной акцентуации эмоционального начала выступает сложность управления психологическим настроением учебной аудитории со стороны наставника в смысле предупреждения и нивелирования момента, при котором критическое отношение к радикальной идеологии у учащегося перерастает в заинтересованность ее доктринальной основой.

Показательным обстоятельством также является весьма незначительное число методик, которые в качестве объекта своего воздействия имеют именно «специфическую» причину. Основания такого положения дел до конца неясны – или это связано с объективной сложностью разработки программы (формата) учебного занятия, которая бы раскрывала природу указанных причин, или объясняется контрпродуктивностью воздействия на эти причины в групповом формате. В контексте вышесказанного дополнительно выскажемся еще об одном наблюдении – многие профилактические методики имеют своим объектом некое явление, которое необходимо «развивать», «повышать», «совершенствовать» (критическое мышление, правовая грамотность и т.д.); при этом перечень целевых объектов, которые нужно «устранить» и «нейтрализовать» выглядит намного скромнее. Когда мы говорим о переоценке системы ценностей индивидом, о рефлексии подростка и его самовоспитании, то первичным выступает именно устранение негативного фактора, который препятствует духовному и личностному росту молодого человека, а уже после этого имеет смысл развивать и совершенствовать позитивные качества его натуры.

Исходя из буквального смысла положений закона, проанализированные нами методические руководства полностью соответствуют своему профилактическому предназначению, так как, несмотря на предметную размытость (неконкретность детерминант методического воздействия), они вполне соответствуют дидактическому вектору, определенному как «оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения

правонарушений или антиобщественного поведения». Однако, по нашему мнению, данная формулировка излишне широко трактует понятие «профилактика». Поэтому мероприятия, даже не направленные на общую детерминанту методики, оказываются в перечне подлежащих реализации (что по понятным причинам отличается незначительной эффективностью). В этой связи мы считаем необходимым либо конкретизировать смысл указанного фрагмента текста, либо исключить его. Более того, как мы полагаем, законодательные положения, касающиеся профилактики противоправного поведения среди несовершеннолетних, должны демонстрировать более тесную связь с актуальным теоретическим инструментарием криминологической науки. Поэтому целесообразно дополнить положения закона классификацией детерминант для методического воздействия, дифференцировав их на общие и индивидуальные, снабдив эту классификацию наглядными примерами.

В заключение следует констатировать, что сама по себе профилактика, будучи процессом, требующим известной гибкости (в части инструментов воздействия), в зависимости от личностных особенностей лиц, на которых она направлена, не может быть полноценно описана с формальной стороны лишь с помощью общих положений, передавая право их конкретизации (прикладного толкования) применяющим методику педагогам (наставникам). Исходя из этого нормативное регулирование в сфере профилактики противоправных действий среди несовершеннолетних требует доработки, а, возможно, расширения нормативно-правовой базы за счет дополнительных инструктирующих документов, которые бы аккумулировали сведения о сущности детерминант различного рода противоправных деяний несовершеннолетних, в том числе экстремистского характера. Учитывая вышесказанное, считаем оправданным постановку вопроса о модернизации существующих методик профилактики подростковой преступности, которая, на наш взгляд, должна предусматривать привязку методического вектора к конкретным детерминантам противоправных действий (поскольку далеко не каждый педагог обладает достаточными знаниями для того, чтобы самостоятельно установить применимость тех или иных методов профилактики к конкретным формам реализации детерминант). В таком контексте представляется рациональным обсуждение изменения структуры методического аппарата – например, в виде перечисления ситуаций, в которых методика может быть применена (скажем – использование обучающимися этнофолизмов, выражение одобрения деятельности радикальных течений и т.д.). Также представляется актуальным для дальнейшего исследования вопрос о том, насколько профилактика подростковой преступности может быть «общей» в своем прикладном аспекте, и где проходит граница между «общей методикой» профилактики противоправных действий (не учитывающей индивидуальных особенностей мотивации и восприятия дидактического материала учебной аудиторией) и «общей профилактикой», которая бы учитывала эти факторы в полной мере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: Федеральный закон № 182-ФЗ от 23.06.2016 (ред. от 08.08.2024). – Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации: государственная система правовой информации. – Москва, 2005-2024. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102402071&ysclid=m3636zupfi667626108> (дата обращения: 06.11.2024).
2. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федеральный закон № 120-ФЗ от 24.06.1999 (ред. от 08.08.2024) – Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации: государственная система правовой информации. – Москва, 2005-2024. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102060520&ysclid=m363ehhaw4602745670> (дата обращения: 06.11.2024).
3. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон № 114-ФЗ от 25.07.2002 (ред. от 15.05.2024). – Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации : государственная система правовой информации. – Москва, 2005-2024. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102079221&ysclid=m363lpwukr138941610> (дата обращения: 06.11.2024).
4. О противодействии терроризму: Федеральный закон № 35-ФЗ от 06.03.2006 (ред. от 10.07.2023). – Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации: государственная система правовой информации. – Москва, 2005-2024. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102105192&ysclid=m363rfubys649658741> (дата обращения: 06.11.2024).
5. Ильюк, Е. В. Молодежь как группа риска и основные техники манипуляции при вовлечении в экстремистские организации / Е. В. Ильюк // Виктимология. – 2019. – № 3. – С. 26–35.
6. Курявый, А. А. К вопросу о соотношении общих причин и условий преступности с причинами и условиями индивидуального преступного поведения / А. А. Курявый // Молодой ученый. – 2022. – № 22. – С. 335–337.
7. Сагайдак, А. Ю., Корсикова, Н. А. Детерминационные особенности терроризма в современной России / А. Ю. Сагайдак, Н. А. Корсикова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2019. – №2. – С. 179–184.
8. Лунеев, В. В. Криминология : учебник для вузов / В. В. Лунеев. – Москва : Юрайт, 2024. – 686 с.
9. Krastev, Krastyu. Analysis of terrorism motivation determinants / Krastyu Krastev // International Conference knowledge-based organization – 2018. – Vol. XXIV, № 1. – P. 124-129.
10. Колесник, И. Д. Между осторожностью и эффективностью: особенности методик профилактики терроризма и экстремизма / И. Д.

Колесник // Актуальные проблемы противодействия экстремизму и терроризму на современном этапе: сборник научных статей III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – 2024. – С. 124-127.

**ANALYSIS OF LEGISLATION ON THE PREVENTION
OF RADICALISM AMONG YOUNG PEOPLE
THROUGH THE PRISM OF EVALUATING THE EFFECTIVENESS
OF PREVENTION METHODS**

Asimov E.M., Kolesnik I.D.

The article discusses the main problems of legislative regulation of the prevention of terrorism and extremism among minors. The points of view of researchers are systematized, expanding the understanding of a number of phenomena from the field of prevention that have not received normative consolidation. One of these most important phenomena is the causes and conditions of radicalization of minors. Our analysis of the relationship between the level of legal regulation of this topic and the effectiveness of the implementation of preventive measures in practice led us to the conclusion that among the subjects of prevention there is no comprehensive understanding of the meaning of the causes and conditions of committing crimes of extremist and terrorist orientation by minors. Along with this vulnerability, the researchers focus on the problem of the possibility of an excessively broad understanding of the term "prevention of offenses" and possible ways out of this difficult situation through a more effective.

Keywords: terrorism; extremism, radicalism, radicalization of minors, prevention of extremism, methods of prevention, legislation on prevention.

УДК 343.9

ИГРА КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОФИЛАКТИКИ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ОСОБЕННОСТИ И ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ

Азимов Эльдар Мехтиярович

Старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса
института экономики и права Петрозаводского государственного
университета

E-mail: aem333@yandex.ru

Козлов Алексей Владимирович

Студент магистратуры Петрозаводского государственного
университета по направлению подготовки «Уголовное право,
уголовный процесс, криминалистика»

Работа посвящена исследованию особенности интерактивных методик профилактики экстремистской и террористической деятельности с учётом анализа современного законодательства и доктрины, поскольку в современном мире феномены экстремизма и терроризма представляет угрозу безопасности государства и дестабилизации общества, поэтому актуальной задачей становится поиск эффективных инструментов их профилактики. Важность профилактической работы отмечается законодателем и представляется как совокупность методик и практик по выявлению и последующему устранению детерминантов преступлений террористической и экстремистской направленности. При этом, методики предупреждения преступлений, связанных с экстремистской и террористической деятельностью, должны обладать специальным содержательным и методическим наполнением. Одним, из наиболее эффективных методов является игровой формат, который позволяет выявить у целевой аудитории внутренние установки, приводящие, с учётом определенного

влияния, к совершению общественно опасных деяний экстремисткой и террористической направленности.

Ключевые слова: преступления, детерминанты, методика, игра, выявление, школьники, обучение, общество, государство.

В отечественном законодательстве особая роль регулирования вопроса, какие деяния признаются преступлениями, отводится Уголовному кодексу Российской Федерации [1] (УК РФ). Одной из основных задач УК РФ сформулирована как «предупреждение преступлений», что в рамках самого закона реализуется посредством превенциального характера уголовного наказания. Сам механизм уголовно-правовой превенции реализуется различными «инструментами», основным из которых стоит считать профилактику преступлений.

Профилактика преступлений как способ достижения основных задач УК РФ применяется к любым преступлениям особенной части кодекса, однако повышенный интерес у государства сформировался к этому инструменту применительно к проблеме ведения экстремистской и террористической деятельности.

Преступления, связанные с ведением экстремистской и террористической деятельностью, имеют особый объект преступлений, а именно: общественная и государственная безопасность, конституционный строй России. В преступлениях такого характера, прежде всего, страдает государство и общество, ведь такие правонарушения ведут к подрыву фундаментальных конституционных ценностей, веры людей в правоохранительную систему государства как гаранта внешней и внутренней стабильности, а также приводит к радикализации общества, распространению ксенофобных и иных деструктивных проявлений.

Важность изучения и предупреждения преступлений, связанных с экстремистской и террористической деятельностью, подчеркивает и сам законодатель, когда в рамках особого регулирования принимает специальные федеральное законодательство: Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [2] (ФЗ «О терроризме») и Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» [3] от 25.07.2002 №114-ФЗ (ФЗ «Об экстремизме»).

В России опасность такой деятельности отчетливо понимают и отмечают особую роль профилактики как механизма предупреждения, о чем говорится в Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации 2009 года [4] (Концепция противодействия терроризму) и в Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года [5] (Стратегия противодействия экстремизму).

Само явление профилактики в ФЗ «О терроризме» и ФЗ «Об экстремизме» входит в комплекс мер противодействия преступлениям, связанным с экстремистской и террористической деятельностью.

Так, в статье 3 ФЗ «О терроризме» под профилактикой терроризма понимается выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих совершению террористических актов. Отметим, что совершение террористического акта, а также иная активность к его приготовлению не охватывает весь перечень террористической деятельности, который приводится в той же 3 статье. Полагаем уместным считать под профилактикой терроризма выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих совершению террористической деятельности.

В статье 3 ФЗ «Об экстремизме» профилактические меры (профилактика) выделены в качестве направления противодействия экстремистской деятельности и представляют собой выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности. В статье 5 ФЗ «Об экстремизме» именно профилактике отводится приоритетный порядок в решении проблем, связанных с экстремистской деятельностью.

Проанализировав вышесказанное, изучив Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [6], мы можем определить, что в настоящей работе под термином профилактика экстремистской и террористической деятельности следует понимать – комплекс воспитательных, пропагандистских специально подготовленных методик и практик по выявлению и последующему устранению единых причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской и террористической деятельности.

Такое толкование имеет место быть, если полагать, что экстремизм и терроризм имеют общее происхождение от радикализма и являются ничем иным, как его крайними проявлениями, что в своей работе и отмечает В.Г. Осипов [7]. В таком случае эти явления имеют общие детерминанты, а значит, могут иметь единую систему профилактики.

Любая система профилактики должна иметь свою целевую аудиторию. В.В. Сверчков в своем учебнике, разбирая вопрос общей превенции, дает возможность понять, что целевой аудиторией профилактики преступности в России являются ее граждане и иные лица, на которых имеется возможность оказать влияние в формировании убежденности в необходимости правомерного поведения, недопущении совершения ими преступлений [8, С. 23]. Стратегия противодействия экстремизму, как и Концепция противодействию терроризму, не определяет объектов профилактики, но в пп. «е» п. 27 законодатель выделил сферу образования и государственной молодежной политики как одно из основных направлений противодействия экстремизму. По этой причине молодежь, обучающаяся в образовательных учреждениях общего, среднего профессионального и высшего образования.

Профилактика как инструмент предупреждения преступлений, связанных с экстремистской и террористической деятельностью, при применении его со школьниками или студентами должна иметь

содержательное насыщение и методическое оснащение, что, как отмечает Т.Ю. Синченко, позволит создать систему познавательного и воспитательного взаимодействия учителя и учащегося [9].

В современном мире в образовательной среде ощутим спрос на педагогические интерактивные методики. Традиционный лекционный формат, как указывает в своей работе Т.В. Смолеусова, представляет собой готовые ответы на незадаанные вопросы, что ведет к потере интереса аудитории [10].

При концептуальном анализе внедряемой профилактической методики необходимо оценить ее интерактивность, возможность переориентации внимания обучающегося с собственного «Я» на проблему посягательства экстремистской и террористической деятельности на фундаментальные основы жизни общества и государства, которые и образуют внешнюю и внутреннюю стабильность жизни каждого индивида.

Так как основной индивидуально-психологической поведенческой характеристикой личности является эмоциональная саморегуляция.

С. С. Савенышева в свою очередь отмечает, что при исследовании эмоциональной регуляции приходит к выводу, что под термином «эмоциональная саморегуляция» большая часть ученых понимает процесс «иницирования, торможения и/или изменения эмоционального состояния служащего для достижения биологической или социальной адаптации или достижения индивидуальных целей» [11]. Чаще всего данный процесс является произвольным, осознанным и преднамеренным контролем эмоционального состояния.

Однако необходимо отметить, что так как подростковый возраст является нестабильным, то саморегуляция формируется произвольно, то есть процесс внутренней психической активности направлен на достижение поставленных целей.

М.Х. Абдуллаева в своей работе утверждает, что интерактивные методики способствуют повышению мотивации и вовлеченности обучающихся, побуждают их к интенсивному творческому процессу, формируют неординарное мышление, способное находить новые решения проблем ввиду отсутствия внешнего внушения о наличии правильного пути [12].

И.В. Нигматуллина разделяет позицию о позитивном влиянии интерактивных методик, но также отмечает, что интерактивность дословно означает «обмен опытом», что наилучшим образом реализуется в игровых методиках, так как «устраняет пропасть между обучением и реальными жизненными ситуациями» [13].

Игровой формат позволяет выявить у целевой аудитории внутренние установки (уязвимости), которые при определенном влиянии на человека смогут подвинуть его к осуществлению экстремистской и террористической деятельности. Такой интерактивный формат позволяет преподавателям в мягкой форме работать с внутренними психологическими установками обучающихся путем наблюдения и корректирования их поведения в рамках

модерирования различных проблемных ситуаций и имитации поведения обучающегося при решении этих проблем.

Игра как инструмент профилактики должна соответствовать двум основным требованиям: вызывать интерес и не нарушать требования отечественного законодательства.

Под интересом следует понимать основной стимул к познанию. Его отсутствие ведет к отращению деятельности. Т. В. Смолеусова в своем социальном исследовании доказала, что именно интерес является основным мотиватором к посещению обучающимися школы. Исследователь обнаружила, что «к концу учебного года зафиксировано 100% восьмиклассников, нежелающих учиться. При этом в качестве главной причины восьмиклассники указали: «не интересно» [14]

В процессе исследования социально-психологического явления «интерес» автор обращается к трудам Г.И. Щукиной, которой считала, что интерес – это избирательное отношение личности к объекту в силу его жизненного значения и эмоциональной привлекательности. По этой причине можно утверждать, что интерес является результатом потребности человека в определенном знании, однако это не совсем так. Автор указывает на качественное отличие интереса и потребности и формирует следующий вывод: «Потребность выражает необходимость, интерес выражает личную приязнь к какой-то деятельности, и связаны они с эмоциональной окраской того или иного явления» [14].

Для того, чтобы наделить игру эмоциональной окраской и вовлечь школьника или студента в игровой процесс, методика должна вызывать у человека повышенную когнитивную активность. Под когнитивной активностью следует понимать способность к умственному восприятию и переработке внешней информации, проявляется через совокупность психических процессов (восприятие, внимание, память, мышление, воображение, речь, эмоции) и психических состояний (убеждения, желания, намерения) личности. Проявляясь в самом общем виде как активность в процессе познания, она обеспечивает развитие мышления. Взаимосвязанная с мыслительной деятельностью и основанная на наличных знаниях и опыте когнитивная активность помогает осознать, как именно приобретаются знания [15]

По мнению Л.В. Завалишиной, сложные задания, задания для которых недостаточно имеющихся у индивида знаний, но требующие решение проблемы, а также задания, которые решают когнитивный конфликт, так как новая информация вступает в противоречие с уже известной, являются главными катализаторами когнитивной активности, а значит, вызывают больший интерес [16].

Таким образом, игра как средство профилактики должна создать и удовлетворить у обучающихся потребность в знании, а игровой процесс обязан вызывать эмоции и побуждать к активному ментальному взаимодействию.

Допустимость применения профилактической методики определяется обязанностью ее соответствия требованиям законодательства. К профилактической деятельности вполне уместно применить старейший принцип медицинской этики – «Не навреди». По

этой причине методики не должны вызывать обратной реакции и усугублять социально-правовую ситуацию в стране. Не менее важным является и тот момент, чтобы лицо, осуществляющее профилактику, к большому для него удивлению не было подвергнуто административному или уголовному наказанию.

Методики профилактики экстремистской и террористической деятельности значительно ограничены нормами Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации [17] (КоАП РФ) и УК РФ. В наши дни перед законодателем стоит сложная задача по поиску той «красной линии», которая бы отграничивала урок-профилактику от урока, возбуждающего ненависть или вражду, а равно унижение человеческого достоинства (статья 20.3.1 КоАП РФ) или от урока, в котором в качестве негативного примера приводятся лозунги, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности (статья 282 УК РФ).

Каждый материал по профилактике экстремистской и террористической деятельности должен быть тщательно проверен специалистом, чтобы страна, по ошибке или глупости, не лишилась субъекта профилактики.

Одним из видов экстремистской деятельности в соответствии с ФЗ «О противодействии экстремизму» является использование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций. При совершении этого действия к лицу будет применена административная ответственность в соответствии со ст. 20.3. КоАП РФ, однако только в том случае, если это деяние не формирует негативное отношение к идеологии нацизма и экстремизма и отсутствуют признаки пропаганды или оправдания нацистской и экстремистской идеологии. Законодатель не определяет, что следует понимать под формированием негативного отношения, оставляя это критерий на субъективное представление каждого человека. Также законодатель нигде не дает определения тому, а что из себя представляет нацистская символика и атрибутика.

Например, К. Д. Радченко к ним относит «Сvastiку»: классическая (на армейских штандартах; представляет собой крест с загнутыми под прямым углом концами, направленными вправо); бегущая (на государственном флаге нацистской германии; сам крест повернут на 90°); солнечное колесо (знак за борьбу с партизанами, на парадном мече люфтваффе, петлицах корпуса «Denmark»; концы представляют собой не прямые, а кривые (выпуклые) линии); трех лучевая (на петлицах легиона «Фландрия»; из центра вытекают три линии с закругленными вправо концами). Помимо этого, автор обращает внимание на эмблему «Hitlerjugend», представляющая собой руно «зиг» (похожа на графическое изображение молнии), а также эмблема нацистской полиции СС – двойная «зиг». Хотя в определенном контексте эти руны являются особенностью скандинавской мифологии. Также автор в качестве примера отмечает эмблему дивизии «dasReich» – руно «волчий крюк» (две параллельные вертикальные линии,

соединенные наклоненной влево прямой). Этот символ также присутствует в эмблеме полка Национальной гвардии Украины Азов [18].

Отметим, что другие символы фашистской Германии следует признавать нацистскими только в рамках контекста (цвета исполнения, расположения, стиля предметов одежды, на которой они выполнены, и др.) Также особого внимания заслуживает словосочетание «сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения»: в методических рекомендациях Роспатента определение «сходство до степени смешения» – это ассоциация знаков между собой, несмотря на отдельные отличия, т.е. в символических обозначениях есть небольшое различие, но настолько незначительное, что два знака кажутся нам одинаковыми (на первый взгляд). Надо признать, что это понятие имеет большую долю субъективного восприятия [18].

Еще одним видом экстремистской деятельности в соответствии с ФЗ «О противодействии экстремизму» является пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности, или отношения к религии. За совершение настоящего правонарушения к лицу будет применена административная санкция в соответствии со ст. 20.3.1. КоАП РФ, то есть возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства. В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», любое выступление преподавателя перед аудиторией является публичным, а значит и любое высказывание спикера, возбуждающее вражду или ненависть, или умаляющее достоинство будет иметь состав правонарушения. Законодатель в том же Постановлении определяет, что «под действиями, направленными на возбуждение ненависти либо вражды, следует понимать, в частности, высказывания, обосновывающие и (или) утверждающие необходимость геноцида, массовых репрессий, депортаций, совершения иных противоправных действий, в том числе применения насилия, в отношении представителей какой-либо нации, расы, социальной группы, приверженцев той или иной религии». В таком случае являются недопустимыми задания, где учитель читает с доски, заранее подготовленные разработчиками игры, тезисы о допустимости насилия над другими людьми, где у обучающихся имеется задача привести аргументы о недопустимости таких действий. Методику подготовил один, а к санкции будет привлечен учитель, так как публично своим чтением с доски возбуждает вражду или ненависть.

Разбор двух статей КоАП РФ, является лишь примером сложности законодательства, связанного с регулированием вопросов осуществления экстремистской и террористической деятельности. Эти ситуации являются примерами сложности в разработке методик и опасности их применения без предварительной проверки уполномоченными на то органами.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. профилактика преступлений, связанных с экстремистской и террористической деятельностью, является способом предупреждения преступлений в форме методик со специальным содержательным и методическим наполнением;

2. методики профилактики должны отличаться повышенной интерактивностью, что позволит вовлечь аудиторию в проведения занятия и получить наибольший результат усвоения материала;

3. наибольшей интерактивностью среди различных методик обладает игра, которая позволяет игроку ощутить личную причастность к изучению функционирования сложных процессов и явлений;

4. игра как инструмент профилактики преступлений, связанных с экстремистской и террористической деятельностью, должна выполнять два основных требования: вызывать интерес у аудитории и соответствовать требованиям отечественного законодательства;

5. интерес является основным стимулом к познанию, избирательным отношением субъекта познания к объекту познания. В психологии интерес напрямую зависит от когнитивной активности человека, что отвечает за его ментальную вовлеченность. Повышают такую активность сложные и не однотипные задания;

6. каждый инструмент профилактики экстремистской и террористической деятельности перед внедрением в образовательную программу должен проходить тщательную проверку уполномоченных органов на соответствия разработки требованиям закона. Нормы КоАП РФ и УК РФ создают тонкую грань, которая зачастую может быть сильно размыта и определяться по субъективной оценке лиц, осуществляющих надзор или суд;

7. за «некачественный» инструмент профилактики административную или уголовную ответственность, прежде всего, несет преподаватель, который применяет такую методику. Страшным является возможность создания прецедента, когда субъект профилактики экстремистской и террористической деятельности будет нести ответственность за совершение деяния, которое является видом экстремистской и террористической деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. №63-ФЗ (ред.08.08.2024): принят Государственной Думой 24.05.1996. Собрание законодательства Российской Федерации. – 17.06.1996. – № 25. – ст. 2954.

2. Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (ред. 10.07.2023): принят Государственной думой 26.02.2006. Собрание законодательства Российской Федерации. – 13.03.2006. – № 11. – ст. 1146.

3. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. 15.05.2024): принят

Государственной думой 27.06.2002. Собрание законодательства Российской Федерации. – 29.07.2002. – № 30. – ст. 3031.

4. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации от 20 октября 2009 г.: утверждена Президентом Российской Федерации 05.10.2009. Российская газета. – 20.10.2009. – № 198.

5. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» от 29 мая 2020 № 344. Официальный интернет-портал правовой информации. – 29.05.2020. – Электронный ресурс. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202005290036>.

6. Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» от 23.06.2016 №182-ФЗ (ред. 08.08.2024): принят Государственной думой 10.06.2016. Собрание законодательства Российской Федерации. – 27.06.2016. – № 26. – ст. 3851.

7. Осипов В.Г. Радикализм, экстремизм и терроризм. К методологии проблематизации // Социологический альманах. 2018. №9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/radikalizm-ekstremizm-i-terrorizm-k-metodologii-problematizatsii> (дата обращения: 09.10.2024).

8. Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / В. В. Сверчков. – 11-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 330 с.

9. Синченко Т. Ю. Психология и педагогика. Уч. Пособие для «Прометей». – ЮРГИ, 2006. – 108 с.

10. Смолеусова Т. В. Поддержка интереса к знаниям – как сформировать мотивацию учения? // Народное образование. 2014. №8 (1441). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podderzhka-interesa-k-znaniyam-kak-sformirovat-motivatsiyu-ucheniya> (дата обращения: 09.10.2024).

11. Савенышева С. С. Эмоциональная саморегуляция: подходы к определению в зарубежной психологии // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. №1. С. 1-8.

12. Абдуллаева М. Х. Интерактивные формы обучения в современном вузе // Вопросы науки и образования. 2018. №2 (14). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/interaktivnye-formy-obucheniya-v-sovremennom-vuze> (дата обращения: 09.10.2024).

13. Нигматуллина И. В. Игра как метод интерактивного обучения в высшей школе // Высшее образование сегодня. 2017. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/igra-kak-metod-interaktivnogo-obucheniya-v-vysshey-shkole> (дата обращения: 09.10.2024).

14. Смолеусова Т. В. Поддержка интереса к знаниям – как сформировать мотивацию учения? // Народное образование. 2014. №8 (1441). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podderzhka-interesa-k-znaniyam-kak-sformirovat-motivatsiyu-ucheniya> (дата обращения: 09.10.2024).

15. Коротаева Е. В., Нефедова А. Н. Развитие когнитивной активности у старших дошкольников // Педагогическое образование в России. 2012. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie>

kognitivnoy-aktivnosti-u-starshih-doshkolnikov (дата обращения: 09.10.2024).

16. Завалишина Л. В. Психологические составляющие эффективного обучения (на примере коммуникативной педагогики ФРГ) // Наука и школа. 2018. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-sostavlyayuschie-effektivnogo-obucheniya-na-primere-kommunikativnoy-pedagogiki-frg> (дата обращения: 10.10.2024).

17. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. 8.08.2024): принят Государственной думой 20.12.2001. Собрание законодательства Российской Федерации. – 07.01.2002. – № 1. – ст. 1.

18. Рыдченко К.Д. Некоторые особенности обеспечения запрета пропаганды и публичного демонстрирования нацистской атрибутики и символики // Вестник ВИ МВД России. 2009. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-osobennosti-obespecheniya-zapreta-propagandy-i-publichnogo-demonstirovaniya-natsistskoy-atributiki-i-simvoliki> (дата обращения: 10.10.2024).

19. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» от 28 июня 2011 г. № 11 (ред. 28.10.2021) Верховного Суда Российской Федерации от 15 сентября 2010 г. № 44-Г10-35 // СПС «КонсультантПлюс».

PLAY AS A TOOL FOR PREVENTING EXTREMIST AND TERRORIST ACTIVITY: FEATURES AND MANDATORY REQUIREMENTS

Asimov E.M., Kozlov A.V.

The article is devoted to the study of the features of interactive methods of prevention of extremist and terrorist activities taking into account the analysis of modern legislation and doctrine. In the modern world, the phenomena of extremism and terrorism pose a threat to the security of the state and destabilization of society, so the search for effective tools for their prevention becomes an urgent task. The importance of preventive work is noted by the legislator and is presented as a set of methods and practices aimed at identifying and subsequent elimination of determinants of crimes of terrorist and extremist orientation. Methods of prevention of crimes related to extremist and terrorist activities should have a special content and methodological content. One of the most effective methods is the game format. It allows to identify internal attitudes of the target audience, which can lead, taking into account the destructive impact, to the commission of socially dangerous acts of extremist and terrorist orientation.

Keywords: crime, determinants, methodology, game, detection, schoolchildren, learning, society, government.

УДК 343.83

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ГОТОВНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ УГОЛОВНО- ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ К ДЕЙСТВИЯМ ПРИ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ

Лелик Наталия Борисовна

Кандидат педагогических наук, доцент, начальник кафедры
служебно-боевой и тактико-специальной подготовки,
Томский институт повышения квалификации
работников ФСИН России
(ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России),
Российская Федерация, Томск
E-mail: nataliyalelik@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8931-5647>

Статья посвящена актуальным вопросам готовности сил и средств учреждений и органов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации к действиям при чрезвычайных обстоятельствах. Согласно указаниям управления охраны и конвоирования Федеральной службы исполнения наказаний в статье приведены данные о чрезвычайных обстоятельствах в учреждениях УИС за последние пять лет. Кроме этого, проанализированы чрезвычайные обстоятельства, явившиеся следствием криминальных проступков (действий) осужденных или лиц, заключенных под стражу, оказывающих значительное влияние на формы, методы и структуру деятельности учреждений УИС. Раскрываются специфические особенности взаимодействия с правоохранительными органами по вопросам выполнения задач при чрезвычайных обстоятельствах на объектах УИС и на прилегающих режимных территориях. Вместе с тем, наряду с положительной тенденцией к выполнению задач по подготовке уголовно-исполнительной системы к действиям при ЧО, в статье подверглись анализу недостатки, которые представляют собой общий характер для учреждений и органов ФСИН России.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система; чрезвычайные обстоятельства; осужденные и лица, заключенные под стражу.

Уголовно-исполнительная система Российской Федерации (далее – УИС) выполняет ряд важных и сложных государственных функций, которые выражаются в том числе, в реализации мер государственного принуждения. Борьба с преступлениями, совершаемыми на территории учреждений УИС, приобрела особую значимость, в связи с тем, что достижение целей Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 г. [3], становится невозможным, без соблюдения установленного режима отбывания наказания, который обеспечивается, в том числе, предупреждением и пресечением преступлений, совершаемых осужденными и лицами, заключенными под стражу, своевременным привлечением к уголовной ответственности. Статистический анализ правонарушений и преступлений в пенитенциарных учреждениях различных стран, выявил что, одним из наиболее опасных деяний является нападение на персонал (захват заложников), где в России зафиксирован наименьший показатель – 0,5%, наибольший во Франции – 24,61% [2, С. 350-362].

Как указывает В.Е. Южанин, уголовно-исполнительным законодательством не предусмотрено требований отдельного содержания осужденных, допускающих отклонение в своем поведении и нуждающихся в применении профилактических мер, что влияет на рост совершаемых преступлений, голодовок, групповых неповиновений, фактов самоубийств, членовредительства и т.д. [9, С. 95]. С.М. Савушкин отмечает, что в 2009 году по официальной статистике Федеральной службы исполнения наказаний (далее – ФСИН России) на 100 тысяч осужденных было зарегистрировано 122 преступления, то в 2013 году – 158, 2017 году – 174, а в 2023 уже 267 преступлений. При этом, коэффициент тяжких преступлений за этот период возрос более чем на 80% [8, С. 69]. Кроме этого, согласно статистическим данным, на сегодняшний день в исправительных учреждениях находятся 2/3 осужденных отбывающих наказание второй раз и более, что говорит о возрастающей концентрации криминально ориентированного контингента.

В последнем десятилетии чрезвычайные обстоятельства в учреждениях (объектах) Федеральной службы исполнения наказаний (далее – ФСИН) возникали неоднократно, при этом основная их часть составляют групповые неповиновения и массовые беспорядки осужденных, подозреваемых и обвиняемых, захват заложников, побеги из-под охраны (и при конвоировании). Кроме этого, групповые неповиновения осужденных и лиц, заключенных под стражу носят условно пассивный характер, выражающиеся в групповом отказе выходить из помещения, на работу, отказе принимать пищу, групповом акте членовредительства за частую имеющем демонстративно-шантажный смысл, направленный на послабление режимных требований. Соответственно, групповые неповиновения зачастую

перерастают в массовые беспорядки сопровождающиеся погромами, пожарами, побоями и драками, взятием заложников и т.д.

Согласно указаниям управления охраны и конвоирования ФСИН России приведены данные о чрезвычайных обстоятельствах в учреждениях УИС за последние пять лет (Табл.1).

Таблица 1 – Чрезвычайные обстоятельства в учреждениях УИС

Чрезвычайные обстоятельства	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Массовые беспорядки	2	1	1	0	1
Групповые неповиновения	20	12	9	28	6
Всего	22	13	10	28	7

По представленным данным, наблюдается значительное снижение числа групповых неповиновений и хулиганских действий осужденных и лиц, содержащихся под стражей. Однако, данные преступления присутствуют, поэтому сотрудники уголовно-исполнительной системы должны владеть профессиональными компетенциями, которые необходимы для решения вопросов выработки умений оперативно и эффективно действовать в ситуациях экстремального характера.

Чрезвычайные обстоятельства, явившиеся следствием криминальных проступков (действий) осужденных или лиц, заключенных под стражу, оказывают значительное влияние на формы, методы и структуру деятельности персонала учреждений УИС. В результате своевременных и эффективных решений, принятых органами управления, решительных и грамотных действий сотрудников учреждений и органов УИС в 2023 году пресечены на начальной стадии развития 6 случаев групповых неповиновений и хулиганских действий осужденных и лиц, содержащихся под стражей [4].

При проведении переговоров и разъяснительных бесед удалось пресечь массовые беспорядки в исправительном колонии УФСИН России по Кабардино-Балкарской Республике, а также повлиять на осужденного, отбывающего наказание в лечебно-исправительном учреждении, отказаться от своих противоправных действий и освободить удерживаемого заложника. В 2022 году при проведении специальной операции освобождены 3 заложника, захваченных и удерживаемых лицами, содержащимися под стражей в следственном изоляторе [5]. Во всех случаях при выполнении служебно-боевых задач не допущено нарушений законности, преступлений, гибели и ранений сотрудников, а также утраты оружия и боеприпасов.

В учреждениях УИС в 2023 году совместными действиями караулов и дежурных смен пресечены 5 покушений на совершение побега из-под охраны (в 2022 – 10, снижение на 50%), 2 проникновения в запретную зону (в 2022 – 6, снижение на 66,7%). При побеге и покушениях на побег из-под охраны в учреждениях УИС спецконтингентом применялись способы преодоления ограждений

запретных зон; из-под охраны временного караула; через контрольно-пропускной пункт для пропуска людей, а также через оконный проем помещения для приема посылок и передач. Кроме этого в 2024 году осужденный, состоящий на профилактическом учете как лицо, склонное к членовредительству, посягательству на половую свободу и половую неприкосновенность совершил побег из-под охраны в исправительной колонии строгого режима. В результате проведения оперативно-розыскных мероприятий совместно с участием МВД России, осужденный был задержан сотрудниками из состава временного розыскного поста и доставлен в исправительное учреждение. Соответственно, в рамках совершенствования взаимодействия с правоохранительными органами по вопросам выполнения задач при ЧО на объектах УИС и на прилегающих режимных территориях проводятся совместные тактико-специальные учения с МВД России, Росгвардии и МЧС России.

В прошедшем году зафиксировано 160 (в 2022 – 1670) случаев поступления в учреждения и органы УИС информации о минировании подведомственных объектов. Во всех случаях информация об угрозах совершения террористических актов не подтвердилась, тем не менее продолжается работа по реализации требований постановления Правительства Российской Федерации от 11.04.2023 № 586 [7]. В целях совершенствования подготовки органов управления, сил и средств уголовно-исполнительной системы при ЧО в территориальных органах ФСИН России проводятся тактико-специальные и командно-штабные учения, штабные тренировки с привлечением управлений сводных отрядов, а также ведутся тактико-строевые занятия. Выше изложенное говорит о состоянии готовности органов управления, сил и средств УИС, что позволяет эффективно выполнять задачи по пресечению (ликвидации) ЧО. Кроме этого, территориальными органами и учреждениями ФСИН России обеспечено проведение комплексных комиссионных обследований объектов (территорий) УИС на предмет оценки состояния антитеррористической защищенности и выявления мест, уязвимых в части совершенствования террористических актов, в результате которых выработаны меры, направленные на уточнение систем охраны объектов и поддержание в исправности инженерно-технических средств охраны [1, С.156-159.].

В истекшем году под руководством ФСИН России организованы и проведены оперативно-тактические специальные учения, в ходе которых отработаны вопросы стабилизации обстановки в исправительных учреждениях УИС при возникновении массовых противоправных действий осужденных и применения группировки сил и средств при проведении специальной операции по пресечению массовых беспорядков. Особое внимание уделено проведению занятий с руководителями территориальных органов ФСИН России по изучению особенностей организации работы направленной на стабилизацию обстановки в исправительных учреждениях УИС.

Однако, наряду с положительной тенденцией к выполнению задач по подготовке уголовно-исполнительной системы к действиям

при ЧО, имеется ряд недостатков, которые представляют собой общий характер для учреждений и органов ФСИН России. Так, нарушаются правила разработки и оформления планов действий при ЧО, а также порядок их регистрации, хранения и выдачи, что создает предпосылки утечки информации ограниченного распространения. Расчеты по задачам, выполняемым при ЧО, проводятся с нарушением приказа Минюста России от 05.12.2014 № 233дсп [6], в том числе не всегда выполняются требования по оформлению принципиальных схем построения группировки сил и средств при возникновении ЧО. В разделах Плана ЧО по тыловому и техническому обеспечению в местах дислокации подведомственных учреждений, не актуализируются расчеты потребности питания, водоснабжения, коммунально-бытового и медицинского обеспечения. Зачастую исходные данные при проверках Плана ЧО не уточняются, что не позволяет оценить объективность проведенных расчетов сил и средств для выполнения задач, а также спланировать формирование максимальной численности сводного отряда. Несомненно, что для успешного выполнения задач в сложной оперативной обстановке, возникающей при ЧО в учреждениях и органах УИС должна создаваться такая группировка сил и средств, которая будет соответствовать цели предстоящих силовых тактических действий и обеспечивать всестороннее и оптимальное применение, как собственных сил, так и привлекаемых силовых подразделений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лелик, Н.Б. Перспективы применения машинного зрения (интеллектуального видеонаблюдения) в системах охранного телевидения уголовно-исполнительной системы // *International Law Journal / Международный юридический журнал*. 2023. Том 6. №8. С.156-159.
2. Лобанова, Е.С., Кириллова, Т.В., Смыковский, В.В. Актуальные вопросы формирования готовности сотрудников уголовно-исполнительной системы к действиям при возникновении чрезвычайных обстоятельств в условиях реализации компетентностного подхода в образовательном процессе // *Пенитенциарная наука*, 2021, т.15, № 2(54), С. 350-362.
3. О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р. – Текст: электронный. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>.
4. О результатах подготовки сил и средств УИС к действиям при чрезвычайных обстоятельствах, а также обеспечения антитеррористической защищенности подведомственных объектов (территорий) в 2023 году: указание ФСИН России от 27.03.2024 № исх-08-22523 // Текст: непосредственный. – Режим доступа: документ опубликован не был.
5. О состоянии готовности сил и средств уголовно-исполнительной системы к действиям при чрезвычайных

обстоятельствах в 2022 году и мерах по ее совершенствованию: указание ФСИН России от 29.03.2023 № исх-08-24573 // Текст : непосредственный. – Режим доступа: документ опубликован не был.

6. Об утверждении Инструкции по подготовке уголовно-исполнительной системы к действиям при чрезвычайных обстоятельствах: приказ Минюста России от 05.12.2014 №233дсп // Текст : непосредственный. – Режим доступа: документ опубликован не был.

7. Об утверждении требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий) УИС РФ, форм паспортов безопасности объектов (территорий) УИС РФ и признании утратившими силу некоторых актов Правительства РФ: постановление Правительства Российской Федерации от 11.04.2023 № 586 – Текст : электронный. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>.

8. Савушкин, С.М. Пенитенциарная преступность как фактор дифференциации осужденных к лишению свободы // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. – 2024. – № 1(19). – С. 69.

9. Южанин, В.Е. Особенности механизма реализации наказания в виде лишения свободы // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. – 2010. – №28. – С. 95.

CURRENT ISSUES OF READINESS FOR THE PENAL CORRECTION SYSTEM TO ACT IN EMERGENCY

Lelik N.B.

The article is devoted to topical issues of readiness of forces and means of institutions and bodies of penal enforcement system of the Russian Federation for action in emergency circumstances. According to the instructions of the Department of Security and Escort of the Federal Service for Execution of Sentences, this article lists the emergency circumstances in the institutions of the penal system during the last five years. In addition, the extraordinary circumstances arising from criminal misconduct (actions) of convicted or detained persons have been analyzed, which has a significant influence on the forms, methods and structure of activities of KIS institutions. Specific features of interaction with law enforcement agencies on the implementation of tasks in emergency circumstances at OIC facilities and in surrounding areas under regime are disclosed. However, along with the positive trend towards the implementation of tasks for preparing the penal correction system for action in the CO, the article analysed the shortcomings that represent a general character for institutions and bodies of the FSIN of Russia.

Keywords: penal system; extraordinary circumstances; convicted and detained persons.

УДК 343.272

ОСОБЕННОСТИ КОНФИСКАЦИИ ИМУЩЕСТВА В ЗАРУБЕЖНОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Пантюхина Инга Владимировна

Заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин,
кандидат юридических наук, доцент,
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»,
Рязань, Российская Федерация
E-mail: i.pantuhina@365.rsu.edu.ru
SPIN-код: 3985-3067

Кольцова Екатерина Юрьевна

Старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»,
Рязань, Российская Федерация
E-mail: e.kolcova@365.rsu.edu.ru
SPIN-код: 6450-1487

В статье исследуются положения института конфискации имущества регламентированные в зарубежном уголовном законодательстве, отсутствующие в российском уголовном законе: конфискация имущества без вынесения обвинительного приговора и без наказания; в отношении имущества, преступный характер которого еще не доказан; возможность ее применения к невменяемым лицам и у третьих лиц; ее возможность только в случае заявления иска о возврате имущества; погашение долгов из конфискованного имущества и «посмертная» конфискация; конфискация транспортного средства, чужого для лица, использовавшего его в преступлении; ее одновременное применение основным и дополнительным наказанием по одному приговору; специфическая совокупность условий применения расширенной конфискации имущества и др. Определены положения зарубежного законодательства, которые следует использовать в рамках совершенствования российских норм о конфискации имущества в целях повышения качества регламентации этого института.

Ключевые слова: конфискация имущества, общая конфискация, специальная конфискация, наказание, меры безопасности, меры принуждения.

Институт конфискации имущества устанавливается в уголовных законах всех стран. В разных странах она различна по названию и обладает разным статусом, но сущность везде одна и та же – изъятие у лица имущества и его обращение в доход государства. Например, в Беларуси она названа – формой реализации уголовной ответственности, в Литве – средством карательного воздействия, в Швейцарии – иной мерой уголовно-правового характера, в Молдове и Италии – мерой безопасности, в Дании и Германии – правовым последствием преступления и т.д. В Хорватии и Сербии ее статус зависит от изымаемых предметов. При изъятии средства совершения деяния – это мера безопасности, а в отношении имущества, добытого преступным путем – иная мера уголовно-правового характера [1, с. 342].

Несмотря на разнообразие статуса конфискация имущества во всех странах обладает общими чертами: является мерой принудительного характера, применяется судом самостоятельно, либо присоединяется к наказанию и др. Различается она объемом изымаемого имущества, порядком и условиями ее применения, и другими специфическими положениями.

Наибольший интерес в рамках настоящего исследования представляют особенности регламентации конфискации имущества в зарубежных странах.

Одной из таких особенностей является конфискация без вынесения обвинительного приговора (лишение имущества без судимости). В ее основе – «виновность» самого имущества, что является юридической фикцией. В странах ЕС такая конфискация набирает популярность [2, с. 371-372]. Так, законодательство Франции допускает двойственное применение конфискации имущества в отношении юридических лиц, что представляется совершенно оправданным. «Лишение юридических лиц вещей, необходимых им для совершения преступлений, а также предметов, полученных в результате их незаконной деятельности, видится целесообразной мерой, обладающей серьезным превентивным потенциалом. К физическим лицам конфискация может быть применена только как дополнительное наказание» [3, с. 281]. В направлении развития перспектив уголовной ответственности для юридических лиц приведенное положение представляется достаточно рациональным. По меньшей мере для юридических лиц, виновных в совершении преступления полная конфискация их имущества могла бы быть вполне применима в качестве наказания, если в РФ юридические лица будут признаны субъектом преступной деятельности.

УК Франции определяет ряд случаев, в которых суды обязаны назначить конфискацию имущества (в отношении предметов, которые признаны опасными или вредными). В РФ применение конфискации

имущества – право суда, а не обязанность, однако, в отношении некоторых предметов более целесообразным было бы установить ее назначение также обязанностью для судов (например, оружия, предметов вооружения, наркосредств и др.).

В Италии конфискация имущества есть мера безопасности от действий любых лиц, поэтому она применяется и в отношении невменяемых [4, с. 59]. Конфискуется имущество невменяемых и лиц, не контролирующих свои действия в момент совершения преступления в Норвегии, где это вид дополнительного наказания, применяемый к невменяемым. Там же возможна конфискация денежных средств и в случае, когда вина субъекта не доказана [5]. Схожее положение содержится в УК Германии, где конфисковано может быть имущество, когда только еще предполагается то, что оно могло быть получено лицом незаконным образом. Некоторые авторы обозначают такие нормы расширенной конфискацией имущества [6, с. 167]. По нашему мнению, в таких случаях нарушается один из главных принципов уголовного права – принцип вины, поскольку уже предположение о ее наличии позволяет применять к лицу принудительное воздействие имущественного характера. Интересен вопрос относительно того, что будет происходить с конфискованным имуществом, если в итоге виновный будет оправдан, а незаконность конфискованного имущества останется не доказанной.

В УК РФ прямого указания на возможность конфискации имущества у невменяемого лица не предусмотрено. Однако, исходя из того, что по УК РФ конфискация имущества – это не мера наказания и применяется относительно имущества, полученного преступным путем, думаем, что препятствий для ее применения в случае совершения преступления невменяем лицом – нет. Применение конфискации имущества, преступный характер которого не доказан – противоречит принципу вины, поэтому неприемлем.

Интересны нормы конфискации имущества у третьих лиц. Так, в Японии, имущество, добытое преступным путем, может быть изъято у его приобретателей, но только в случае, если они не могут доказать, что не знали о его преступном характере [7, с. 330]. В данном случае, нарушается принцип презумпции невиновности, поскольку никто не должен доказывать свою невиновность, в данном случае – неведение. При этом возникает вопрос, а что будет, если установлено, что лицо явилось добросовестным приобретателем имущества? В Аргентине, конфискованными могут быть доходы лиц, которые ими получены от реализации имущества, добытого преступным путем, при условии получения этого имущества от лица, совершившего преступление [8, с. 202-203].

Несколько специфических положений содержит уголовный закон Дании. Например, о том, что имущество, приобретенное в результате преступления, может быть конфисковано лишь в случае, если в отношении него никем не будет заявлено иска о его возврате, а орудия преступления могут быть конфискованы только в случае, когда это является обязательным для сохранения публичной безопасности (ст. 77

УК Дании). Также датский законодатель урегулировал отношения «посмертной» конфискации имущества. В случае смерти лица, в отношении имущества которого принято решение о конфискации, в определенной части такое решение отменяется [7, с. 329-330].

В ст. 46.1 УК Беларуси (специальная конфискация) содержится указание на то, что «Независимо от права собственности подлежит специальной конфискации транспортное средство, которым управляло лицо, совершившее преступление, предусмотренное статьей 317¹ настоящего Кодекса (за исключением транспортных средств, выбывших из законного владения собственника (пользователя) помимо его воли или в результате противоправных действий других лиц)» [9]. В ст. 317.1 УК РБ предусмотрена ответственность за управление транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, передача управления транспортным средством такому лицу либо отказ от прохождения проверки (освидетельствования) [9]. В России транспортное средство указано в качестве предмета конфискации имущества в п. «д» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ при совершении преступлений, предусмотренных ст. 264.1-264.3 УК РФ, и ей подлежит только транспорт, принадлежащий виновному. В профилактических целях указанных преступлений, норму УК РФ можно было бы изменить, указав (как в Беларуси), что транспортное средство подлежит конфискации независимо от права собственности (за теми же исключениями, что и в УК РБ).

В Китае интересна регламентация регулирования долговых обязательств осужденного, которому назначена конфискация имущества. В ст. 60 УК КНР установлено, что если до вынесения приговора осужденный был признан должником, то его законные долги предписывается выплачивать из конфискованного имущества [3, с. 282; 7, с. 331]. Эта норма также могла бы быть заимствована российским законодателем.

Одной из особенностей конфискации имущества в Голландии является то, что она устанавливается как основное и дополнительное наказание, оба вида могут быть назначены одновременно по одному и тому же приговору, вынесенному за любое уголовное правонарушение. Предметы, подлежащие конфискации строго определены законом, то есть суд лишен возможности самостоятельного определения вещей, которые могут быть конфискованы по обстоятельствам уголовного дела [5].

Законодатель Швейцарии, в отличие от большинства стран отстает от положения обращения конфискованного имущества в доход государства. В частности, он предоставляет судьям право на отдачу распоряжения об уничтожении или приведении в негодность конфискованного имущества, которое было использовано в преступлении и угрожает безопасности граждан, нравственности и общественному порядку [10].

Своеобразный подход к применению специальной конфискации имущества усматривается в Молдове. В нем установлена возможность ее применения и без наказания (ч. 4 ст. 106 УК). Еще одной особенностью

является выделение и подробная регламентация расширенной конфискации имущества. Так, в ст. 106-1 УК определена специфическая совокупность условий, при наличии которых применяется этот вид конфискации (например, стоимость конфискуемого имущества должна превышать определенную сумму законно полученного осужденным дохода в течение 5 лет, предшествующих совершению деяния, непрерывность совершаемого преступления, учет периода до его окончания, собственное убеждение суда в происхождении имущества от незаконной деятельности, совершение конкретных видов преступлений (перечисленных в этой статье), за которые предусмотрено лишение свободы на срок свыше 4 лет [11].

Приведенными положениями особенности регламентации института конфискации имущества в зарубежных странах не исчерпывается. Однако, на наш взгляд, они достаточны для наглядной иллюстрации многообразия и разнообразия законодательных решений.

Общемировые требования гуманизации привели к тому, что законодатели многих стран отказались от использования конфискации имущества как основного вида наказания и ее применения в полном объеме, в результате, сегодня в большинстве стран применяется специальная конфискация имущества. На регламентацию модели конфискации имущества накладывают свой отпечаток национальные особенности государства, а также традиции в уголовном законодательстве. В нормах УК зарубежных стран усматриваются как недостатки, так и достаточно интересные и перспективные положения для использования в отечественном законодательстве.

Положительной оценки, на наш взгляд заслуживают следующие положения зарубежного законодательства о конфискации имущества:

- установление конфискации имущества в виде обязанности суда, за совершение преступлений определенных категорий или видов;
- регламентация изъятия имущества лица, совершившего преступление в состоянии невменяемости или в ином состоянии, в силу которого оно не могло контролировать свои действия;
- конфискация транспортного средства (за совершение некоторых преступлений), принадлежащего не только виновному, но и иным лицам, при условии, что им было известно о преступном поведении пользователя транспортного средства;
- регламентация возможности выплаты долговых обязательств виновного из конфискованного имущества.

По нашему мнению, эти положения должны быть использованы российским законодателем в рамках совершенствования института конфискации имущества, что существенно повысит его качество.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шарипова Л.Р. О сравнительном анализе конфискации имущества по уголовному законодательству России и зарубежных стран // Молодой ученый. – 2017. – № 2 (136). – С. 341–345.

2. Зотова Е.А., Николаев Д.А. Конфискация и взыскание преступного имущества: современное состояние Европейского Союза // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2020. – Том 10. – № 10-1. – С. 369–377.

3. Горбачев И.С. Конфискация имущества в уголовно-правовых предписаниях зарубежных стран: особенности регламентации и правоприменения // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юрид. науки. – 2022. – Т. 8 (74). – № 2. – С. 280–289.

4. Толков Д.В. Конфискация имущества по законодательству европейских и иных зарубежных стран: системообразующие признаки института и их анализ // Человек: преступление и наказание. – 2011. – № 4. – С. 56–60.

5. Данилов М.Ю. Конфискация имущества в России и зарубежных странах // Научно-практический электронный журнал Аллея Науки. – 2021. – № 4 (55). – URL: https://alley-science.ru/domains_data/files/6April2021/KONFISKACIYa%20IMUShESTVA%20V%20ROSSII%20I%20ZARUBEZhNYH%20STRANAH.pdf (дата обращения: 17.11.2024).

6. Головненков П.В., Понятовская Т.Г. Сущность конфискации имущества в германском и российском уголовном праве // Всероссийский криминологический журнал. – 2015. – № 1. – С. 164–173.

7. Кокарев В.Г. Конфискация имущества по законодательству России и некоторых зарубежных стран / Развитие юридической науки в новых условиях: единство теории и практики: сб. докладов Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. – Ростов-на-Дону, 2021. – С. 328–333

8. Щербакова А.А. Конфискация имущества по уголовному законодательству зарубежных стран // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2019. – № 3-2. – С. 201–204.

9. УК Республики Беларусь 1999 года (по состоянию на 08 июля 2024 года). – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&po=Hk9900275> (дата обращения: 18.11.2024).

10. УК Швейцарии от 21.12.1937 г. (по состоянию на 1.07.2020 г.). – URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/20007> (дата обращения: 18.11.2024).

11. УК Республики Молдова 2002 года (по состоянию на 24.11.2023). – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923&pos=6;-107#pos=6;-107 (дата обращения: 18.11.2024).

FEATURES OF CONFISCATION OF PROPERTY IN FOREIGN CRIMINAL LEGISLATION

Pantuykhina I.V., Koltsova E.Yu.

The article examines the provisions of the institution of confiscation of property regulated in foreign criminal legislation, which are absent in

Russian criminal law: confiscation of property without conviction and without punishment; in relation to property whose criminal nature has not yet been proven; the possibility of its application to insane persons and third parties; its possibility only in the case of a claim for return property; repayment of debts from confiscated property and "posthumous" confiscation; confiscation of a vehicle that is alien to the person who used it in a crime; its simultaneous application by the main and additional punishment for one sentence; a specific set of conditions for the application of extended confiscation of property and others. The provisions of foreign legislation have been identified that should be used in the framework of improving Russian norms on confiscation of property in order to improve the quality of regulation of this institution.

Keywords: confiscation of property, general confiscation, special confiscation, punishment, security measures, coercive measures.

УДК 343.13

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОКАЗАНИЯ КВАЛИФИЦИРОВАННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Сенокосов Александр Анатольевич

Аспирант кафедры уголовно-процессуального права,
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Коллегия адвокатов города Москвы «Династия», адвокат,
г. Москва, Россия

E-mail: alexander100@inbox.ru

Данная работа ориентирована на изучение способов совершенствования юридической помощи с использованием цифровых технологий при расследовании различных преступлений. Автор анализирует специфику таких мероприятий как допрос, опознание, очная ставка с использованием видеосвязи, интернет-ресурсов, а также иных телекоммуникационных и цифровых средств.

В публикации актуализируется неопределенность множественных юридических обстоятельств, к примеру, местонахождение адвоката в качестве стороны судопроизводства, а также как участника следственных действий в случае использования цифровых технологий. При этом обозначается вопрос ознакомления с судебной документацией, протоколами, получения экземпляров копий и пр.

Кроме того, немаловажным автору представляется рассмотрение проблем компетентностного и материально-технического плана в процессе интеграции подобных технологий в уголовный процесс. Изучается эффективность использования различных ресурсов видеосвязи таких как MTS-Link, Сферум и пр., которые обеспечивают

надежность коммуникации, закрытость и конфиденциальность информации.

В публикации подчеркивается необходимость совершенствования уголовно- правового законодательства в контексте обозначения ключевых проблем, которые возникают в подобных случаях, а также позволяют разрабатывать методы совершенствования оказания квалифицированной правовой помощи в современном цифровом пространстве.

Ключевые слова: уголовный процесс, цифровые технологии, квалифицированная юридическая помощь, участие адвоката, видеосвязь, электронный ресурс, досудебное производство, протокол следственного действия, совершенствование законодательства

Уголовный процесс в качестве одного из видов государственной процессуальной деятельности включен в различные новообразования и тенденции, в частности, в цифровизацию, которая призвана совершенствовать способы расследования преступлений, поиска и представления доказательств, а также обеспечивать присутствие сторон в случае территориальной удаленности.

Цифровизация, как средство повышения качества расследования и трансформации, «осовременивания» уголовного процесса, является неотъемлемой частью нынешнего общества и безусловно ее необходимо воспринимать как направление развития социума в целом и уголовного процесса, в частности.

Однако, одной из главнейших задач судопроизводства является оказание квалифицированной юридической помощи потерпевшему и необходимо принимать во внимание, что данный процесс зависит от общих направлений развития общества в целом и уголовного процесса, в частности. Подобная интеграция началась относительно недавно и поэтому правовая их регламентация разобщена, ее применение фрагментарно, система отсутствует, в связи с чем актуализируются вопросы ее совершенствования и модернизации процесса оказания квалифицированной юридической помощи.

По мнению О. А. Малышевой, включение в уголовное судопроизводство цифровых технологий ориентировано не только на усовершенствование и структурирование этого процесса, но также и улучшение инструментария защиты процессуальных прав участников, в особенности, потерпевших. Применение цифровых технологий в данной ситуации в контексте современной юридической регламентации, как традиционного правового пространства, чревато большими рисками необоснованного ограничения прав различных участников [1, с. 75].

Как подчеркивает указанный автор, параллельно с техническим совершенствованием уголовного процесса, а также ускорением процедур добычи доказательств, проведения допроса и пр. цифровизация актуализирует проблемы законодательной регуляции квалифицированной юридической помощи потерпевшим.

Одной из главнейших проблем в данной сфере можно назвать недостаточную разработанность процедуры правовой регламентации таких процедур как опознание, очная ставка и допрос при помощи средств видеосвязи и онлайн трансляции. Также необходимо отметить, что возможность участия потерпевшего и адвоката в качестве полноценных участников уголовного процесса, следственных действий должна повышать результативность реализации законодательно определенных правомочий, призванных защищать интересы и законные права потерпевших в контексте расследования преступлений.

Вышеуказанные вопросы позволяют нам определить цель и задачи данной работы, а также основные компоненты понятийного аппарата. Цель исследования конкретизирована в изучении процесса оказания квалифицированной юридической помощи с использованием цифровых технологий. Объектом при этом выступает процесс расследования преступлений, предметом – защита прав участников уголовного процесса, в том числе, потерпевших.

Автор высказывает субъективную точку зрения по поводу применения ресурсов видеосвязи, интернет- платформ, позволяющих обеспечить коммуникацию участников досудебного производства «в реальном времени», а также их взаимодействие при фактической территориальной отдаленности друг от друга. В работе мы поставили задачу раскрыть основные положительные моменты, отражающие оптимизацию досудебного производства с использованием цифровых средств. Судебная практика, исследуемая нами в статье, подчеркивает актуальность затрагиваемой тематики.

В связи с этим в работе необходимо решить ряд задач, которые позволят раскрыть тему:

1. Содержательно исследовать цифровые технологии, способствующие оптимизации уголовного процесса;
2. Изучить судебную практику, иллюстрирующую интеграцию средств фото-и видео- фиксации отдельных процедур судопроизводства;
3. Выявить преимущества включения цифровых технологий в процесс оказания квалифицированной юридической помощи.

Методология исследования предполагает изучение публикаций современных авторов по указанной теме. В частности, интересны работы О.А. Малышевой [1], посвященные интернет- технологиям как инструменту обеспечения прав участников уголовного процесса, наши более ранние публикации [9], [10] отражающие специфику правовой регламентации цифровизации уголовного судопроизводства.

Также в исследовании использованы статьи Л.Н. Кретовой и И.И. Рябовой [3], также А.В. Волченко, Е.В. Лакеевой [4], изучающие общие характеристики включения цифровых технологий не только в уголовное судопроизводство, но и в процесс оказания квалифицированной юридической помощи.

Цифровые технологии, как инструмент оптимизации уголовного процесса.

В последнее время все больше становится актуальной проблематика использования цифровых средств в судопроизводстве, в

том числе, уголовном. Это связано, во-первых, с интеграцией искусственного интеллекта, онлайн ресурсов, электронных средств связи (мессенджеров, видеоконференций, иных видеоресурсов) во все сферы жизнедеятельности человека, а также зачастую, с невозможностью участников процесса присутствовать на месте судопроизводства. Цифровизация также оптимизирует процесс оказания квалифицированной юридической помощи участникам, в частности, потерпевшим, т.к. обеспечивает возможность общения адвоката с необходимыми лицами, где бы они не находились.

Не используя средства видеосвязи, реализуя традиционные следственные действия, участники процесса, которые находятся по месту расследования и проведения процедур могут знакомиться с документами, в том числе, протоколами, в противоположность тому, что участник следственного действия, который не находится на месте в контексте ст. 189.1 УПК РФ может знакомиться с документом лишь путем его прослушивания без визуального восприятия. Ошибки, которые возникают при слуховом восприятии, являются неотъемлемой частью подобной деятельности и их не избежать. Однако их наличие ограничивает право процессуального реагирования на содержание протокола. Человеку сложнее сделать замечания, комментарии, т.к. по результатам различных исследований отмечено, что большая часть людей воспринимает информацию, полученную путем аудирования намного хуже, нежели данные, полученные визуально [2], [3, С. 31].

Кроме того, положения УПК определяют содержание требований к оформлению протоколов, в том числе, допроса. В контексте этого, разработанные и оформленные протоколы предъявляются допрашиваемым лицам, для того, чтобы их прочитали, ознакомились с содержанием и подписали. Информация, которая в них содержится, может быть оглашена следователем по просьбе участника процесса (ч. 6 ст. 190 УПК РФ). Также детально регламентирована процедура подписания протокола очной ставки, при которой допрашиваемый подписывает каждую страницу протокола, свои показания и протокол в целом (ч. 5 ст. 192 УПК РФ). Данные гарантии процессуальных прав и свобод мы считаем незыблемыми и не подлежащими посягательствам. Однако, подобные попытки нарушения указанных прав и интересов могут осуществляться не напрямую, а как раз в контексте отсутствия потерпевшего, допрашиваемого на месте и невозможности самостоятельного прочтения и подписания документа.

Средства видеосвязи, онлайн- конференции в определенной степени способствуют реализации данных прав, однако, у подобной связи должно быть высокое качество, разрешение изображения, скорость трансляции и иные параметры, позволяющие осуществлять полноценную коммуникацию участников досудебного производства и дальнейшую реализацию права на подпись (возможно в цифровом варианте). Подобные права на получение копий документов производства, а также возможность ознакомиться с оригиналом протокола отражены в отечественной судебной практике. К примеру, Конституционный Суд РФ в определении от 24.02.2005 N 133-О «Об

отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ляшенко А.Н. на нарушение его конституционных прав пунктом 13 части четвертой статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» конкретизировал право некоторых участников уголовного процесса на получение копий протоколов следственных действий, которые были проведены с их участием. Одновременно с этим возникает противоречие, при котором у следователя нет обязательства предоставлять копии подобных протоколов участникам уголовного судопроизводства, и зачастую участник следственного действия фиксирует содержание протокола в фотографии при непосредственном ознакомлении с ним. Если потерпевшего лишить процессуальных гарантий ознакомления с протоколом следственных действий, то данный факт может привести к воспрепятствованию бездействиям или действиям следователя, которые снижают качество получаемой потерпевшими юридической помощи и ее никак нельзя будет назвать квалифицированной.

В связи с этим актуально мнение А.В. Волченко и Е.В. Лакеевой, которые предлагают разработать Регламент организации и порядка применения видео-конференц-связи при подготовке и проведении допроса и прочих процессуальных действий. Данные авторы говорят об эффективности дистанционной коммуникации, приравнивании ее к реальному режиму и массе преимуществ, которые позволяют экономить время и средства на судопроизводство, а также интегрировать инновационные технологии в уголовное судопроизводство, предоставлять возможность приравнивания юридической силы цифровых и бумажных документов и электронной цифровой подписи с реальной, письменной [4, с. 126]. Иные исследователи и вовсе предлагают отказаться от бумажных носителей, письменных или печатных протоколов, заменить их на электронные, с цифровой подписью, гарантирующие реализацию законных процессуальных прав потерпевших [5, с. 102].

Преимущества включения цифровых технологий в процесс оказания квалифицированной юридической помощи.

Мы считаем, что в целях совершенствования квалифицированной юридической помощи которая оказывается потерпевшему при проведении досудебных процедур (допроса, опознания, очной ставки и пр.) важно законодательно закрепить обязанности следователей, которые составляют протоколы следственных действий предъявлять их для ознакомления тем участникам, которых нет на месте. Основным вопросом является то, будет ли это электронный вариант либо бумажный, с цифровой или реальной подписью. Также необходимо установить права участников следственных действий на получение копии, надлежаще составленной и заверенной, о чем мы сказали немного выше. Подтвержденный такой подписью протокол необходимо приложить к соответствующей подписке, и направить вместе с ней следователю, которому поручено производство по уголовному делу, чтобы приобщить к протоколу.

В этой связи полагаем необходимым часть 3 статьи 189.1 УПК РФ после слов «в части второй настоящей статьи» дополнить словами «Копия протокола, заверенная следователем либо дознавателем, которые находятся по месту судопроизводства, может быть подписана, заверена и отправлена по необходимому почтовому либо цифровому адресу. Это обеспечит своевременность доставки и достоверность сведений, которые содержатся в отправляемых документах, а также позволит избежать утечки информации и персональных данных, которые составляют содержание данных документов. В случае предъявления для ознакомления и подписания электронного образа протокола, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью следователя или дознавателя, которым поручено производство предварительного расследования, лицо, находящееся вне места предварительного расследования, подписывает предъявленный электронный образ протокола своей электронной подписью.

Кроме этого, в части 5 статьи 189.1 УПК РФ слова «и оглашения» целесообразно заменить на слова «и предъявлении копии либо электронного образа протокола». Часть 6 указанной статьи после слов «и материалы,» дополнить словами «копию либо электронный образ протокола следственного действия», а в части 7 данной статьи слова «получив подписку, приобщает ее» заменить словами «получив подписку, а также копию протокола либо электронный образ протокола, приобщает их».

Вместе с этим необходимо законодательно установить используемое при данных изменениях понятие «электронный образ протокола» для чего необходима дополнить статью 5 УПК РФ пунктом 63 следующего содержания: «63) электронный образ протокола – составленный по правилам статьи 166 настоящего Кодекса и удостоверенный усиленной квалифицированной электронной подписью документ, содержащий электронно-цифровую информацию о ходе и результатах процессуального действия.».

Кроме того, важно подчеркнуть, что сходные законодательные нормы, которые касаются дистанционно проведенных следственных действий, должны отражать весь комплекс мероприятий, которые могут проводиться при помощи средств видеосвязи и самое главное – обеспечить их юридическую силу и полноценное значение наряду с бумажными носителями. На настоящий момент уголовно-процессуальное право РФ наделяет адвоката правами дистанционного взаимодействия только с судом. К примеру, ст. 474.1 УПК РФ способствует реализации прав участников уголовного процесса на подачу заявлений, ходатайств, жалоб для предоставления в суд в электронной форме в сроки, определенные законодательством. К документам, которые подаются в подобной форме, материалы могут прилагаться в электронном виде и подписаны они будут усиленной цифровой подписью. Все представления, жалобы, ходатайства необходимо подавать в суд с использованием ЕИС (единой информационной системы), которая является надежной и гарантирует конфиденциальность информации (ВС РФ или Судебный департамент

при ВС РФ), Единый портал «Госуслуги» (ч. 2 ст. 474.1 УПК РФ). В ряде случаев, к примеру, в ходе подачи ходатайства о получении копий необходимых документов, есть возможность подписания таких документов простой электронной подписью (ч. 3 ст. 474.1 УПК РФ). Также предусмотрена возможность разработки судебного решения в электронной форме и направления такой формы решения участникам уголовного процесса по просьбе либо согласию при помощи обозначенных выше информационных ресурсов (ч. ч. 3-4 ст. 474.1 УПК РФ).

Средства связи, через которые осуществляется коммуникация участников процесса с судом, также должны быть надежными, исключающими утечку данных, к примеру, MTS- Link, локальные и сетевые цифровые ресурсы отдельных ведомств и учреждений. Это обусловлено тем, что информация, которая обсуждается в ходе судопроизводства, носит конфиденциальный характер и не подлежит разглашению третьим лицам.

Говоря о подобных системах видеосвязи, необходимо подчеркнуть их проверенность и надежность, что немаловажно в современной социальной ситуации, когда мы имеем дело с утечкой информации, похищением данных и необходимостью сохранения информации на длительный период, к примеру, записи. Вышеуказанные средства позволяют участникам судопроизводства все это обеспечить. Кроме того, на данный момент на стадии рассмотрения находится вопрос о непринятии судом цифровых доказательств, как это было в производстве несколько лет назад. Если подобные доказательства будут принимаемы, то это доказывает эффективность и достоверность цифровых средств, электронных источников информации, а также укрепляет позиции в отношении использования подобных систем для оказания квалифицированной юридической помощи. В этой связи мы можем выделить преимущества цифровизации уголовного судопроизводства:

1. Максимальное обеспечение возможности коммуникации участников досудебного производства, находящихся территориально в разных местах;
2. Создание электронного документооборота, позволяющего в закрытом доступе знакомиться с содержанием уполномоченным лицам вне зависимости от времени и местонахождения;
3. Повышение информационно- цифровой компетентности специалистов, которые используют цифровые средства в уголовном судопроизводстве;
4. Обеспечение конфиденциальности и сохранности полученной в ходе допросов, очных ставок и иных досудебных процедур, информации в течение длительного периода.

Использование подобных приемов и средств, безусловно, возможно лишь с согласия участников и законодательством также необходимо предусмотреть эти моменты, чтобы избежать нарушения законных прав и интересов участников судопроизводства. Квалифицированная юридическая помощь предполагает всестороннюю

защиту информации, коммуникации участников, достоверность предоставляемых сведений и документов, которые участвуют в досудебном и судебном документообороте.

Подводя итоги нашей работы, необходимо отметить противоречивость и неоднозначность использования электронных цифровых средств в уголовном судопроизводстве для оказания квалифицированной юридической помощи. В данном контексте необходимо отметить много преимуществ, в том числе, сокращение бумажного документооборота, уменьшение сроков рассмотрения обращений и жалоб, расширение возможности отследить работу с документами и пр. Данное направление в уголовном судопроизводстве в этой связи видится достаточно перспективным направлением [6, с. 124-128].

Однако, современная система законодательного регулирования не позволяет следователям направлять электронные извещения о процессуальных действиях, а ведь это может повысить скорость предоставления сведений, своевременность ознакомления с необходимыми данными, при этом издержки сторон снижаются, увеличивается доступность самой помощи. Также возможность оказания квалифицированной юридической помощи адвокатом потерпевшему в режиме онлайн, при помощи вышеуказанных цифровых ресурсов, может быть эффективным инструментом реализации принципов правосудия в отношении потерпевшего. В данном контексте мы придерживаемся мнения Л.Н. Масленниковой о том, что инновационном цифровом пространстве электронное взаимодействие государства и общества обязательно станет ключевым моментом в трансформации досудебного производства [7, С. 140].

Также важно подчеркнуть, что законодательное регулирование использования цифровых технологий при оказании квалифицированной юридической помощи потерпевшим должно осуществляться, в первую очередь, в контексте соблюдения конституционных прав участников уголовного судопроизводства и соблюдения норм и правил, которые сложились в ходе исторического развития законодательства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Малышева О.А. Процессуальные гарантии прав участников следственных действий, проводимых с применением системы видеоконференц-связи // Lex russica. 2022. № 6. С. 74-84.

2. Hagen S. The Mind's Eye5 [Electronic source] // Official website of University of Rochester. URL: http://www.rochester.edu/pr/Review/V74N4/0402_brainscience.html (дата обращения: 07.11.2024).

3. Кретьова Л.Н., Рябова И.И. Онлайн-ресурсы как вспомогательный инструмент формирования иноязычной аудитивной компетенции / Л.Н. Кретьова, И.И. Рябова // Гуманитарные исследования. Педагогика и психология. 2022. № 12. С. 28-35.

4. Волченко А.В., Лакеева Е.В. Возможности использования видеоконференц-связи при производстве следственных действий // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практич. журн. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2022. № 4 (103). С. 123-133.

5. Козловский П.В., Усольцева Д.Е. Теоретико-правовые аспекты использования средств видеоконференцсвязи при производстве допроса в России и за рубежом // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий Том 11, № 3. 2022. С. 100-103.

6. Химичева О.В., Мотякова О.А. Электронная жалоба в досудебном уголовном производстве. Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 4. С. 124-128.

7. Масленникова, Л.Н. Трансформация досудебного производства в начальный этап уголовного судопроизводства, обеспечивающий доступ к правосудию в эру Industry 4.0 / Л.Н. Масленникова // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6. С. 137-144.

8. Овчинникова О.В. Цифровизация уголовного процесса как фактор реализации прав потерпевшего // Виктимология. 2022. Т.9. № 3. С.264-271.

9. Сенокосов А.А. Правовая регламентация оказания квалифицированной юридической помощи участникам уголовного судопроизводства в условиях развития цифровых технологий // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2023. N 4. С. 131-138.

10. Сенокосов А.А. Пути совершенствования правовой регламентации оказания квалифицированной юридической помощи участникам уголовного судопроизводства в условиях развития цифровых технологий. Актуальные проблемы российского права. 2023. N 8. С. 108-115.

11. Рябчиков С.А. Электронный документооборот в досудебном производстве по уголовным делам: современное состояние и развитие // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2023. Т. 23. № 4. С. 27-32.

IMPROVEMENT OF THE PROVISION OF QUALIFIED LEGAL ASSISTANCE IN INVESTIGATING CRIMES IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF DIGITAL TECHNOLOGIES

Senokosov A. A.

This work is focused on exploring ways to improve legal aid using digital technologies in the investigation of various crimes. The author analyzes the specifics of such events as interrogation, identification, confrontation using video communication, Internet resources, as well as other telecommunication and digital means.

The publication updates the uncertainty of multiple legal circumstances, for example, the location of a lawyer as a party to the proceedings, as well as as a participant in investigative actions in the case of the use of digital technologies. At the same time, the issue of familiarization

with court documentation, protocols, obtaining copies of copies, etc. is indicated.

In addition, it is important for the author to consider the problems of competence and logistical plan in the process of integrating such technologies into the criminal process. The efficiency of using various video communication resources such as MTS- Link, Spherum, etc., which ensure reliable communication, privacy and confidentiality of information, is being studied.

The publication emphasizes the need to improve criminal law legislation in the context of identifying the key problems that arise in such cases, and allows us to develop methods to improve the provision of qualified legal assistance in the modern digital space.

Keywords: criminal procedure, digital technologies, qualified legal assistance, lawyer's participation, video communication, electronic resource, pre-trial proceedings, protocol of investigative action, improvement of legislation

УДК 343.1

ПОДСУДНОСТЬ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ВОЕННЫМ СУДАМ В ОТНОШЕНИИ ГРАЖДАН, ПРИЗВАННЫХ НА ВОЕННУЮ СЛУЖБУ ПО МОБИЛИЗАЦИИ И ГРАЖДАН, ПРЕБЫВАЮЩИХ В ДОБРОВОЛЬЧЕСКИХ ФОРМИРОВАНИЯХ

Халилова Виктория Леонидовна

Заместитель начальника отдела Екатеринбургского гарнизонного военного суда, преподаватель кафедры судебной деятельности и уголовного процесса им. П.М. Давыдова Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева,
г. Екатеринбург,
E-mail: vicini1@mail.ru

В статье анализируются положения закона, касающиеся подсудности уголовных дел военным судам на основании персонального признака в условиях проведения специальной военной операции. Определяется правовой статус граждан, призванных на военную службу по мобилизации и граждан, пребывающих в добровольческих формированиях. Исследуются правовые основания призыва на военную службу по мобилизации и пребывания в добровольческих формированиях, момент начала военной службы. Освещается проблема правоприменительной практики по вопросу подсудности уголовных дел в отношении граждан, призванных на военную службу по мобилизации и граждан, пребывающих в добровольческих формированиях. В заключении автор приходит к выводу о необходимости внесения изменения в законодательство регулирующее вопрос определения подсудности уголовных дела военным судам.

Ключевые слова: подсудность уголовных дел, военные суды, персональный признак подсудности, призванные на военную службу по

мобилизации, добровольно поступившие в добровольческие формирования.

Военный юрист и генерал А.И. Деникин, говоря о роли военных судов в укреплении воинской дисциплины в армии, отмечал, что война – это слишком жестокое и беспощадное явление, чтобы можно было регулировать его с помощью гуманных мер. Военный суд – один из главных устоев порядка в армии, который необходим для этого[1].

Согласно ст. 45 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ)[2] каждый имеет право на судебную защиту, а в ч. 1 ст. 47 Конституции РФ закреплено, что каждому гарантируется право на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом. Данное конституционное положение получило свое развитие в ч. 3 ст. 8 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)[3] в качестве одного из принципов уголовного судопроизводства[4].

Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, право каждого на судебную защиту, равно как и его необходимая составляющая – право на законный суд, гарантированное вышеуказанной статьей Конституции РФ (ч. 1 ст. 47) означает, что рассмотрение любого дела должно осуществляться не произвольно выбранным, а законно установленным судом, компетенция, которого по рассмотрению конкретного дела определяется на основании закрепленных в законе критериев, которые заранее – до возникновения спора или иного правового конфликта – в нормативной форме предопределяют, в каком суде подлежит рассмотрению то или иное дело[5].

Важным является мнение В.М. Бозрова, с которым нельзя не согласиться: «Судебная власть должна иметь четкие границы, а критерием ее определения является правило о подсудности»[6].

С точки зрения федерального законодательства, определение суда, к подсудности которого относится то или иное уголовное дело, является прерогативой федерального законодателя. Исходя из определенных критериев и статуса лица, обвиняемого по уголовному делу, мы можем определить, что данное дело будет рассмотрено военным судом.

На основе судебной системы можно выделить особую юрисдикцию, что подтверждается наличием военных судов, где рассматриваются уголовные дела в отношении субъектов с особыми характеристиками. Отнесение уголовных дел о преступлениях, совершенных военнослужащими, к подсудности военных судов обусловлено особенностями характера и условий военной службы и не связано с созданием им привилегированных условий или, наоборот, ограничений в рамках уголовного судопроизводства.

С момента принятия Федерального конституционного закона от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации»[7] (далее – ФКЗ «О военных судах Российской Федерации») было внесено

множество изменений и дополнений, которые существенно изменили категорию подсудности дел военным судам, в частности была изменена существовавшая ранее подсудность уголовных дел военным судам. В целях реализации конституционного принципа равенства граждан перед законом и судом исключается подсудность уголовных дел в зависимости от воинского звания и должностного положения виновного.

Таким образом, согласно п. 2 ч. 1 ст. 7 вышеупомянутого закона, военному суду подсудны дела о всех преступлениях, совершенных военнослужащими и гражданами, проходящими военные сборы, дела о преступлениях, совершенных гражданами (иностранными гражданами) в период прохождения ими военной службы, военных сборов, а также дела, отнесенные к компетенции военных судов УПК РФ.

Дублирующая норма, регламентирующая подсудность уголовных дела гарнизонному военному суду, содержится в ч. 5 ст. 31 УПК РФ.

Поэтому при определении подсудности уголовного дела в отношении конкретного лица решающую роль играет его принадлежность к военной службе, то есть наличие статуса военнослужащего.

И если согласно ст. 2 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» (далее – ФЗ «О статусе военнослужащих»)[8] определено, что к гражданам, имеющим статус военнослужащих относятся военнослужащие, проходящие военную службу по контракту или по призыву в соответствии с Федеральным законом от 28 марта 1998 г. № «О воинской обязанности и военной службе» (далее – ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»)[9] в Вооруженных Силах Российской Федерации (далее - Вооруженных Силах РФ) и в войсках национальной гвардии РФ, в спасательных воинских формированиях федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на решение задач в области гражданской обороны, в Службе внешней разведки РФ, органах федеральной службы безопасности, органах государственной охраны, органах военной прокуратуры, военных следственных органах Следственного комитета РФ и в федеральном органе обеспечения мобилизационной подготовки органов государственной власти РФ, в воинских подразделениях федеральной противопожарной службы и создаваемых на военное время специальных формированиях.

Указом Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 г. № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» (далее – Указ) в Российской Федерации с 21 сентября 2022 г. объявлена частичная мобилизация[10] и в связи с ее объявлением особенно актуальным становится вопрос о подсудности уголовных дел в отношении граждан призванных на военную службу по мобилизации и граждан, пребывающих в добровольческих формированиях.

Согласно п. 2 Указа призыв граждан Российской Федерации на военную службу по мобилизации осуществляется в Вооруженные Силы РФ.

Пунктом 8 Указа на высших должностных лиц органов государственной власти субъектов Российской Федерации возлагается обязанность обеспечить призыв граждан на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы РФ в количестве и в сроки, установленные Министерством обороны Российской Федерации для каждого субъекта Российской Федерации.

Пункт 2 ст. 17 Федерального закона от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» [11] (далее – Закон о мобилизации) предусматривает, что призыву на военную службу по мобилизации подлежат граждане, находящиеся в запасе и не имеющие права на отсрочку от призыва по мобилизации, а из п. 2 Указа следует, что граждане Российской Федерации, призванные на военную службу по мобилизации, имеют статус военнослужащих, проходящих военную службу в Вооруженных Силах РФ по контракту. Требования к заключению контракта о прохождении военной службы с лицом, призванным на военную службу по мобилизации, на период призыва по мобилизации законодательство Российской Федерации о мобилизации и названный Указ не содержат.

При объявлении мобилизации граждане, подлежащие призыву на военную службу должны прибыть на сборные пункты в сроки, указанные в мобилизационных предписаниях, повестках и распоряжениях военных комиссариатов.

Кроме того, законодательством Российской Федерации предусмотрено то, что гражданам, находящимся в мобилизационном кадровом резерве или гражданам подлежащим призыву по мобилизации, которым до объявления мобилизации выдано мобилизационное предписание с указанием конкретной воинской части, надлежит явиться непосредственно в воинскую часть в срок, указанный в таком предписании при этом минуя военный комиссариат. Началом прохождения военной службы для таких граждан будет считаться день зачисления в списки личного состава воинской части. (подп. 2 п. 1 ст. 10 Закона о мобилизации, п. 2 ст. 54, п. 1 ст. 57.7 ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»).

В соответствии с вышеуказанными положениями законов в их взаимосвязи следует, что вручение повестки, наличие мобилизационного предписания или издание соответствующего распоряжения не свидетельствует о начале прохождения военной службы.

Таким образом, лицо, призванное по мобилизации, приобретает статус военнослужащего с даты начала прохождения военной службы, которая определяется следующим образом:

- для граждан, имеющих воинские звания и выданные при воинском учете мобилизационные предписания по явке в органы военного комиссариата (сборные пункты) – датой призыва (приказа) военного комиссара о направлении к месту прохождения военной службы;

- для граждан, имеющих мобилизационные предписания по явке непосредственно в воинские части, – датой зачисления в списки личного

состава воинской части, определенной соответствующим приказом командира (начальника)[12].

Следовательно, основываясь на п. 2 Указа и п. 2 ч. 1 ст. 7 ФКЗ «О военных судах Российской Федерации» лица, призванные на военную службу по мобилизации, в силу приобретения ими статуса военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, относятся к субъектам преступлений уголовные дела в отношении, которых подсудны военным судам.

Закономерным становится вопрос правоприменительной практики о подсудности уголовных дел в отношении граждан, пребывающих в добровольческих формированиях и направленных для выполнения специальных задач в зоне специальной военной операции. Изначально необходимо определить приобретают ли статус военнослужащих закрепленный в законе граждане, поступившие в добровольческие формирования.

Вскоре после объявления частичной мобилизации в Российской Федерации Федеральным законом от 4 ноября 2022 г. № 419-ФЗ[13] Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» (далее – ФЗ «Об обороне»)[14] был дополнен ст. 22.1 о добровольческих формированиях. По решению Президента Российской Федерации добровольческие формирования могут создаваться Министерством обороны Российской Федерации (Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации). Численность добровольческих формирований, их организация, районы их действий, стоящие перед ними задачи, порядок управления ими, продолжительность использования добровольческих формирований и порядок прекращения их деятельности определяются Министерством обороны Российской Федерации (Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации) на основании поставленных перед ними задач.

В состав добровольцев входят граждане Российской Федерации, добровольно поступившие в добровольческие формирования, а также военнослужащие, направленные в них Министерством обороны Российской Федерации (военнослужащие и сотрудники, направленные Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации). При этом последние (*«военнослужащие, направленные в них Министерством обороны Российской Федерации (военнослужащие и сотрудники, направленные Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации)»*) обладают статусом военнослужащих без каких-либо ограничений и несут всевозможные виды юридической ответственности, предусмотренные для военнослужащих, в связи, с чем уголовные дела в них подсудны военным судам.

Гражданин Российской Федерации может поступить в добровольческое формирование, заключив контракт о пребывании в добровольческом формировании (о добровольном содействии в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы РФ или войска национальной гвардии Российской Федерации). Гражданин, не состоящий на военной службе, изъявивший желание поступить в

добровольческое формирование, подает заявление в военный комиссариат муниципального образования, где он состоит на воинском учете, а если он не состоит на воинском учете – в военный комиссариат муниципального образования по месту жительства. К заявлению прилагается заполненная от руки анкета и ряд документов, после чего проверяется состояние здоровья данного кандидата, проводятся мероприятия по профессиональному психологическому отбору, подтверждается соответствие уровню физической подготовки, затем комиссией военкомата принимается решение о соответствии требованиям и на этом основании заключается контракт о пребывании в добровольческом формировании[15].

Кроме того, следует отметить, что законом установлен запрет на заключение контракта с гражданином, в отношении которого вынесен обвинительный приговор и которому назначено наказание, в отношении которого ведется дознание либо предварительное следствие или уголовное дело, в отношении которого передано в суд, имеющим неснятую или непогашенную судимость за совершение преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетнего либо преступлений, предусмотренных ст. ст. 205 -205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 275, 275.1, 276 – 280, 282.1 –282.3, 360, 361 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)[16], а также отбывавшим наказание в виде лишения свободы.

Контракт на пребывание в добровольческом формировании вступает в силу со дня его подписания уполномоченным должностным лицом и прекращает свое действие со дня исключения гражданина Российской Федерации из добровольческого формирования по любому из оснований, предусмотренных п. 7-9 ст. 22.1 ФЗ «Об обороне» а именно: – в связи с истечением срока контракта о пребывании в добровольческом формировании; – в связи с несоответствием требованиям к состоянию здоровья, установленным Министерством обороны Российской Федерации (Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации) для граждан Российской Федерации, пребывающих в добровольческих формированиях; – в связи с вступлением в законную силу приговора суда о назначении наказания в виде лишения свободы; – в связи с поступлением на военную службу; – в связи с прекращением деятельности добровольческого формирования.

Из ч. 10 вышеупомянутого федерального закона видно, что граждане Российской Федерации, состоящие в добровольческих формированиях, имеют статус (совокупность прав, обязанностей и ответственности), устанавливаемый федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации. На таких граждан статус военнослужащих распространяется в случаях и порядке, которые предусмотрены федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Однако контракт о пребывании в добровольческом формировании не то же самое, что контракт о прохождении военной службы. В связи с этим граждане, состоящие в добровольческих формированиях, в том

числе граждане, освобожденные от наказания из учреждения ФСИН России и направленные для выполнения специальных задач в зону специальной военной операции в составе добровольческих формирований, не являются военнослужащими в том смысле, который этому придается военнослужащему, закрепленному в ст. 2 ФЗ «О статусе военнослужащих».

На данный момент уголовные дела в отношении вышеуказанных граждан подлежат рассмотрению судами общей юрисдикции, а не военным судами, что является не целесообразным и требует расширения подсудности уголовных дел военным судам за счет включения в перечень лиц, преступления о совершении, которых подсудны военным судам – добровольцев.

Предлагается внести изменений в ФКЗ «О военных судах Российской Федерации» изложив подсудность дел военным судам по уголовным делам в следующей редакции: п. 2 ч. 1 ст. 7 «военным судам подсудны дела о всех преступлениях, совершенных военнослужащими и гражданами, проходящими военные сборы, гражданами, пребывающими в добровольческих формированиях, дела о преступлениях, совершенных гражданами (иностранными гражданами) в период прохождения ими военной службы, военных сборов, а также дела, отнесенные к компетенции военных судов УПК РФ. Кроме того, дублирующую норму, регламентирующую подсудность уголовных дел гарнизонному военному суду привести в соответствие с вышеуказанным федеральным конституционным законом изложив ч. 5 ст. 31 УПК РФ в следующей редакции: «гарнизонный военный суд рассматривает уголовные дела о всех преступлениях, совершенных военнослужащими и гражданами, проходящими военные сборы, а также в отношении граждан, пребывающих в добровольческих формированиях за исключением уголовных дел, подсудных вышестоящим военным судам».

ЛИТЕРАТУРА

1. Деникин А.И. Крушение власти в армии (февраль-сентябрь 1917). Париж, 1921.
2. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. №31. Ст.4398.
3. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 02.10.2024) // «Российская газета». № 249. 22.12.2001.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2023 N 22 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих подсудность уголовного дела» // «Российская газета». № 149. 10.07.2023.
5. Постановление Конституционного Суда от 16 октября 2012 № 22-П [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_136822.

6. Бозров В.М. Современные проблемы правосудия по уголовным делам в практике военных судов России. Дисс. д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1999. С.409.

7. Федеральный конституционный закон от 23 июня 1990 г. № 1-ФКЗ (ред. От 10.07.2023) «О военных судах Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 28.06.1999. № 26. Ст. 3170.

8. Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О статусе военнослужащих» // Собрание законодательства РФ. № 22.01.06.1998. ст. 2331.

9. Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ (ред. от 02.10.2024) «О воинской обязанности и военной службе» // Собрание законодательства РФ. 30.03.1998, № 13. ст. 1475.

10. Указ Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 г. № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 26.09.2022. № 39. Ст. 6590.

11. Федеральный закон от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ (ред. От 23.03.2024) «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 03.03.1997. № 9. Ст. 1014.

12. Институт подсудности в уголовном процессе: материалы I Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы российского уголовного процесса», г. Москва. 29 марта 2024 г. М.: Юрлит-информ, 2024. – 224 с.

13. Федеральный закон от 04.11.2022 № 419-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // «Российская газета». № 251. 08.11.2022.

14. Федеральный закон от 31.05.1996 № 61-ФЗ (ред. от 26.02.2024) «Об обороне» // Российская газета». № 106. 06.06.1996.

15. Приказ Министра обороны РФ от 15.02.2023 № 67 «Об определении порядка поступления граждан Российской Федерации в добровольческие формирования, пребывания в них и исключения из них, требований, предъявляемых к гражданам Российской Федерации, поступающим в добровольческие формирования и пребывающим в них, а также порядка заключения контракта гражданами Российской Федерации о пребывании в добровольческом формировании и типовой формы контракта» (Зарегистрировано в Минюсте России 06.03.2023 N 72533). Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 07.03.2023.

16. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.10.2024) // «Собрание законодательства РФ». 17.06.1996. № 25. ст. 2954.

**JURISDICTION OF CRIMINAL CASES TO MILITARY COURTS
IN RELATION TO CITIZENS CALLED UP FOR MILITARY
SERVICE ON MOBILIZATION AND CITIZENS STAYING
IN VOLUNTEER FORMATIONS**

Khalilova V.L.

The article analyzes the provisions of the law concerning the jurisdiction of criminal cases to military courts on the basis of a personal attribute in the conditions of a special military operation. The legal status of citizens called up for military service on mobilization and citizens staying in volunteer formations is determined. The legal grounds for conscription for mobilization and stay in volunteer formations, the moment of the beginning of military service are investigated. The article highlights the problem of law enforcement practice on the issue of jurisdiction of criminal cases against citizens called up for military service on mobilization and citizens staying in volunteer formations. In conclusion, the author concludes that it is necessary to amend the legislation regulating the issue of determining the jurisdiction of criminal cases to military courts.

Keywords: jurisdiction of criminal cases, military courts, personal sign of jurisdiction, conscripted for military service on mobilization, voluntarily enrolled in volunteer formations.

Учредитель журнала: Тихонова Жанна Сергеевна, Ростовская область, Аксайский район, пос. Водопадный, ул. Виноградная д. 10,
Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации в СМИ: серия ПИ № ФС77-85701 от 21 июля 2023г.
Регистрирующий орган: ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА ПО НАДЗОРУ В СФЕРЕ СВЯЗИ, ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ
Издательство: Индивидуальный предприниматель Тихонова Жанна Сергеевна, ИНН: 615108078357
Адрес редакции: РОССИЯ, обл. РОСТОВСКАЯ, р-н АКСАЙСКИЙ пос. Водопадный, ул. Виноградная д. 10
Печатается в типографии: Издательство профессиональной прессы и литературы «Профпресслит», ИП Нефедов Д.В.
Адрес типографии: 344019 г. Ростов-на-Дону Мясникова ул, д 52/32,
E-mail: Nauka-pravo77@yandex.ru Сайт редакции: <https://academsfera.ru/>
Подписано в печать 05.10.2024г. Выход в свет 25.10. 2024г., 10,74 п.л.
Тираж 500 экз. Заказ № 193-24/27. Цена свободная